

АЛАЯ ЗИМА: КНИГА ПЕРВАЯ

vk.com/kurotranslations

Алая
Зима

АННЕТТ МАРИ

Через пару месяцев смертная жизнь Эми закончится, она станет телом для бессмертной богини. Она тщательно скрывается ото всех, кто может ей навредить, она подготовила разум, тело и душу для соединения с богиней. Она не один раз сомневалась в своей судьбе. Широ — дух, враг богини, с которой суждено соединиться Эми. В каждом его движении — загадка, а его рубиновые глаза хитро сияют, и она не может доверять ему. Но она спасла ему жизнь, и пока он не отплатил долг, он готов слушаться ее, хочет она этого или нет. В день, когда они встретились, все, во что безоговорочно верила Эми, смело, как снег ветром. Впервые она захотела изменить свое будущее, но как стереть судьбу, что уже высечена на камне? Против силы богов у нее есть лишь Широ... и ее надежда.

Аннетт Мари «Алая зима» («Алая зима» — 1)

Перевод: Kuromiya Ren

Дорогой читатель,

Трилогия «Алая зима» вдохновлена богатой мифологией Японии. Мир в этой книге основан на уникальной, манящей стране и культуре, но это все же творение моего воображения.

Надеюсь, вам понравится!

Аннетт Мари

ГЛАВА 1:

Эми стояла в начале дорожки. Где-то среди деревьев был храм, где ей предстоял провести последние два месяца смертной.

За ней тихо гудела машина, из которой она вышла, только двигатель и было слышно в воздухе. Тропа вилась по склону горы, покрывало листьев показывало, что редкий путник проходил здесь. Толстые стволы деревьев обрамляли дорогу, словно забор, прерываемый лишь там, где у ее ног начиналась тропа.

Дверь машины захлопнулась, и она вздрогнула, оторвала взгляд от темного коридора меж деревьев. Ее сопровождающий открыл багажник и вытащил два простых чемодана. Он обошел машину и со стуком опустил их на землю рядом с ней. Она хмуро посмотрела на багаж, потом на сопровождающего.

— Спасибо, Акио, — вежливо выдавила она.

И снова посмотрела на тропу. Холодный ветерок коснулся ее длинных волос, ее дыхание облачками вырывалось в воздух. Была лишь середина зимы, но уже ощущался холодный вкус зимы. Серые облака растянулись между вершин гор, затмевая вечерний свет.

Листья шуршали от приближающихся шагов. Эми пригладила волосы и встряхнула длинные широкие рукава кимоно, чтобы они висели изящнее. Она сложила руки перед собой, и три фигуры появились из теней и поспешили по тропе.

Группу возглавлял старик с морщинистой кожей и широкой улыбкой. Его темно-лиловое одеяние — традиционная одежда *каннуши*, священника храма — почти не шевелилось на нем. Он спешил к ней, раскинув руки, но она не успела запаниковать, что он обнимет ее, он остановился и низко с уважением поклонился.

— Госпожа! — его голос дрожал от волнения. — Такая честь, такая честь. Добро пожаловать в храм Шираюри. Наш дом маленький и скромный, вы к такому не привыкли, но все, что наше, ваше...

Дверь машины снова хлопнула, прерывая каннуши. Эми обернулась и потрясенно увидела, что Акио вернулся на место водителя. Двигатель взревел, он развернулся и помчался прочь. Жар ударил ей в лицо, пока она смотрела вслед машине. Она повернулась к каннуши.

— Прошу прощения за грубость моего сопровождающего, — пролепетала она. — Н-не знаю...

Она замолчала, не зная, как объяснить резкое поведение Акио. Она не хотела говорить им, что последние шесть месяцев он мечтал избавиться от нее. Она слышала, как он говорил, что работа няньки ему не подходит.

Каннуши помахал руками.

— Ничего страшного, госпожа. Я привык к странностям сохэев. Они избираются не за хорошие манеры, да, Минору?

Он тепло улыбнулся через плечо мужчине, сопровождавшему его.

Выражение лица Минору было приятным, но теперь чуть помрачнело, он выглядел угрожающе с деревянным посохом и длинным мечом. Но Эми привыкла к опасным вооруженным сохэям. Она не боялась стражей храма.

Каннуши раскинул руки.

— Позвольте представиться, чтобы мы уже не стояли на холодном ветру! Госпожа, я Фуджимото Хидэйоши, каннуши храма Шираюри. Минору учился у лучших, он обеспечит вашу безопасность.

Она скромно улыбнулась Минору, он ответил тем же. Она немного расслабилась. Может, он будет относиться к ней не так, как Акио. Может, этот храм будет лучше прошлого.

— А это, — продолжил Фуджимото, указав на девушку рядом с Минору, — милая Нанако, наша почитаемая мико, которой почти двадцать.

Почти во всех храмах была хоть одна мико — жрица храма, помогающая каннуши. Нанако стояла прямо рядом с Минору, руки скрывались в широких рукавах белого кимоно. Ее красные хакама — широкие штаны в складку — тоже были частью ее формы. Эми была в такой же форме, но с небольшой разницей. Одежда Нанако была поношенной, цвета потускнели, виднелись аккуратные заплатки. Одежда Эми была из хорошей ткани, белый был чистым, как свежий снег, а алые хакама — яркими, как красная паучья лилия, что росла в лесу и на лугах в горах.

Эми попыталась улыбнуться, но Нанако только сдержанно кивнула, ее карие глаза казались недружелюбными. Эми сглотнула. Может, этот храм все же не будет лучше. Но это не имело значения, это последний раз. Еще два месяца, и ее не будет, жизнь мико, человека ее уже не будет волновать.

К ее ужасу, Фуджимото принялся кратко описывать историю храма, а не шел по заброшенной тропе. Она внимательно слушала, как он рассказывал о создании храма много-много лет назад, место выбирали безопасным, на краю едва изученной северной территории. Хотя много раз храм страдал во время войн и от погоды, местные жители отстраивали его, и последний такой случай был двести лет назад.

Холодный ветер снова налетел на деревья, осенние листья затанцевали в воздухе.

Фуджимото схватился за высокую шапку каннуши, порыв чуть не сбил ее с головы, прервал свое объяснение о недавних изменениях на землях храма.

— Прошу прощения, — пробормотал он и жестом попросил Эми идти. — Почему бы нам не уйти с холода?

Она радостно последовала за ним по тропе мимо Минору и Нанако. Она тревожно скользнула взглядом по деревьям, что сомкнулись над ними. Зеленые ели и сосны перемежались с изогнутыми ветвями, полными желтых, оранжевых и красных листьев. Порой среди ярких веток попадалась голая, похожая на руку скелета.

Тихое мужское покашливание остановило ее. Она оглянулась на Минору, а тот был на тропе между ней и дорогой. Он кивнул в сторону ее багажа, брошенного у тропы.

Фуджимото заломил руки и покраснел.

— Минору, будь другом, донеси сумки госпожи, — смущенно и быстро выпалил он.

— Боюсь, я не могу, — ответил Минору медленно низким голосом, что мог подавить любой страх. Он постучал древком посоха с лезвием по земле. — Мне нельзя загромождать руки.

— Ах, да, да, безопасность госпожи.... Конечно.

— Я... понесу их, — быстро сказала Эми. Она еще не носила свои чемоданы. Она даже не знала, тяжелые ли они. Но она могла это сделать. Ничего ее рукам не будет.

Она спешно пошла к багажу. Фуджимото издал вопль и схватил ее за руку. Она вскрикнула.

Лепеча извинения, Фуджимото убрал руку так быстро, словно она обожгла его. Она попятилась, укутываясь в сдержанность, как в невидимый плащ, и отстраненное спокойствие скрыло ее истинные чувства.

— Посланник из Шиона рассказывал вам, — сказала Нанако, прервав поток извинений Фуджимото. Ее грубость к старшему удивила Эми, и она едва смогла скрыть эти эмоции. — Вы знаете правила насчет прикосновений к госпоже, — она холодно посмотрела на Эми. — Я понесу ее сумки.

Нанако прошла мимо Эми, ее хакама хлопала вокруг ног. Разве она не знала, что штаны не будут шуметь, если делать маленькие шаги? Эми сказала бы это, если бы не холод, с которым девушка сказала «госпожа». Эми уже слышала такие нотки, она знала, что это значит.

Эми пошла за Фуджимото глубже в лес. Тропа была широкой, и несколько людей могли идти по ней бок о бок, но она шла чуть позади него. Минору плелся за ними, а Нанако шагала в конце с чемоданами в руках.

Опавшие листья хрустели под сандалиями Эми, пока она шла. Кроме этого звука, тишину нарушало журчание ручья неподалеку. Присутствие Минору сзади успокаивало, ничто не навредило бы ей, если рядом опытный сохэй. Он умрет, но не позволит ничему навредить ей. Акио, хоть она ему и не нравилась, поступил бы так же.

Знакомое здание появилось из теней, и еще часть тревоги оставила ее спину. Впереди по краям тропы стояли две деревянные колонны. Горизонтальная балка на их вершинах создавала подобие двери, а вторая балка над ней была толще и с изогнутыми концами, приподнятыми к небу. Врата тории отмечали конец мира смертных и начало земель храма — территории ками.

Фуджимото без промедления миновал врата. Эми замерла перед ними, посмотрела на тусклую красную краску. Закрыв глаза, она поклонилась вратам, выказывая уважение

священной земле, а потом пересекла порог. Ее нога коснулась тропы на другой стороне, внешне не отличающейся от той, что была на стороне смертных, и спокойствие окутало ее. Она была здесь в безопасности.

Она догнала Фуджимото и запоздало заметила его красное от смущения лицо. Минору подошел к тории, замешкался и быстро поклонился, следуя примеру Эми. Нанако шла последней и не замедлилась ни на миг. Она пошла мимо них троих и принялась подниматься по каменным ступеням, что начинались за тории. Ее сандалии шлепали от каждого шага, напоминая удар хлыста.

Прикусив губу, Эми шла за Фуджимото. Она не хотела смутить его, показав, что он не последовал правилам, но она не могла войти в новый храм, в ее временный дом, не поклонившись. Это было неуважительно.

А он, как каннуши, должен все выполнять правильно. Это был *его* храм.

Пока она думала о необычном характере Фуджимото, дружелюбном, но без отточенного поведения каннуши, к которому она привыкла, она добралась до вершины каменных ступеней, и вторые тории, в этот раз крупнее, отмечали вход в храм. Она снова поклонилась и прошла на широкие идеально подобранные камни. В другом конце длинного двора стояло главное здание храма. Зал для богослужений был в два этажа, над ним была традиционная крыша в виде изогнутой пирамиды, укрытой черепицей, углы изгибались, как завитки бумаги, что не могла распрямиться.

Она разглядывала здание, потрепанное и тусклое, как форма Нанако, когда белое пятно пролетело в нескольких дюймах от ее носа. Упало еще одно, и вокруг них полетели снежинки. Маленькие холодные точки касались ее щек, пока она смотрела на небо.

— Первый снег! — сообщил Фуджимото. — Второго ноября. Даже в горах снег обычно начинается в декабре.

Шаги прозвучали по камню, пока Эми смотрела вверх. Первый снег ее последней зимы. Она встряхнула себя. Не последней, конечно, но все изменится раньше, чем весеннее солнце коснется ее кожи.

— Ах, кто здесь, — радостно сказал Фуджимото. — Госпожа, позвольте представить вам второго стража, юного сохэя из Шиона. Может, вы встречались?

Оторвав взгляд от снега, она повернулась к человеку рядом с каннуши. Кровь стала ледяной в ее венах.

— Госпожа, это...

— К-Катсуо! — выдохнула она, не сдержавшись.

— Ах! — Фуджимото посмотрел на них. — Значит, вы знакомы.

Юноша неуверенно улыбнулся ей. Конечно, она его знала. Они не виделись три год, но его лицо было до боли знакомым — эти глаза, темные, но теплые, растрепанные черные волосы, не скрывающие лоб, когда он хмурился. О, она его знала. Он столько раз появлялся в ее кошмарах, что она не могла забыть его лицо.

Улыбка Катсуо угасла от ее потрясенного взгляда.

Фуджимото кашлянул.

— Госпожа, может, вы хотите прогуляться...

— Я устала, — сообщила она и виновато поклонилась. — Я бы хотела отдохнуть. Прощу, покажите мне мою комнату.

Рот Фуджимото открывался и закрывался, как у рыбы на суше.

— К-конечно. Нанак о уже унесла ваши вещи. Минору, Катсуо, вы...?

— Конечно, — сказал Минору. — Госпожа?

Она отвела взгляд от Катсуо и неровно шагнула к Минору. Замерев, она расправила плечи, взяла себя в руки, представила на лице маску, лишённую выражения, как у актёров на сцене. Никто не увидит её внутренний хаос. Никто не поймет, что при виде Катсуо она задрожала от ужасных воспоминаний и чувств, что пытались пробиться на поверхность. Нет. Она снова подавила их.

С тревогой на лице Минору вел её от тории к раскидистому дубу. Изогнутые ветки с желто-оранжевыми листьями во всем осеннем великолепии занимали половину двора. Тропа огибала древнее дерево, за ним были большие камни и ухоженные кусты слева, пруд под тусклым небом поглощал снежинки, что касались его поверхности.

Когда Минору привел её к деревянному мостику, что пересекал узкую часть пруда, она остановилась, но не для того, чтобы поклониться или как-то выразить уважение. Страх покалывал её кожу, пока она смотрела на мост, на поверхность воды, что могла скрывать что угодно.

Там ничего нет. Ничего. Это пруд в саду посреди священной земли рядом с храмом. Ей нечего бояться.

Но она не могла заставить себя подойти к мосту.

Она не знала, как долго стояла на месте, пока не поняла, что рядом с ней Катсуо. В его глазах было понимание. Она не хотела этого. Не хотела ничего от него, неужели он не понимал?

Нет, ведь он склонился ближе.

— Комната на той стороне пруда, — нежно сказал он. — Мне сопроводить вас, госпожа?

Она смотрела на землю, снежинки таяли на каменной тропе.

— Эми? — прошептал он.

Она вздрогнула, взглянула на его лицо и отвела взгляд. Он шагнул вперед и ждал.

Она неохотно шагнула к нему. Он пошел вперед медленными шагами, она двигалась с ним, глубоко дыша. Стук сандалий по камню сменился гулом дерева по дереву. Глядя на доски моста, она не поднимала голову, старалась держаться близко к центру, шла осторожными мелкими шажками. Она не собиралась носиться и хлопать хакама. Это ей не подходило.

Когда они дошли до конца моста, Катсуо отодвинулся. Она пыталась вернуть маску спокойствия, но не получалось.

— Комната? — хрипло спросила она.

Минору и Катсуо ничего не сказали насчет её эмоций из-за маленького мостика. Катсуо знал, почему от мостов у неё появлялась паника, но Минору мог подумать, что она не в себе. Пока Катсуо не расскажет ему. Может, они говорили о ней до её прибытия.

Двое мужчин увели её от пруда и проклятого моста. Она едва посмотрела на одноэтажное здание или красивый сад и цветы в центре. Деревянная приподнятая тропа, открытая саду, шла вдоль дома.

Катсуо завернул за южный угол, открыл дверь и отошел в сторону. У порога она сняла сандалии и ступила на гладкое дерево короткой прихожей, что соединялась с коридором. Слева коридор вел к остальной части дома, обнимающей сад с трех сторон.

— Ваша комната здесь, госпожа, — сказал Минору, указав направо, где одинокая

раздвижная дверь выходила в сад.

— Все не как в Шионе, — виновато добавил Катсуо. — Знаю, вы привыкли к лучшему...

Он прекрасно знал, что в Шионе она была три года назад. Он думал, что она еще не привыкла к скромным условиям?

Она не хотела слышать его голос. Хоть он звучал спокойно, она слышала только ярость, что искажала его голос, когда он кричал ее имя, и следующее за ним горе.

«Слишком поздно. Прости... мы опоздали».

Нет, она не хотела этого вспоминать, пока не спит. Она не могла остановить кошмары, но не хотела их днем.

Поклонившись без слов, она отодвинула дверь, вошла и закрыла ее раньше, чем Катсуо сказал что-нибудь еще. Ее спальня на эти два месяца была простым прямоугольником. Восточная стена выходила на пруд и храм. Ее комната была в конце дома, разделяла стену с коридором, но не с другими спальнями. Даже больше личного пространства, чем она привыкла.

Она прошла в центр комнаты, ноги в носках не шумели на татами на полу. Ее багаж стоял возле простого деревянного стола и стула. Несколько подушек лежали под восточным окном. Южная стена была с нишей для ее матраса, а еще там висел свиток и стоял низкий узкий столик для личных молитв.

Комната была простой, но чистой и личной. Хорошо.

Она опустилась на подушки. Для двух месяцев этого хватит, а потом все изменится. Все человеческие страхи и тревоги станут бессмысленными. Ее будущее было написано ками, ее ждала ее судьба.

Ее взгляд скользнул в сторону невидимого моста. Ей придется два месяца преодолевать уязвимости смертной.

ГЛАВА 2:

Никто не позвал ее на ужин.

Эми ерзала на подушках у окна. Кто-то пришел бы за ней, верно? Бродить по дому в поисках еды ужасно грубо. Она постучала пальцами по колену. А если ужина и не будет?

Придвинув чемодан ближе, она хмуро посмотрела на содержимое. В других храмах, где она жила, мико раскладывала ее вещи до того, как ей показывали комнату, но Нанако бросила чемоданы, не открыв их. Это ее не расстраивало. Эми сама разложила вещи на полочки шкафа. Это не было сложно. Она заглянула в чемодан. Оставалась только простая деревянная шкатулка с металлической застежкой.

Застежка не остановила бы никого, но отмечала, что содержимое — личное. Она подняла шкатулку и открыла ее. Тетрадь в кожаной обложке с потрепанными краями была поверх всех сокровищ. Она не очень любила хранить вещи, так что в шкатулке были только предметы, что принадлежали ей и не были связаны с искусством мико.

Вытащив тетрадь, она улыбнулась коллекции. Другому камни, перья и сухие листья и цветы казались бы мусором. Но каждый предмет был связан с воспоминанием, важным только для нее. Камешек из сада храма в Тсутсуджи, где она впервые исполняла соло танец кагура перед зрителями. Черно-белое блестящее перо, что она нашла в парке в Шионе после завтрака с другой мико, тот день был полон солнца и смеха. Одинокая ракушка из ее путешествия в большой храм на берегу, из него открывался вид на безграничный пляж, и

волны касались деревянных мостиков, ведущих к нему.

Тетрадь была самой ценной вещью. Она погладила коричневую кожу, зная каждую трещину. Она описывала каждый день с момента, когда ей исполнилось восемь лет, даже если в день удавалось записать всего пару слов. Вскоре ее жизнь полностью изменится, станет новой и другой. Она не хотела забывать, как жила до этого, глупые смертные мысли, что когда-то ее тревожили. Было важно помнить свои корни.

Она открыла тетрадь на первой записи, отмеченной 21-м декабря.

«Прошлой ночью было зимнее солнцестояние. Мне снилась заснеженная долина в лесу. И там была красивая женщина с темно-каштановыми волосами, ниспадавшими до земли. У нее были самые добрые глаза на свете. Она улыбнулась и положила ладонь мне на голову. Во сне я была ужасно счастливой.

Утром, когда я проснулась, ее метка была на моей груди над сердцем. Она выбрала меня. МЕНЯ».

Самый счастливый день в жизни. Самый важный момент для нее.

Этот день будет через два месяца, зимнее солнцестояние десять лет спустя. От этой мысли нервы покалывало, желудок делал сальто. А потом послышалось урчание. Она закрыла тетрадь, спрятала в шкатулку, которую вернула в чемодан. Потом она поищет для нее безопасное место.

Встав на ноги, она подошла к двери и отодвинула ее. Снег кружился над крытой тропой, озаренной теплым светом из дома. Она нерешительно пошла по ней. Жили все, наверное, в центре дома, откуда открывался лучший вид на сад и храм. Почему за ней не пришли? Солнце село час назад. Где Минору и Катсуо? Они уже бросили свою работу стражей?

Она посмотрела на пруд в саду и спешно перевела взгляд на дом. Ей не стоит бояться священного пруда. Она же не параноик? Воздух охлаждал ее кожу, она спрятала руки глубже в рукава.

Свет лился из ближайшего проема, двери были чуть раздвинуты. Голоса доносились до нее: медленный и дрожащий голос Фуджимото и резкий тон Нанако. Пахло мисо-супом, и она сглотнула. Она поспешила к комнате.

У дверей в нос ударил запах горелого масла. Она отпрянула.

— ...не стоило оставлять плиту без внимания, мы можем оскорбить *госпожу*, — теперь резкие слова Нанако было хорошо слышно. Кривясь, Эми делала еще шаг назад.

Голос Фуджимото было слышно четче, он мог быть прямо за дверями.

— Я оставил всего на минуту...

— Я просила посмотреть всего минуту, — рявкнула Нанако. — Если хотите впечатлить маленькую принцессу изысканным ужином, можно было постоять тут тридцать секунд.

Фуджимото что-то пробормотал.

— Зачем вы согласились на это? — звякали тарелки, запах гари стал сильнее. — У нас два фестиваля на носу, нужно отремонтировать крышу храма к зиме. Не хватало еще и нянчиться с мико из Шиона семь недель. Она им так надоела, что они не могла потерпеть ее еще два месяца?

— В Шионе для нее слишком опасно. Ты знаешь, что случилось три года назад, — он неловко кашлянул. — Всего два месяца. И пока мы будем заняты заботой о ней, храм Шион предложил помочь с ремонтом, как и добавить пару нововведений, в ответ на наше гостеприимство и...

— Они вас подкупили, — перебила Нанако со звоном, словно сковорода ударилась о

плиту. — Нам не нужны их деньги.

— Не только деньги, — Фуджимото почти скулил. Он кашлянул. — Принимать камигакари — честь. Она первая за сотню лет, Нанако. И камигакари в нашем храме. Это честь.

Нанако фыркнула.

— Она не первая за сотню лет. Просто она первая столько прожила.

Эми вздрогнула и попятилась.

— Мико Нанако, — голос Фуджимото стал строже и уже не дрожал. — Ты не подведешь нас. Ты покажешь все уважение камигакари, пока она с нами, и мы заслужим этим благословение ками.

Девушка издала звук, похожий на рычание.

— Я буду служить ее испорченному высочеству изо всех сил, и все прошло бы лучше, если бы вы не испортили ее ужин. Прочь из кухни, чтобы я все переделала.

Фуджимото кашлянул, зазвучали шаги. Эми развернулась, ее носки скользили по доскам, она поспешила прочь по тропе. Зал, ведущий к лестнице, был ближе, чем ее комната, и она завернула за угол и прижалась спиной к стене. Дверь ее спальни выходила на открытый сад, был велик риск, что ее кто-то заметит. Она мяла в руках край длинного рукава, чувствуя себя здесь глупо. Если она вернется в комнату, может прийти Фуджимото и начать неловко извиняться за поздний ужин. Решив избавиться себя от этого, пока пошла по залу к двери, обула сандалии и вышла за дверь.

Снаружи она вдохнула освежающий воздух. Унижение пыталось пробраться к ее сердцу, но она отогнала его. Не по ее вине Шион был опасным. Не по ее вине ее перемещали из храма в менее заметный храм каждые шесть месяцев последние три года. Не по ее вине Шиону приходилось торговаться с храмами, чтобы ее забрали, словно она была попрошайкой-замарашкой, молящей о ночлеге. Как и сказал Фуджимото, принимать ее было почетно. Но был риск нападения, и потому к ней приставляли двух сохэев. Конечно, Шион оплачивал храмам за проблемы.

Она не была виновата, что не нравилась Нанако. Многим мико она не нравилась. До нее у них был шанс. Может, Нанако каждую ночь молилась, чтобы выбрали ее, как делала и Эми. Но ками выбрала Эми, и Нанако так и останется мико в забытом храме маленького городка у горы.

Вздыхнув, она бесцельно пошла по каменной тропе. Она вела за угол дома, мимо сада, объединялась с главной дорогой, что вела к... мосту.

Конечно, она остановилась вдали от моста, дрожа из-за снега и жалея, что на ней нет еще нескольких слоев одежды. Она и не планировала гулять. Нервно пригладив волосы, она посмотрела на невинный мостик. Он был длиной в десяток шагов. Переходить его быстро. А пруд не мог быть глубже пары футов.

Три года назад мост был намного длиннее. Хотя ручей мог быть и не глубоким.

Она закрыла глаза и медленно вдохнула, а каждый выдох создавал белое облачко перед ней. На восьмом вдохе она пошла уверенно вперед. Топ, топ, топ. Ее сандалии стучали по доскам.

Ее сердце колотилось в груди, с каждым шагом становилось все страшнее. Последнюю часть она преодолела в прыжке, размахивая руками, и приземлилась неловко на тропу. За ней беззвучно насмехался пруд.

Она пересекла мост, почти не испугавшись. Прогресс. Расправив хакама, тряхнув

рукавами кимоно, она сцепила холодные руки и пошла ко двору. Как и многие подобные храмы, этот состоял из нескольких построек: крытый фонтан, где очищались перед молитвой, сцена для выступлений и фестивалей, зал богослужений, где можно было молиться ками, и святилище, маленькое здание, где хранилась сила ками. Только каннуши храма мог ухаживать за этим священным зданием.

Хотя она не могла их видеть, здесь были и кладовые, где хранились артефакты, важные предметы для богослужения и книги. В больших храмах были отдельные здания для мико, где они учились, было много каннуши и даже отводилось место для тренировки сохэев. В храме в Шионе было и не такое.

Она была на половине пути к фонтану, когда поняла, что она не одна. Две девушки стояли перед главным залом, купаясь в свете бумажных фонариков, висящих по краю крыши. Они стояли у здания, дрожа из-за холодного воздуха, их голые ноги были бледными под краями их одинаковых серых юбок в складку — школьной формы.

Одна из девушек склонилась к другой.

— Что теперь делать? — прошептала она. Голос был тихим, но в безмолвии двора он разносился так, словно она кричала.

Эми подавила улыбку и повернула к девушкам, а они обернулись, когда она подошла. Им было четырнадцать или пятнадцать, у обеих были модно остриженные короткие волосы.

Эми поклонилась.

— Могу я вам помочь?

— Кхм, — девушки переглянулись. — Пожалуйста?

— Вы очистили руки и рот в фонтане?

Они рьяно кивнули.

Эми повернулась к храму. Полдюжины ступеней вело к широкой платформе, где стояла коробка для пожертвований. Толстая плетеная веревка, украшенная бумажными гирляндами, висела между колонн, поддерживающих выступающую крышу. За коробкой были двери в зал, закрытый от мира.

Перед ступенями по бокам были статуи кома-ину — стражей-близнецов храма. Собаки, похожие на львов, были идеально похожими друг на друга, но у правой рот был закрыт, а у левой — открыт. Эми всегда нравились кома-ину, она считала их верными защитниками от зла.

Улыбнувшись девушкам, Эми повела их между статуй у коробке для пожертвований. Вторая, узкая веревка покачивалась над коробкой, соединенная с колоколом, прикрепленным к балке крыши.

— Вымыв руки и рот, вы очистили дух, — сказала она им. — Теперь нужно очистить разум и тело, и вы сможете помолиться ками. Если можете, оставьте подношение для ками, а потом потяните за веревку. Колокол привлечет внимание ками.

Одна из девушек полезла в карман. Выудив монету, она бросила ее в ящик, который сверху был решетчатым, и от души потянула за веревку. Колокол неприятно зазвенел. Может, Фуджимото еще и заменит его колоколом получше.

— Повернитесь к храму и дважды поклонитесь, — Эми показала и ждала, пока девушки поклонятся. — А теперь дважды хлопните в ладоши. Это точно привлечет внимание ками, которые слушают так много молитв.

Эми руки не мыла, потому не хлопала, а ждала, пока девушки выразят желание молиться.

— А теперь закройте глаза и наполните разум желанием для ками. Когда закончите, поклонитесь еще раз, чтобы поблагодарить ками за то, что вас услышали.

Девушки склонили головы и зажмурились, хмурясь от сосредоточенности. По какой бы причине они ни пришли сюда, а это мог быть их первый поход в храм не на фестиваль, все явно было серьезно.

Они поклонились почти одновременно.

— Спасибо, — сказала высокая девушка. — Думаете... ками услышит?

— Ками всегда слушает, — серьезно ответила Эми. — Она не всегда отвечает, но постоянно слушает.

— Она?

Эми указала на рисунок на дереве над дверями в зал. Широкими мазками кисть изобразила женщину с каштановыми волосами и в многослойном кимоно, парящую на завитках ветра.

— Это храм Аматэрасу, одной из четырех Аматсуками, великой ками небес. Она — одна из самых добрых ками. Если у вас чистое сердце, уверена, она подумает над вашим желанием.

— Добрая ками? — пробормотала другая девушка. — Может, нам стоило поискать храм с воинственным ками.

Эми улыбнулась.

— Ками — как луна, у них есть светлая и темная сторона. И вам лучше заслужить доброту Аматэрасу, чем ее гнев, ведь она не слабая.

— Может, немного гнева подошло бы, — сказала низкая девушка. — А Сусаноо? Дедушка говорил, что молился Сусаноо, ками грома и бурь. Это звучит сильно.

— Сусаноо — Кунитсуками, — объяснила Эми. — Он скорее ёкай земли, чем небесный ками. Ему тоже можно молиться, но...

Высокая девушка вскинула брови.

— Что?

— Ну... — Эми не хотела врать. Ёкаи технически были ками, все существа мира духов были ками, как с небес, так и с земного царства. И те, и те могли питать и разрушать, проклинать и благословлять. Но с ёкаями было связано много суеверий, она не знала хороших примеров с ними. — С ёкаем вам... может не понравиться результат, — закончила она.

— А, — высокая девушка окинула ее взглядом. — Вы мико? Я не видела вас на летнем фестивале.

— Мы бы вас точно не пропустили, — сказала, смеясь, другая. — У вас такие длинные волосы.

Эми уверенно коснулась головы. Ее черные волосы доставали до бедер и были перевязаны крепко белой лентой у шеи.

— Я прибыла сегодня. Побуду тут пару месяцев.

— Добро пожаловать в Киroyбара! — пропела высокая девушка, указав на город, что был южнее храма. — Я продаю мороженое у продуктового магазина. Приходите как-нибудь, и я угощу вас бесплатно рожком мороженого.

— О, — Эми моргнула и ответила не сразу. — Благодарю. Это будет приятно.

— Мы пойдем. Папа ждет в машине, — она подмигнула. — Может, завтра на мои молитвы ответят, и Ясу поговорит со мной.

Они поспешили прочь, миновали тории, не поклонившись. Эми смотрела им вслед. Они так серьезно молились о парне? Она думала, что кто-то болен или у них важный экзамен.

Покачивая головой, она посмотрела на храм. Порой на нее обращали внимание парни. Но она не молилась о таком. Это трата времени ками.

Она развернулась, и там стоял и смотрел на нее Катсуо, словно призванный ее мыслями. Вскрикнув, она отпрянула и чуть не наступила на край хакама.

— Катсуо! Не подкрадывайся так!

— Я просто проходил мимо.

Она хмуро посмотрела на него. Его форма — темно-фиолетовые хакама и рубашка-косодэ с длинными рукавами — была стандартной для сохэя храма Аматэрасу. Длинная хаори без рукавов была на оттенок темнее его штанов и задевала снег, черная лента с бусинами удерживала края на груди. Рукоять катаны выглядывала из-под хаори.

— Каннуши Фуджимото отправил меня за тобой, — продолжил он. Звучал он невероятно вежлив, но его взгляд двигался по ее лицу, словно что-то искал. — Ужин готов.

— Ах. Верно.

— Кхм, — он замер и убрал волосы с глаз. — Эми, я хотел... То есть, кхм, госпожа...

— Можно и Эми, — тихо сказала она. Из-за него в ней снова бушевали эмоции.

— Эми, — его улыбка угасла. — Я... знаю, тебе сложно снова меня видеть. Я не знал, что тебе не сказали, что я буду тут... Кхм. Я просто хотел...

— М-мне нужно помолиться перед ужином, — выпалила она. — Прости.

Он опечалился, а она прошла мимо него. Вода постоянно текла в фонтан из стебля бамбука, она черпаком на длинной ручке зачерпнула ледяную воду. Сначала она полила левую руку, потом правую, набрала немного воды, чтобы ополоснуть рот. Опустив черпак, она вернулась к главному залу и поднялась по ступеням. Катсуо не двигался и следил за ней с нечитаемым выражением лица.

Позвонить в колокол. Дважды поклониться. Дважды хлопнуть. Она сжала ладони и склонила голову, закрыв глаза.

«Аматэрасу, прошу, помогите преодолеть еще два месяца. Мы почти у цели. Спасибо, что защищаете меня. И, как и всегда, спасибо, что выбрали меня».

Она чуть не попросила ками помочь с Фуджимото и Нанако, а то и с Катсуо, но понимала, что обитатели храма — ее проблема. Она не хотела мешать Аматэрасу защищать Эми.

«Просто она первая столько прожила...» — кривясь, Эми отогнала горькие слова Нанако. После почти десяти лет у нее оставалось всего семь недель, а потом не будет опасности — простой или сверхъестественной.

Она стояла, склонив голову, ощущая чужое присутствие. Тепло на сердце растеклось по коже, расцвело в груди. Шепот присутствия Аматэрасу коснулся ее разума, пульсируя посланием без слов. Но она чувствовала значение послания:

«Срочность. Предупреждение. Осторожность».

Она застыла. Послание оставалось с ней пару мгновений, а потом присутствие ками угасло, и она осталась одна. Она ждала, летели секунды, но шепот не возвращался. Выдохнув, она снова поклонилась, выпрямилась и опустила руки. Она чувствовала присутствие ками один или два раза в год за эти десять лет, но в этот раз ощутила его сильнее всего, и еще никогда Аматэрасу не пыталась ее предупредить. Насчет чего? Быть осторожной вообще, или это касалось чего-то или кого-то определенного?

Катсуо ждал, когда она спустилась по ступенькам на тропу. Падал снег, заглушая все звуки. Из-за тишины казалось, что невидимые уши насторожились и ждут, когда она или Катсуо заговорят. Может, она просто еще не пришла в себя после предупреждения Амата́расу.

Теребя рукоять меча, он смотрел, как она приближается.

— Тебе уже устроили тур по храму? — по тону было понятно, что спросить он хотел не это.

Она опустила взгляд.

— Еще нет.

— Уже поздно, и мико Нанако порежет меня, если мы опоздаем еще сильнее, но завтра я могу показать тебе окрестности.

Эми поджала губы, боясь поднимать голову. Она не хотела проводить время с ним. Воспоминания, похоже, не терзали его так, как мучили ее. Не пытали его. Он не слышал последний крик Ханы. Не смотрел ей в глаза в последний миг, не видел ужас, что охватил ее душу перед тем, как она пропала в бушующей воде.

Он не чувствовал, как ее отчаянно цепляющаяся рука выскользывает из онемевших пальцев.

— Не стоит заставлять мико Нанако ждать, — сказала она, вернув маску спокойствия. Вес его внимания оставался на ней пару ударов сердца, а потом он пошел к дому. У моста он замер, чтобы пойти рядом с ней, но она решительно прошла вперед, глаза на сад и сияющие окна дома. Она пошатнулась лишь, когда зацепилась носком за доску посередине, но не запаниковала.

Это уже лучше. Она боролась.

Она добралась до конца моста, в тишине прозвучал плеск воды. Ужас заставил ее сердце дико колотиться, она подпрыгнула, как испуганный заяц. Она приземлилась на покрытую снегом каменную тропу, ее ноги разъехались. Земля приближалась к лицу.

Сильные руки обхватили ее за пояс и поставили на ноги. Одно мгновение ее обвивали руки Катсуо, его тепло обжигало ее спину.

Она не успела отреагировать, а он отпустил ее и отпрянул, низко поклонился.

— Простите, госпожа, — сказал он, не поднимаясь.

— Ч-что это было?

— Кои вынырнул из пруда. Вы в порядке.

Кои? Она посмотрела на пруд, сердце все еще колотилось. Какого размера должна быть рыба, чтобы так громко шуметь? Ее щеки пылали. Как унижительно было запаниковать из-за рыбы. Она посмотрела на Катсуо. Он так и стоял в поклоне. Хоть он был ее стражем, ему было запрещено касаться ее так, как мог Фуджимото, кроме экстренных случаев. Кои не был таким случаем, а вот падение на каменную тропу считалось.

— Все в порядке, Катсуо, — быстро сказала она, стараясь выглядеть достойно. — Спасибо, что поймал. В будущем я буду осторожнее.

Он выпрямился и сверкнул очаровательно смущенной улыбкой, его щеки чуть покраснели.

Она прикусила щеку изнутри и поспешила к дому вперед него, не зная, что сказать. Вдруг она захотела видеть ледяной взгляд Нанако, слышать ее резкий тон. Проблемы с мико нужно было обдумать, не все упиралось в Катсуо.

Как сложно будет избегать стража, что должен оберегать ее весь день?

Ее плечи опустились. Это будут долгие два месяца.

ГЛАВА 3:

Эми стиснула зубы. Как ей медитировать в таком шуме?

Сталь столкнулась со сталью с оглушительным звоном, раздался мужской смех. Еще один звон, выдох, звон, звон, стук. Ее глаза чуть не открылись, но она сожмурила их, будто это могло перекрыть звук. Мышцы ног напряглись, она ерзала на подушке, не распрямляя ног.

Звяк, звяк, стук.

— О-о-о-о! — громче, чем нужно, завопил Катсуо. — Это было подло, Минору.

— Ты просто не увидел этот ход.

Ее глаза открылись. Распрямив ноги, она встала и отряхнула хакама: вчера она все-таки плохо сложила их. Она вытащила из шкафа хаори — тяжелое кимоно с открытым передом — и надела его. Закинув хвост на плечо, она провела руками по волосам, чтобы пригладить, и выдохнула. Только когда она убедилась, что подавила желание кричать, она отодвинула дверь и вышла в коридор.

Яркое солнце заливало сад, мерцая на тонком слое снега. Радуюсь, что воздух уже не такой морозный, как вчера, она повернулась к залу, где остались ее сандалии. Здесь звон слышался еще громче. Деревья, убранные в красные и желтые листья, выглядывающие из-под белого инея, отделяли дом от борющихся сохэев, и они, видимо, подумали, что их шум ее потому и не побеспокоит. Она собиралась их переубедить.

Она шла по тропе от дома, уже планируя речь в голове, когда тихий смех заставил ее остановиться. Она повернулась, хмурясь. В паре ярдов от тропы, в кустах было видно красную вспышку.

Ее сердце оказалось в горле, а потом заработала логика. Опасный ёкай не мог войти в храм ками, тем более, в храм Аматасуками. А даже если это был ёкай, он бы не носил красную одежду и не смеялся, как школьница. Конечно, возможность была, но сомнительная.

Она сошла с тропы. В кустах прятались две девушки в форме мико, они присели на снегу, все их внимание было сосредоточено на идеальном виде поляны за деревьями. Катсуо низко держал катану и улыбался Минору, а старший сохэй перекидывал посох с лезвием из одной руки в другую. История их схватки была написана на траве, где их ноги растопили снег, оставив четкие следы на поляне.

Минору встал шире и опустил лезвие посоха в сторону Катсуо, но не успел ударить, он заметил Эми. Он поднял посох и поклонился.

— Доброе утро, госпожа, — крикнул он.

Катсуо посмотрел на нее и встал ровно.

— Эми! — воскликнул он. Он покраснел от схватки или смутился? — Что делаешь?

Минору нахмурился, глядя на него. Эми моргнула, не зная, как ответить, и посмотрела на девушек. Они смотрели на нее, раскрыв рты, все еще сидя за кустами. В саду повисла неловкая тишина.

Со смехом старшая из девушек вскочила на ноги. Оба сохэя удивленно отпрянули, не ожидая ее появления. Девушка энергично помахала им и обхватила рукой плечи Эми.

— Ах, Катсуо! Минору! Доброе утро. Мы как раз показывали госпоже храм, — она

сжала плечи Эми и радостно улыбнулась ей, чтобы было ясно, что ей будет худо, если она их раскроет. Вторая девушка встала, на ее лице сиял румянец.

Девушка, державшая Эми за плечи, широко взмахнула рукой.

— Вы уже видели дом, мы покажем конюшни. Вам нравятся лошади? У нас есть четыре: три кобылки и мерин.

Говоря о лошадях, она оттаскивала Эми на тропу. Другая девушка шла за ними, глядя себе под ноги, пока Катсуо и Минору безмолвно смотрели им вслед. Девушка рядом с Эми громко рассказывала, пока сохэи не пропали из виду. Через минуту послышался звон оружия.

Девушка отпустила плечи Эми и закатила глаза с такой силой, что ее голова покачнулася на шее.

— Зачем быть такой открытой? Они не знали, что мы смотрели, пока ты не решила встать на виду.

— Я не понимала, что вы делали. Минору успел меня заметить, — Эми не знала, спорить или извиняться.

— А теперь нужно найти новое место, чтобы смотреть на них, — заявила она, не замедляя шаг, пока они шли по саду, а потом и по земляной тропе, ведущей на север от дома. — Я Рина, кстати. Это Юи.

Она указала за плечо на другую девушку, безмолвно смотревшую на Эми. Ее очки в толстой оправе делали ее пристальный взгляд еще неудобнее. Ее волосы доставали до плеч, их вряд ли вышло бы завязать в хвост мико, а ее тонкая фигурка терялась в широких рукавах белого кимоно и просторных красных хакама.

— Мы были вчера в школе, когда ты прибыла, и Нанако не позвала нас на твой первый ужин, — снова закатив глаза, Рина заправила длинные выбившиеся пряди за ухо. — Кто знает, почему. Ее бесит даже ветер, дующий не в ту сторону.

Похоже, не только Эми не нравился характер Нанако.

— Рада знакомству, — сказала Эми, пользуясь паузой. — Я...

— Кимура Эми, — перебила ее Рина. — Камигакари Аматэрасу, Аматсуками ветра, вестницы радости и весны, зовущей циклоны и бури. Мы знаем. Мы знали о тебе до того, как каннуши Фуджимото сказал, что ты останешься здесь до церемонии. Каждая мико каждого храма Аматэрасу знает твое имя.

Сзади послышался тихий голосок.

Рина остановилась и выдохнула.

— Громче, Юи. Мы тебя не слышим, когда ты так шепчешь.

Юи сцепила руки.

— У тебя правда есть метка ками? — спросила она лишь немного громче, чем в первый раз.

Эми кивнула и прижала ладонь к кимоно поверх груди.

— Да. Она появилась, когда мне было восемь. Утром после зимнего солнцестояния.

— Мы сможем ее увидеть? — спросила Рина с любопытством на лице.

— У-увидеть? — удивилась Эми. Никто еще такого не просил. Разве она уже не показала Рине, где находится метка? — Она, кхм, не в том месте... будет неловко...

— Забудь, — отмахнулась Рина и пошла дальше. — И каково быть камигакари? Наверное, просто? Никто не заставляет работать. Ты слишком важна для этого.

Эми неохотно шла за девушкой. Раскидистые деревья окружали тропу, за деревьями

явно давно не ухаживал садовник. Дома позади не было видно, сохэи не шли за ней. Вот тебе и стражи.

— Не далеко мы ушли? — спросила Эми. — Конюшня ведь на землях храма?

— Конечно, — беспечно сказала Рина. — За поворотом. Знаю, ты не можешь уходить отсюда без сохэев.

Девушка резко повернула налево. Лес закончился, и они оказались на небольшой огражденной поляне с простой конюшней. Четыре лошади щипали припорошенную снегом траву. Две лошади были коричневыми, еще одна отличалась черными ногами и мордой, а еще была черная с одной белой ногой. Одна подняла голову и заржала, но другие не отрывали головы от земли, поедая траву.

Рина подошла к деревянной ограде, прижалась к ней спиной, положив плечи на облезшую белую краску верхней палки. Она улыбнулась Эми.

— Ну как, мисс камигакари?

Эми подавила гримасу. Она надеялась, что Рина забыла об этом вопросе.

— Это почти как быть мико, но с большими... ограничениями.

— Ограничения не так и плохи, — Рина пинала траву. — Тебя избаловали? Красивый сохэй всегда рядом, можно позвать, и другие мико сделают все дела, так что ничто не повредит твоему здоровью Seriously. Это звучит круто.

Стараясь не хмуриться, Эми посмотрела на лошадей. Несмотря на снег, теперь ели все. День становился теплее. К обеду снег должен растаять.

— Есть некоторые плюсы, — пробормотала Эми.

— Камигакари должна оставаться чистой, — прошептала Юи, заламывая руки, — чтобы получить силу и дух ками. Она должна мыться дважды в день, медитировать перед и после сна, есть питательную еду, пить только чистую воду. Она должна сохранять чистый дух и тело, прогонять злые и нечистые мысли или желания.

— Опять цитируешь учебники? — проворчала Рина Юи, а потом ухмыльнулась Эми. — Нечистые желания? Значит, нам не стоит звать тебя подглядывать за сохэями. Они здесь всего неделю, но сражаются по два раза в день.

Эми скривилась, старые воспоминания пытались прорваться. Она не будет подглядывать за тренировкой. Она уже так ошибалась. Больше — никогда.

— погоди, — задумчиво сказала Рина. — Потому гость из Шиона заявлял, что только мико могут тебя трогать? — ее голос прерывался от удивления. — Тебя вообще не трогали мужчины?

Эми снова скривилась.

— Ты не можешь трогать парней? Правда? И... тебя никогда не целовали?

Не зная, как закончить этот разговор, Эми покачала головой. Ее никогда не поцелуют. Необходимый контакт — как поймавший ее Катсуо — уже радовал. Мужчины не могли опорочить ее невинным быстрым прикосновением, но правило было, чтобы защищать ее чистоту.

Рина рассмеялась.

— Поверить не могу. Тебе же восемнадцать? И ты не целовалась с парнем!

Раздражение пробивалось через смущение Эми. Ограничения и жертвы камигакари не были шуткой. Эми поклонилась.

— Спасибо, что показали конюшню. Мне нужно вернуться в дом. Я еще не закончила утреннюю медитацию.

— Прости, прости! — завопила Рина, но виноватой не звучала. — Меня порой заносит. Пойдем обратно, — она пробежала вперед и ждала, пока Эми и Юи догонят. — Тот из Шиона был очень настойчив, когда просил, чтобы ты оставалась в землях храма и с сохэями. Ты в опасности, если не на священной земле?

— Это предосторожность, — объяснила Эми. Вопросы точно не прекратятся, пока она не уйдет от Рины. — Сохэи провожали меня в школу и в храм каждый день, пока в прошлом году я ее не закончила, и проблем не было.

— Но на тебя напал ёкай однажды, да? — спросила Рина. — Пару лет назад в парке у храма Шион. Мико умерла, да? Как выглядел тот ёкай?

Последний вопрос был тихим из-за силы любопытства.

Эми застыла посреди тропы, сжала дрожащие ладони.

— Мико Рина, — сказала она, стараясь звучать властно. — В тот день умерла невинная девушка. Прошу, выкажи уважение погибшей. Ей было всего пятнадцать, она умерла трагично и бессмысленно. Я прошу вас пожелать, чтобы ее душа обрела мир, а ее семья — утешение, вместо того, чтобы думать о подробностях ее смерти.

Юи послушно сцепила ладони в молитве, но Рина не двигалась. Ее улыбки не было, она смотрела на Эми, шурясь. Эми выдерживала ее взгляд, пока девушка не опустила голову.

Без слов Эми пошла прочь от них к дому. Она держала себя в руках, не позволяла ни единой трещине появиться на ее маске. В голове она слышала последний крик Ханы снова и снова, пока не перестала слышать другие звуки.

Ёкай убил Хану, но истинной причиной гибели ее лучшей подруги были слабость, глупость и эгоистичность Эми.

ГЛАВА 4:

В тишине своей комнаты Эми пыталась успокоиться, чтобы продолжить медитацию. Тут хоть не было шума. Минору и Катсуо куда-то ушли, но в пределах земель храма они могли патрулировать и проверять, что талисманы *офуда* и другие защитные чары работают. Но беды бы не было, ни один ёкай — со злыми намерениями точно — не мог войти на земли храма.

Она попыталась сосредоточиться, но глаза открылись против ее воли. Она зажмурилась и стиснула зубы. Голос Рины звенел в ее ушах. Чувством такта девушка явно была обделена. Она задавала такие вопросы, словно Эми была прекрасной темой для сплетен, а не человеком с чувствами.

Ее глаза снова открылись, она смотрела на пол. Может, Рина была не так далека от истины. Камигакари в первую очередь были камигакари, а потом уже человеком. Чувства Эми никто не учитывал. Ни когда ей было восемь, и ее забрали из дома и отправили учиться в храм Шион. Ни когда ее отправили в частную школу для девочек и запретили заводить друзей вне храма. Ни когда ее отправляли жить в другие храмы после нападения ёкая на Шион.

Ей пришлось признать, что никто не задумывался о ее чувствах. Они пытались найти для нее место, но не воспринимали всерьез. И если бы нужно было отрезать ей руки, чтобы она точно стала камигакари, они бы сделали это, не подумав о ней. Гуджи Ишида — главный каннуши в Шиону и лидер всех храмов, посвященных Аमतэрасу, — принимал решения за нее, он никогда не советовался с ней.

Оставив медитацию, Эми вытащила свою шкатулку из чемодана и достала тетрадь. Закладка осталась там, где она писала прошлой ночью, отмечала свои впечатления и мысли о новом храме. Она намеренно старалась не записывать ничего, что привело бы к проблемам, но и не скрывала чувства. Нанako не обрадуется, если прочитает тетрадь.

Выдохнув, Эми пролистала страницы и остановилась на той, где была фотография. На нее смотрело ее улыбающееся лицо на три года младше. Красивое кимоно разных оттенков лилового развевалось вокруг нее, ее волосы подхватил ветер. Другая девушка, облаченная в простую форму мико, держалась за ее руку и смеялась так сильно, что едва могла стоять.

Хана была такой юной. Румяные щеки, сияющие глаза делали ее простое лицо красивым. Но рядом с Эми редко замечали других девушек. Хана была высокой, худой, лицо ее, может, было широковатым, а глаза — посажены близко. Но Эми знала прекрасную душу Ханы, ее доброту и щедрость. У Эми красота была традиционной — овальное лицо, большие глаза и маленький рот с пухлыми губами — но она считала Хану красивее.

Эми коснулась края фотографии. Три дня спустя Хана умерла.

Дрожащими пальцами она перевернула несколько страниц. Она видела много раз записанное имя Катсуо ее мелким почерком. И с каждой вспышкой имени все внутри нее сжималось сильнее.

Сегодня видела Катсуо на тренировке с другим сохэем. Он улыбнулся мне.

Я впервые поговорила с Катсуо. Он пожелал мне доброго утра. Надеюсь, он не увидел, как я покраснела. Он такой красивый. Странно, что я хочу коснуться его волос?

Думаю, Катсуо — лучший мечник в своем классе. Хана рассмеялась, когда я рассказала ей это. Она спросила, как я могу так говорить, когда едва могу отличить рукоять от лезвия.

Знаю, я не должна думать о мальчиках, но я не могу прогнать Катсуо из мыслей. Я едва знаю его, но все же... не могу не думать. А если бы я не была камигакари? А если бы могла по-настоящему поговорить с ним? Коснуться его? Поцеловать?

Я не должна о таком думать, но не могу остановиться. Хана говорит, что это влюбленность, и что это пройдет, если я буду избегать его.

Сегодня Катсуо заговорил со мной. Он назвал меня «госпожа», а я попросила его звать меня Эми. Я так смутилась. Не стоило так делать, но я не хочу быть для него «госпожой». Я хочу, чтобы он видел МЕНЯ, Эми. А не камигакари, как меня видят все.

В других обстоятельствах глупые записи ее пятнадцатилетней заставили бы ее закатить глаза. Вместо этого она подавила горечь и с дрожью перевернула страницу.

Хана усадила меня и отчитала за то, как я рискую своим будущим из-за глупой влюбленности. Она сказала, что мне просто скучно, а одержимость Катсуо интереснее, чем медитация или уроки чайной церемонии.

Она права. Я глупая. Я не смогу быть с Катсуо, думать о нем опасно. Но это сложно.

Днем я услышала, как он говорит с другим сохэем. Они собираются завтра в парк для схватки-игры. Звучит интересно. Я уговорила Хану пойти, чтобы я в последний раз посмотрела на Катсуо, а потом я прекращу. Нам придется сбежать, но это не далеко, в паре миль. Думаю, она согласилась, чтобы потом меня этим попрекать.

Она неохотно посмотрела на следующую страницу. Она была пустой, стояла лишь дата: 25-е августа. Ее рука ужасно дрожала, когда она писала это, прочитать слово было почти невозможно. Ниже не было ни одного слова.

Она закрыла тетрадь. Сунув ее в шкатулку, она запихала все в чемодан и вытерла слезы.

Если она не медитирует, то стоило хотя бы помолиться. Она посмотрела на маленький алтарь в углу комнаты — первое, что она установила, разобрав вещи, — но направилась к двери. Ей был нужен свежий воздух и успокаивающий ритуал в храме, чтобы очистить мысли.

В этот раз она пересекла мост без приключений, только быстро дышала. Несколько человек из города были вокруг храма: пара средних лет склонилась в молитве, пожилая женщина сидела на скамейке под священным деревом, а молодой бизнесмен склонился над столом у доски, где можно было написать пожелание или молитву на маленькой деревянной табличке и повесить там, чтобы Kami увидел.

Эми пошла к фонтану, чтобы очистить себя. Закончив ритуал омовения, опустив черпак, она заметила, что кто-то рядом с ней.

— Эй, помнишь меня?

Эми оглянулась и удивленно увидела вчерашнюю школьницу, высокую, обещавшую ей бесплатное мороженое. Сегодня она была в длинном зеленом свитере и черных леггинсах, а ее волосы были собраны в неаккуратный пучок. Она была не в форме, и Эми сразу поняла, что за день недели. Суббота. Потому что Рина и Юи были в храме рано утром. В будни они были бы тут только пару часов вечером.

Девушка застенчиво улыбнулась, Эми ответила тем же. Кивнув на храм, Эми спросила:

— Снова молиться?

— Кхм... ага, — девушка быстро повернулась к фонтану.

Эми вздрогнула, когда девушка в неправильной последовательности вымыла руки — неудача — но промолчала. Они вместе прошли к главному залу мимо пожилой пары,двигающейся к тории.

Оставив девушку в стороне, Эми сосредоточилась на своей молитве — ничего особенного, общее желание силы и смелости. Может, немного мудрости. Мудрость не мешает.

Когда Эми поклонилась в конце, девушка тут же повторила за ней, явно ожидая, пока Эми закончит. Они отошли от храма, на их место встал бизнесмен. Ожидая, что девушка пойдет за ней, Эми направилась к священному дереву — древнему дубу, занимавшему почти весь двор храма — и села на скамейку напротив пожилой дамы, которая то ли молилась, то ли дремала.

Нервно поправив волосы, девушка опустилась рядом с Эми.

— Я Мияко, — выпалила она. — Можно задать пару вопросов?

— Конечно, — сказала Эми. — Меня зовут Эми.

Она смотрела на пруд, пока терпеливо ждала слов Мияко. Девушкам часто казалось проще подойти к мико, что были близки к ним по возрасту, чем к старому каннуши, так что Эми не в первый раз так разговаривала.

Мияко замешкалась, а потом склонилась к Эми и понизила голос.

— Так Kami существуют на самом деле?

Почти каждая мико проходила через сомнения, задумывалась о существовании Kami, но у Эми такого не было. Ее родители были верующими, а когда она уже могла задавать вопросы, ее отметили как камигакари. И как она могла сомневаться, если сама порой ощущала присутствие Аматаэрасу во время молитв? Странное предупреждение Kami всплыло в памяти, но она отодвинула эту мысль.

— Хоть многие из нас никогда не увидят признаки их существования, — ответила

Эми, — они так же реальны, как тепло солнца или холод зимы.

— И они отвечают на молитвы?

— Порой... в какой-то степени. Ударит ли молния твоего врага, если помолиться за его смерть? Победишь ли в лотерее, потому что попросила? Нет и нет. Ками не потекают нам. Но если попросить силу, мудрость или удачу, ками может подтолкнуть в правильном направлении. Если их оскорбить, они могут направить к ошибке.

Мияко нахмурилась.

— Как ты можешь быть такой уверенной? Тебе отвечали ками?

— Да.

— А, — Мияко не стала уточнять, что это была за молитва. — Ты говорила о других ками...

Эми села удобнее на скамейке.

— Есть два вида духов: ками и ёкаи. Ками обитают в небесном королевстве, отделенном от нашего. Самых сильных ками называют Аматсуками. Четверо из них правят небесами и другими ками. Этот храм посвящен Аматэрасу — Аматсуками ветра. Другие — это Изанаги, повелитель неба и всех ками, его сестра Изанами, связанная с землей, и Тсукиёми, повелевающий водой, брат Аматэрасу.

— Земля и небо, ветер и вода, — прошептала Мияко. — А ёкаи? Они как демоны? Все знают сказки про обманщика-тануки или каппу, топящего детей.

Эми вздрогнула при упоминании каппы.

— Ёкаи — духи, а не демоны. Это ками земного царства. Мы делим с ними наш мир, и потому проще столкнуться с ёкаем, чем с ками, потому и столько историй, — и она считала, что появились истории не зря.

Ёкаи делили мир с людьми, жили отчасти в нем, отчасти в своем царстве духов. Как ками, ими правили четверо самых сильных — Кунитсуками. Их правителем был Сарутахико с гор, а Узумэ, повелевающая деревом, была его женой. Сусаноо бури и Инари огня были остальными двумя.

Ками могли направлять силу на землю через священный предмет — шинтай — или использовать смертного, наделяя его своей силой, а ёкаям такие трюки не требовались. Где-то Кунитсуками ходили по той же земле, дышали тем же воздухом, что и она. Эта мысль была зловещей.

Мияко постучала пальцем по губам.

— Тебе не нравятся ёкаи, да?

Раздраженная тем, что раскрыла себя, Эми покачала головой.

— Ками и ёкаи — онмё друг для друга, — объяснила она, обращаясь к теории инь и ян, противоположностей — небо и земля, тьма и свет, добро и зло. Даже стихии были в равновесии. Аматсуками были такими друг для друга, как и Кунитсуками, и мир был в гармонии. — Они просто противоположности, ни лучше, ни хуже. Но я... была у меня плохая встреча.

— О, нет, — выражение лица девушки смягчилось. — Что случилось?

Искренняя тревога и сочувствие в ее глазах разбивали защиту Эми так, как любопытство Рины никогда не смогло бы. Эми не хотела делиться ужасными и личными воспоминаниями с незнакомкой, но это было так близко к поверхности, что отравляло ее. Может, разговор поможет. С кем еще ей поговорить? Лучше незнакомка, чем тот, кого она будет видеть еще два месяца.

— Пару лет назад мы с лучшей подружкой гуляли по парку, — прошептала она. Гуляли по парку. Она сказала это так просто, но она не хотела упоминать медленный и тревожный процесс побега с земель храма в парк. — Шли за парнями. М-мне нравился один из них. Мы пытались не попадаться им на глаза, и парни успели уйти слишком далеко. Мы заблудились. Не помню, чего именно я испугалась, но я чувствовала, как покалывает кожу, как встают дыбом волосы, — Эми смотрела на пруд, но не видела его. — Что-то следило за нами. Я схватила Хану за руку, и мы побежали обратно. Мы нашли тропу и бежали по ней как можно быстрее. Земли храма были впереди. Я уже видела мост через ручей. Тории были на другой стороне.

Темно-зеленые тени позднего лета стояли перед глазами. Из-за недавнего дождя ручей стал шире, вода бурлила под мостом.

— Я забежала на мост. Хана была за мной, но она поскользнулась на грязи перед ним. Она упала, ноги попали в воду. Только ноги. Я остановилась и повернулась, чтобы поднять ее. Что-то в воде схватило ее за ногу и потянуло в ручей. Быстро и с силой. Я бросилась к краю моста и схватила ее за руку. Она кричала. Ее тащили под воду. Я пыталась поднять ее, но существо было слишком сильным.

Ужас исказил лицо Мияко, но Эми едва видела. Она слышала крики Ханы.

— Второй ёкай выпрыгнул из воды и схватил меня, — прошептала она. Размером с ребенка, но приземистый, с сине-зеленой кожей, лысой головой и пальцами с перепонками, а когда он опасно улыбнулся, блеснули клыки. Она не помнила лицо, но улыбку запомнила. — Он схватил меня за ноги и потащил с моста. Не знаю, как, но я схватилась рукой за столбик, а другой рукой держала Хану.

Даже в воспоминаниях она не чувствовала боль, хотя это точно было больно. Изогнутые когти ёкая впивались в ее ноги, утаскивая. Дерево впивалось в пальцы. Хана держалась за ее руку, и другой ёкай тащил ее на дно ручья. Хана кашляла и задыхалась в грязной воде, пыталась поднимать голову и постоянно кричала имя Эми.

Эми помнила момент, когда поняла, что они обе умрут. Она вспомнила, как посмотрела на Хану, увидела отражение своего ужаса, такого сильного, что она видела душу Ханы в ее глазах.

А потом рука Ханы выскользнула из ее руки.

Эми с силой прикусила губу, но слезы текли по щекам. Даже сейчас она не знала. Не знала, что случилось. Ёкай утащил Хану? Хана перестала держаться, бороться с ёкаем? Или Эми поняла, что умрет и... отпустила? Дала ли она умереть лучшей подруге, чтобы спасти себя?

Она не была уверена. Но она всегда боялась этого, ведь глубоко внутри знала ответ.

На крики Катсуо и другой сохэй прибежали секундами позже и прыгнули в воду, чтобы спасти Эми. Ёкай отпустил ее и исчез в мутном ручье. Катсуо вытащил ее на берег и охранял, пока остальные обыскивали ручей, но они пришли слишком поздно, чтобы спасти Хану.

— Эми?

Голос Катсуо подавили ее воспоминания, его безумные крики и топот. А потом она моргнула и увидела его в паре футов, он хмурился, глядя на нее.

Вздвигнув, она отвернулась от него и подняла рукав, чтобы спрятать слезы. Мияко протянула ей платок. Эми вытерла щеки, а девушка склонилась к ней, глядя на Катсуо.

— Кто это?

— Сохэй — воин-жрец, — приведя себя в относительный порядок, Эми опустила руку. Она краем глаза поглядывала на сохэя. — В древние времена сохэй защищали храмы и шинтай их ками. В легендах говорится, что однажды они изгнали опасного ёкая и защитили невинных от зла, победили ками, желавшего власти. Но теперь это больше дань традициям.

Катсуо вскинул брови, но промолчал. Его нельзя было таким назвать. Меч был у него не для вида, и у него были козыри для сражения с ёкаями. Современные ёкаи становились проблемой, когда люди сами к ним лезли, Эми была исключением.

Мияко поднялась на ноги, поправила свитер и посмотрела на Катсуо, словно не знала, стоит ли говорить с ним.

— Спасибо, Эми. Я хотела бы узнать больше о ками. Можно прийти на следующих выходных?

— Конечно, Мияко. Тебе всегда рады в храме Шираюри.

Склонив голову и, краснея, взглянув на Катсуо, Мияко пошла прочь. Эми поджала губы. Сколько успел услышать Катсуо? Он уже знал почти всю историю, но услышал ли он, что она пошла за ними в парк, потому что ей нравился один из парней? Мог ли понять, что он привлекал ее тогда?

— А ты хороша в этом, — отметил он.

— В чем?

Он махнул в сторону, куда ушла Мияко.

— Разговоры с детьми, людьми, объяснения о ками.

Значит, он все слышал. Ей стоило пристальнее следить за ним. Она думала, что его нет рядом.

— Мне не хотелось бы, чтобы ты дышал мне в спину каждую минуту, — сухо сказала она, поднялась на ноги и прошла мимо него. — Здесь я не в опасности.

Он пошел за ней, и она почти топнула по мосту — но она бы никогда не топнула — не скрывая свое раздражение. Ее сердце снова заколотилось, раздражая ее еще сильнее. Она замерла посреди моста и глубоко вдохнула сквозь сжатые зубы. Когда страх немного отступил, она положила ладони на гладкий деревянный поручень, будто наслаждалась видом пруда и сада, а не пыталась упрямо одолеть страх.

Катсуо рядом с ней прислонился боком к поручню, то ли показывая бесстрашие перед маленьким мостиком, то ли пытаясь поддержать ее примером.

— Знаю, я перегибаю в присмотре за тобой, но это место... Не знаю, почему гуджи отправил тебя в этот храм, — сказал он, упоминая Ишиду, главного каннуши Шиона. — Место далекое, да, но слишком далекое. На севере и западе лишь незаселенные горы. Ты знаешь, что означает дикая местность.

Он повернулся к пруду. Он смотрел на север, на ближайшую гору, окрашенную осенними цветами, возвышавшуюся над верхушками деревьев. Она-то знала, что означают далекие и дикие места. Ёкаев. Ками требовались люди для присутствия в земном царстве, их можно было чаще найти там, где жили люди. Но многие ёкаи предпочитали дикие места без людей.

— Я прибыл на неделю раньше тебя, — продолжил Катсуо, — и успел осмотреться. Я нашел следы ёкаев ближе, чем в десяти милях от храма. Они смелее обычного. Чаще всего они избегают людей — особенно сохэев — но мы с Минору нашли их следы, смешанные с нашими, когда осматривал окрестности. Они ходили за нами.

Он провел рукой по растрепанным волосам.

— И ёкаи в нескольких других местах стали вести себя стран. На прошлом задании я расследовал атаки ёкаев на востоке Шиона. Мертвые животные и два пропавших ребенка, — он тряхнул головой. — Я проверил все офуда, когда прибыл сюда. Каннуши Фуджимото поддерживал их состояние, так что земли храма безопасны, но я все равно беспокоюсь. Почему гуджи Ишида выбрал маленький храм у города и заселенных ёкаями гор?

Ее пальцы сжались на поручне, она уже жалела, что остановилась посреди моста, показывая преодоление страха. Но если уйти сейчас, она признает поражение. Мысль о горах с ёкаями вокруг храма пугала ее. Может, Аматаэрасу пыталась предупредить ее быть осторожной из-за опасности вокруг храма.

Она боролась с желанием проверить офуда, что она всегда носила в скрытых карманах в рукавах. Бумажные талисманы могли защитить от атак ёкаев, но она еще никогда их не использовала. Пока она была на священных землях, ей не требовалось проверять способности.

— Гуджи Ишида выбрал этот храм, — сказала она, стараясь звучать спокойно, — потому что он такой маленький и отдаленный, что никто и не подумает, что я здесь. А еще потому, что церемония солнцестояния уже довольно близко.

Катсуо дернул плечами. Она посмотрела на него краем глаза, пытаясь увидеть его как Мияко. Высокий, широкоплечий и красивый, он не сильно отличался от себя семнадцатилетнего, в которого три года назад она влюбилась, но теперь она ничего такого не чувствовала. Он был красивым, но это красивое лицо вызывало столько плохих воспоминаний, печали, вины и унижения.

— Церемония... — вяло повторил он. — До солнцестояния меньше двух месяцев. Так мало...

Не обращая внимания на тревогу, она уверенно улыбнулась.

— Скорее бы. Последние три года я боюсь каждой тени, но после солнцестояния все ёкаи будут бояться *меня*.

Он напряженно посмотрел на нее темными глазами.

— Не стоит бояться, пока я с тобой. Я не позволю никому тебя ранить.

Все внутри нее затрепетало с жаром. О нет, только не это. Разве она сама не решила, что уже переросла влюбленность? Она отвела взгляд, мысленно ругая его.

— Я верю, что ты исполнишь свой долг умело и достойно, — сказала она вежливым тоном. Она не осмелилась посмотреть на его реакцию. Его обещание защищать ее не звучало как описание его долга.

Воцарилась тишина, нарушаемая плеском пруда. С деревьев у главного зала громко каркнула ворона.

— Какой будет церемония? — спросил он вдруг. — Каннуши не рассказывает о ней.

— Не знаю. Даже мне ничего не рассказали.

Он выпрямился.

— Что? Ты не знаешь?

Она взглянула на него, удивленная такой вспышкой.

— Я узнаю накануне, уверена.

— Как можно не сказать тебе? Ты камигакари, это твоя церемония. Ты должна знать все об этом.

Она пожала плечами.

— Не думаю, что от меня будет требоваться что-то более присутствия.

— А потом? Ты знаешь, что будет?

Она снова пожала плечами.

На его лице проступили потрясение и недовольство.

— Ты не спрашивала? Это твое будущее. Разве не важно знать, что будет?

Шагнув к поручню, она прижалась к нему.

— В том-то и дело. Это не мое будущее. Мои желания не важны. Важна Амагэрасу и ее желания. А подробности — пустяки. Я ничего не могу изменить, да я и не хочу.

Она вздохнула, видя его хмурое лицо.

— Катсуо, после того, как меня отметили, будущее перестало принадлежать мне. Я живу ради Амагэрасу, за меня все решают гуджи Ишида и другие каннуши Шиона. В день солнцестояния ее воля станет моей, а моя — ее. Наше будущее будет чем-то новым. Я не могу строить планы, — ее голос смягчился. — Вот что значит быть камигакари. Какими бы верными ни были каннуши и мико, моя жизнь полностью принадлежит моей ками.

Он перестал хмуриться, что-то мелькнуло в его глазах. Печальная эмоция, которую она быстро узнала. Жалость.

Она напряглась. Жалость? К ней? Она мечтала быть камигакари. Это ее цель. Она позволяла себе миг сомнений, желаний другого существования, но никогда не хотела изменить судьбу. Она посвятила жизнь своей ками. Из тысячи мико Амагэрасу выбрала ее, Эми, своим носителем.

Он не упустил ее гневной реакции и вскинул руку.

— Знаю, быть камигакари почетно, ты испытаешь то, что я не могу представить. Я просто удивлен, что ты... не жалеешь о том, чего не сможешь познать.

— Зачем? — возмутилась она. — Сожалея, я бы до этого дня не дожила.

Он пробормотал что-то согласно, схватился невольно за рукоять меча. Может, меч делал его сильнее, увереннее.

— Ты когда-нибудь ощущал ее присутствие? — спросила она, остужая гнев.

— Что?

— Ты когда-нибудь ощущал присутствие Амагэрасу, когда молился в храме?

Он помрачнел.

— Нет.

— А я — да. Я чувствовала, как ее сила касается меня. Она... невероятная... нежная, — ветерок выбил длинную прядь из ее хвоста, она заправила ее за ухо. — Я уже сделала самый важный выбор. Ты тоже выбрал. Ты стал сохэем, чтобы служить ками. Мы похожи.

Он покачал головой.

— Ты такая преданная, Эми, что решила, что все вокруг такие же, как ты. Я стал сохэем, потому что сражения с ёкаями звучали круто, когда мне было двенадцать. Мне нравилось, я завел много друзей. Так было, пока ты чуть не умерла три года назад, и я понял, что это не просто хобби. Я впервые увидел ёкаю. Не знаю, верил ли я в их существование до этого.

Она уставилась на него. Он тренировался годами, не веря в ёкаев?

— А потом я начал воспринимать все серьезно. Но со мной все по-другому, я могу уйти, когда захочу. Сегодня, завтра, в следующем году, через десять лет... Я могу решать, хочу ли я стать юристом, бухгалтером или завести семью с хорошей девушкой. А ты — нет. Ты все отдала, и я не знаю, понимаешь ли ты весь масштаб того, на что подписываешься. Тебе всего восемнадцать. Как можно знать, чего ты хочешь от жизни? Через два месяца шанса уже ни

на что не будет.

Она нахмурилась. Он знал, что в прошлом месяце был день ее рождения? Почему он знал такие мелочи о ней?

— Я уже потеряла шанс, — сказала она. — Я стала камигакари в восемь лет, этого не изменить. Возврата нет. Но, даже если бы я могла вернуться, я бы это не меняла.

Он скривился, выдохнул и указал на дом.

— Уже почти обед.

Она кивнула и пошла за ним с моста, глядя на его спину. Почему его так тревожило, что она оставила все примитивные мечты, что были у других людей? Зачем ей это? Перестать быть камигакари, работать или стать матерью, растить детей и каждый вечер готовить ужин? Зачем ей выбирать эту обычную жизнь, если ее ждала иная судьба?

В день зимнего солнцестояния Аматсуками ветра спустится из небесного королевства, чтобы объединить свою силу и волю со смертным телом Эми. Аматэрасу выбрала ее как сильный, самый чистый и достойный носитель. Без Эми Аматэрасу не сможет спуститься, а сила ками останется ограниченной. Прошла сотня лет с тех пор, как Аматэрасу в последний раз ходила в этом мире. Эми не подведет свою ками.

Если не считать заигрываний с Катсуо три года назад, Эми никогда не нарушала требования к камигакари. Она не рисковала, чтобы не испортить церемонию. Если она не будет чиста, то не сможет и принять чистую силу Аматэрасу. Эми послушно медитировала и купалась, ограничивала себя в еде, тренировала тело и избегала неуместных мыслей и эмоций. Аматэрасу рассчитывала на нее. Она знала это. Она чувствовала ками, когда молилась.

Обычный ками мог выбрать носителем любого человека. Лучше всего подходили согласные и чистые люди, потому что другие долго не выдерживали под давлением силы ками. Аматсуками были слишком сильными, чтобы использовать обычного человека. Аматэрасу могла захватить Нанако хоть сейчас, если бы захотела, но ее сила убила бы девушку за считанные минуты.

Потому им требовались камигакари — избранные и подготовленные носители — чтобы вместить их дух. Эми готовилась принять дух Аматэрасу с десяти лет. Она не только училась необходимым ритуалам, но и получила метку на груди, проводник силы Аматэрасу. Метка была едва заметной, когда только появилась, но с годами темнела. И чем темнее она была, тем сильнее становилась связь между Эми и ками, подготавливая ее тело к силе, что заполнит его.

Сила ками была в ней, хоть и всего капля, и она не могла это использовать. Но это изменится, когда Аматэрасу спустится и объединится с ней.

Эми не знала, как это будет. Где-то были три камигакари с силами Изанаги, Изанами и Тсукиёми, но она не могла прибежать в другой храм и поговорить с ними об этом. Она поймет, когда это произойдет с ней.

Принятие ками было опасным, и одной из проблем было то, что, несмотря на ее приготовления, это могло ее убить. Она потеряет контроль, но это было честным обменом на снятие смертности и становление ками. Сольются ли их с Аматэрасу разум и воля? Или они будут существовать отдельно в ее теле? Но видеть и испытывать все с Аматэрасу, стать частью ками было достойно лишений. Она все равно давно оставила разные желания.

Но Катсуо посмотрел на нее с жалостью...

Гнев сжал ее горло. Как он посмел жалеть ее? Он не понимал. Он видел только то, что

она потеряет, а не то, что приобретет. Бессмертную жизнь, пока она нужна ками, божественная сила... Как можно ее жалеть?

Он не понимал. Если он не верил в ёкаев, может, не верил и в остальное. Может, он не верил а ками, потому никогда не ощущал прикосновение Аматэрасу.

А она верила. И после солнцестояния она постарается прийти к нему и показать, насколько реальны ками. Она улыбнулась от этой мысли.

ГЛАВА 5:

— Встань прямо, Юи!

Эми скривилась от едкого тона Нанако. Ее рука болела, она держала церемониальную стрелу перед собой на ладони. Красные и белые кисточки висели по концам и трепетали на ветру. Снег растаял из-за тепла, но стоило солнцу скрыться за западными горами, как похолодало.

— Ты будешь посмешищем на зимнем фестивале, если будешь горбиться, — не прекращала Нанако. — Не нужно делать такое лицо. Плачешь? Тебе нужно быть крепче, если ты собираешься выступать перед сотнями людей.

Эми поджала губы. В нескольких футах от нее Рина держала стрелу в такой же позе, как Эми, и такой же декоративный лук был в другой руке. Юная мико переминалась с ноги на ногу, тревожно глядя поверх плеча Эми на Нанако и Юи за ней.

— Твое выступление в ритуале представляет весь храм, Юи. Ты хочешь опозорить нас перед всем городом?

Кривясь от громкого голоса Нанако, разносящегося над открытой сценой храма, Эми посмотрела на стрелу в руке и вздохнула. Она склонила руку и дала стреле скатиться. Она с громким стуком упала на деревянный пол.

Эми подобрала ее и выпрямилась, Нанако оказалась перед ней с хмурым видом.

— О, прошу прощения, госпожа, — она не пыталась сдерживать яд. — Вы так быстро устали? Ритуалы мико утомляют ваше хрупкое тело. Может, вам стоит вернуться в комнату и отдохнуть весь день.

Эми могла провести ритуал во сне с куда большей грацией, чем показывала ранее Нанако. Но она промолчала. Она пропустила мимо ушей оскорбление в предложении идти поспать, словно она была бесполезной и неспособной. Вместо этого она опустила взгляд и ждала. Нанако не заставит ее плакать.

Эми не ответила, и Нанако промчалась по сцене и схватила ее лук и стрелу.

— Заново, — рявкнула она. — В этот раз без ошибок!

Эми отошла на пару шагов в изначальную стойку. Рина заняла свое место и с благодарностью улыбнулась Эми.

Нанако громко хлопнула в ладоши.

— Начали!

Эми подняла стрелу над головой и при этом повернула ее на сорок пять градусов, как стрелку компаса. Она опустила стрелу и вытянула перед собой, выдвинула вперед правую ногу, повернулась, крутя стрелу так, чтобы она указывала на юго-восток. Для зрителя движение казалось невероятно изящным, но исполнять действия замедленно было очень сложно.

Ритуальный танец продолжался, сложные движения со стрелой и луком, руками и

ногами, телом. Эми затерялась в знакомых движениях, они текли потоком, она ощущала трепет силы земли. Многие думали, что ритуальные танцы были данью традиции, развлечением, но в них была сила, если их правильно исполнять.

Она встала в последнюю стойку, образовав квадрат, смотря в его центр, с Нанако, Юи и Риной по другим сторонам. Эми поднесла стрелу к тетиве. В унисон с другими мико она натянула тетиву до щеки, мышцы пылали. Он подняла лук, направила стрелу в потолок сцены. Руки Риной и Юи заметно дрожали от усилий удерживать стойку. Они опустили луки и направили стрелы на четырехугольный деревянный компас на полу в центре сцены.

Они выстрелили вместе. Эми так сосредоточилась, чтобы попасть в свою точку — север компаса, что не обращала внимания на остальных, пока срикошетившая стрела не пролетела мимо ее лица, едва не задев щеку.

— Рина! — завизжала Нанако.

Рина в ужасе уронила лук. Она рассыпалась в неразборчивых извинениях, пока Юи смотрел на Эми огромными глазами.

Катсуо и Минору появились из ниоткуда с оружием наготове. Рина затихла, лицо ее было свекольного цвета.

Катсуо запрыгнул на сцену, не обратив внимания на ступеньки.

— Что случилось?

Эми моргнула, приходя в себя. Кусок дерева отбил от пола в футах от деревянного компаса. Рина промахнулась, потому стрел отлетела от пола и, словно бумеранг, пронеслась мимо Эми.

Сжимая лук, Эми сцепила ладони и ослепительно улыбнулась сохэям.

— О, не о чем беспокоиться! Просто маленькая помарка в танце.

Рина благодарно посмотрела на нее.

Катсуо с подозрением огляделся.

— Точно?

Нанако кашлянула.

— На сегодня закончим. Девочки, я хочу, чтобы вы тренировались стрелять из лука хотя бы по два часа в день оставшуюся неделю. А теперь уберите все и помолитесь об удаче, вам она понадобится!

Эми была удивлена, что Нанако не стала унижать Рину, но, может, она не хотела, чтобы сохэи подумали, что она плохой учитель.

К облегчению Эми, Катсуо расслабился и убрал меч. Сцена была не такой большой, чтобы вместить хотя бы пять человек, а тут двое были еще и с оружием. Смерив девушек взглядом, Нанако сунула лук Юи и поспешила спуститься.

— Ты свободна? — спросил Катсуо у Эми.

Испуг и укол гнева вспыхнули в ней, но она не позволила чувствам отразиться на лице. Она не говорила с ним после неприятного завершения их вчерашнего разговора. Может, он хотел извиниться, может, хотел продолжить уговоры, утверждая, что все ее решения в жизни ошибочны.

— Я свободна до ужина, — она посмотрела на Рину. — Можно...?

Девушка быстро забрала лук Эми и принялась собирать другие церемониальные предметы с Юи. Эми спустилась со сцены за Катсуо. Минору вежливо кивнул ей, посмотрел с вопросом на Катсуо и безмолвно ушел, возвращаясь, наверное, туда, где был до того, как его привлекли крики.

— Я хотел тебе кое-что показать, — объяснил Катсуо, когда они отошли от сцены. Главный зал и сцена образовывали фигуру в виде «L» вокруг двора. За сценой было простое здание с кабинетами и архивами, где Фуджимото и Нанако проводили почти весь день, если не занимались храмом или приемом посетителей. Катсуо увел ее от тропы на неухоженную траву за этим зданием.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Туда.

Он придержал ветки разросшегося куста, чтобы она смогла пролезть вдоль стены. За ней уютно притаилось маленькое здание традиционного вида среди кустов, из которых выглядывали изогнутые края крыши, выкрашенные в желтый и оранжевый опавшими листьями.

— Это старый склад, — взволнованно сказал он. — Каннуши Фуджимото явно сюда не ходит. Склад теперь рядом с кабинетами.

Он отодвинул тяжелую дверь, интерьер внутри тускло озаряло солнце, проникая в грязные окна под потолком. Полки покрывали каждую стену, а в центре возвышался до потолка стеллаж, оставляя только узкую тропу по краям. Катсуо вошел без колебаний, махнул Эми следовать за ним. Она переступила порог, подхватив рукава, чтобы не задеть ими пыльные полки. Ее нос сморщился от запаха гниющей бумаги. Книги в кожаных обложках, коробки и деревянные ящики всех размеров заполняли все место.

— Это место — просто находка. Смотрел ли каннуши Фуджимото, что тут есть?

Катсуо указал на длинный узкий чехол на вершине коробки. Бумажные офуда покрывали почти всю поверхность, талисманы будто запечатывали в нем сверхъестественную силу.

— Там надпись «Фудо Масамунэ». Если это настоящая катана, то это сокровище.

Она вежливо отреагировала, не зная, почему он решил, что ей интересны известные мечи или что-то еще в этой кладовой. Он улыбнулся ей через плечо.

— Пытаешься понять, зачем я тебя привел? Здесь есть куча книг. Прошлой ночью я искал тут книги о камигакари или церемонии, — он остановился в задней части комнаты и присел. — Смотри.

Она подошла к нему, стараясь не кашлять из-за затхлости. Решив, что на колени она становится на грязном полу не будет, она согнулась, чтобы посмотреть на полку. Книги стояли стопками по десять в высоту.

— Это истории храма, — сказал он ей. Он вытащил три верхние. — Я посмотрел парочку, но в этих есть о прошлых камигакари Аматаэрасу и остальных. Думаю, про это есть и во многих других книгах, может, даже подробно описана церемония.

Он посмотрел на нее, даже в тусклом свете его глаза сияли.

— Знаю, ты хотела ждать, пока гуджи тебе расскажет, но я подумал, что тебе понравится узнать о прошлых камигакари, об их деяниях. Тут, — он поднял книгу, — рассказывают, как камигакари Тсукиёми отогнал от берега ураган. Представляешь? А в этой очень старой книге камигакари Изанаги заставил императора закончить войну.

Его восхищение угасло, он ждал ее ответа, но она не могла отыскать голос, чтобы убедить его, что он не оскорбил ее. Как долго он сидел в этом грязном помещении, пытаюсь найти книги о камигакари? Как долго сидел ночью, листая скучную историю вместо сна? Книга, которую он показывал, была страниц в пятьсот. Он провел тут часы.

Она боялась, что он пытается показать ей, что он совершает большую ошибку, но все

выглядело иначе. Он был восхищен двумя примерами силы камигакари, и он хотел поделиться с ней.

Из-за ее тишины он упал духом.

— Прости. Не стоило...

— Н-нет. Это чудесно, — она выдавила вялую улыбку, пытаясь скрыть эмоции. — Спасибо, Катсуо. Это невероятно. Я мало знаю о камигакари, особенно, связанных с другими ками.

Он замер, пытаясь прочесть ее, сомневаясь в ее искренности. Она не выдала ничего, и он улыбнулся. Он вручил ей три книги, она не позволила себе скривиться из-за пыльных обложек. Он встал на ноги.

— Не могу оставаться... Мы с Минору должны проверить северные тропы до ужина, но ты можешь поискать еще книги. Уверен, там много интересного.

Она не успела ответить, а он был уже за дверью, а потом побежал. Оставшись в полумраке, она опустила на корточки и уставилась на книги в руках. От доброты Катсуо все внутри болело. Он пытался так отплатить неудачу при спасении Ханы? Нет, она поняла, что он хороший, когда влюбилась. Он был заботливым, помогал всем вокруг.

Улыбнувшись, она отодвинула три книги и быстро осмотрела остальные в стопке. Некоторые выцвели, и прочитать их не получалось, но по оставшимся в них словам она выбрала еще шесть — четыре истории, руководство каннуши и тетрадь мико столетней давности. Взяв девять книг, она донесла их до веранды и села. Ступени, открытые дождю все лето, были значительно чище кладовой.

Пятна света плясали на страницах книги, где описывалось, как камигакари Тсукиёми боролся с ураганом. Она быстро нашла страницу, которую недавно загибали, и прочитала сухое описание невероятной магии. Закончив, она глубоко дышала. История не преувеличивала, а у нее, как камигакари Аматаэрасу, силы будет еще больше.

Восхищение задавило тревогу, и она прочитала несколько страниц следующей книги. Когда она закончила с материалом, отмеченным Катсуо, она просмотрела и другие истории. Восторг сменился разочарованием, она листала страницу за страницей выцветших записей о древней политике. Может, она недооценила время, которое ушло у Катсуо на поиски.

Она оставила книги истории и взяла дневник. Снова мимо. Мико, описавшая подробности своих дней, жила неприметной жизнью. Эми сама вела дневник и не критиковала, но заметки мико были далеки от шедевра. Отложив дневник, она взяла руководство каннуши и открыла. И упала духом. Страницы были посвящены инструкциям касательно храма.

Она вздохнула, зачесался нос, но она не хотела трогать лицо, пока не вымоет руки. Казалось, ей нужно овладеть терпением, если она хотела узнать больше. Она мысленно прикидывала, как пронести несколько книг в комнату, и листала страницы тусклых чернил, едва глядя на них. И когда вспыхнуло черное на бумаге, она переключила внимание на книгу. Она вернулась назад, пока не отыскала страницу с изображением:

Аккуратные линии отображали метку Аматаэрасу, которая была у сердца Эми.

С колотящимся сердцем Эми поднесла книгу ближе. Автор описывал, как метка темнеет с годами, как понять, что она сформировалась полностью, что указывало, что в следующее солнцестояние нужно было проводить церемонию.

Медлить нельзя, растущая ки камигакари будет служить маяком для всех духов. Ёкаи

будут притягиваться к ней, как мотыльки к огню. Верные хозяевам ёкаи будут пытаться убить камигакари раньше, чем Великая ками спустится с небес. Кунитсуками будут пытаться уберечь свою власть в земном царстве, и они не позволят Великой ками свергнуть их.

Эми сглотнула. Она знала, что сила Амагэрасу медленно копится в ней, но не понимала, что это манит к ней ёкаев. Онемевшими пальцами она потянулась к вороту кимоно и вытащила *омамори* — маленький плоский мешочек из ткани, висящий на ее шее. Внутри прямоугольного мешочка был сильный офуда, защитный талисман. Ишида сам его сделал. Он давал ей новый каждые шесть месяцев последние три года. И каждый раз он предупреждал никогда не снимать талисман. Пока он был при ней, ёкай не увидит в ней нечто большее, чем мико.

Ки, упомянутая автором книги, была духовной энергией или жизненной силой. Это была сила ками и ёкаев, но она была и у людей, хоть и в меньшем количестве. Многие люди не могли делать ничего особенного со своей ки, но каннуши, сохэй и мико были обучены использовать ки в ритуалах, при создании офуда и омамори, для защиты земель храма. При сильной связи с ками каннуши или сохэй мог получать особую силу, если ками помогал им. Чистое сердце и разум, как и сосредоточенность, делали ки сильнее.

Из всех элементов обучения мико ки была слабостью Эми. Она знала теорию, могла технически создать офуда. Это было несложно: прямоугольник белой бумаги, на котором она писала ритуальные слова, наделяя их своей ки и волей. Вот только без нападения ёкая она не могла узнать, получился ли талисман. Офуда не защищал, пока кто-то не намеревался причинить ей вред.

Если сила Амагэрасу уже начала наполнять ее тело, Эми могла создавать офуда сильнее, чем Ишида. Но она не могла проверить их. Если у нее увеличивалась сила, она могла как-то это ощутить? Она уткнулась носом в книгу, пытаясь найти еще информацию. Наверняка, есть способ убедиться в...

Ее взгляд остановился на абзаце в конце страницы.

Не говорите с камигакари о церемонии. Даже если будет спрашивать, не посвящайте ее в правду слияния с божественным духом. Иначе они могут отреагировать на это плохо, некоторые пытались сорвать церемонию. Закрывшаяся камигакари не подойдет для духа Великой ками, а результатом станет кончина камигакари.

Стоит скрыть правду от других слуг храма. Понимание, что воля камигакари угаснет, когда Великая ками сойдет в ее тело, редко приводит к хорошим последствиям, даже если это услышали верные последователи.

Знайте, что жертва камигакари необходима, как и важно скрывать этот факт. Печаль не должна омрачать камигакари, чьи разум и душа будут ослеплены великолепием Великой ками, все мы хотели бы себе такой конец.

Она смотрела на страницу, а слова гремели в голове.

...воля камигакари угаснет...

...жертва камигакари...

...разум и душа будут ослеплены...

Слова кружились и вонзались все глубже, повторялись, пока она не перестала дышать. Угаснет. Жертва. Ее поглотят.

Ложь. Это не могло быть правдой. Кто-то рассказал бы ей. Кто-то предупредил бы ее. Родители поддержали ее на этом пути. Кто-то сказал бы ей, что ее судьба не объединится с

ками, а отдать ками душу и разум.

Она не могла дышать. Это не могло быть правдой. Если книга не врала, всю жизнь она посвятила тому, чтобы стать идеальным носителем для своей ками, и через два месяца Амата́расу вознаградит ее жертвы, уничтожив ее.

Книга выпала из онемевших пальцев. Вся ее жизнь строилась на ужасной лжи, и она никак не могла изменить свою судьбу.

ГЛАВА 6:

Лежа на спине на футоне, Эми смотрела в потолок. Ее слезы высохли. Мышцы болели. Голод сжимал желудок.

Она забрала руководство каннуши в комнату и отказалась выходить, отослав Нанако, когда она пришла узнать, почему «госпожа» не пришла на ужин. Эми прочитала всю книгу от корки до корки, сотни страниц сухого описания управления храмом. Почти все о камигакари было ей знакомо. Все от особых молитв, которые произносили девочки, чтобы их выбрали, до особой диеты, которой она придерживалась десять лет, до защитных омамори, которые она носила. Все было так, как и у нее.

Значит, один абзац вряд ли мог оказаться ошибочным. Руководство точно описывало ее жизнь, и она была уверена, что у Ишиды была копия этой книги.

А если руководство было без ошибок, то вся ее жизнь строилась на лжи.

Для нее стать камигакари всегда означало стать ками. Она не знала, к чему приведет объединение с Амата́расу, но никто и не предполагал, что ее разум не переживет этого. Пока Амата́расу не выбрала Эми, сотни юных мико надеялись и молились, что ками выберет их, но редкие согласились бы так делать, если бы знали, что этим закончат свои жизни.

Меньше, чем через два месяца жизнь Эми закончится. Ее тело продолжить жить, но она его покинет, ее поглотит сильный дух Амата́расу. Разрушит ее.

Сначала она захотела избежать этой судьбы. Десятки отчаянных планов мелькали в голове, но книга отметала все. Она не могла сбежать. Церемония, как писал автор, была ритуалом, помогающим Амата́расу проще спуститься, но процесс мог проходить в другом месте, а то и пропускаться из-за обстоятельств. Ничто не остановит Амата́расу, в день солнцестояния она захватит тело Эми. Она может быть на вершине горы, на дне океана, но ками найдет ее.

Можно было перестать быть чистой, но это не спасло бы. Другие камигакари пытались, и Амата́расу все равно спускалась. Если навредить чистоте, выше станет шанс, что умрет не только разум, душа, но и тело. В любом случае, Эми больше не будет. Ее жизнь закончится в восемнадцать.

Какую жизнь она прожила? День за днем она молилась, училась быть мико, сохраняла чистоту. Она не читала популярные книги, не видела фильмы, не ела интересные блюда. Она никогда не водила машину, не летала на самолете, не видела места мне храмов. Она никогда не каталась на мотоцикле, не взбиралась на гору, не делала то, о чем говорили девушки в частных школах. Она обожала шоколад, но ела его в последний раз, когда ей исполнилось семь — мама сделала ей шоколадный торт.

Новые слезы полились по щекам. Она многим пожертвовала, чтобы быть камигакари, в том числе и родителями. Когда появилась метка, ее забрали в храм Шион для защиты и обучения. Ее родители сначала приезжали часто, но Эми была занята, порой проводила с

ними только пятнадцать минут, а они на путь тратили часы. Она не винила их за то, что видятся они стали пару раз в год. Но, хоть они проводили мало времени вместе, ее мама всегда сияла от гордости каждую минуту.

Когда Эми было двенадцать, отец приехал к ней... один. Мама умерла после двух лет борьбы с раком. Эми не знала даже, что она болеет. Не желая отвлекать ее, мама скрывала правду. Отец со слезами на глазах сказал, что ее мать умерла, сжимая фотографию Эми с недавнего фестиваля, сделанную из толпы, потому что Эми не успела — и не пыталась — увидеться с ними до выступления. А потом он ушел. Это был последний раз, когда она его видела. Она пару раз пыталась связаться с ним за эти годы, но он отвечал холодно, если вообще отвечал, что не будет отвлекать ее от дел. Подтекст был ясен: она выбрала будущее камигакари, и в нем не было места ее родителям.

Она не хотела так делать. Так получилось. Она не была всегда занята, но родители появлялись, когда ее расписание было плотным. И она всегда говорила себе, что в следующий раз выделит время, попросит Ишиду освободить ей целый день, чтобы она пообщалась с родителями. Но этого не произошло, а теперь было поздно.

Слезы стекали по щекам в волосы. Она не понимала раньше, как одинока. Ее мать умерла, отец не собирался прощать ее за боль матери. Ее лучшая подруга умерла. В постоянных переездах и тревоге, что она ранит кого-то еще, она больше ни с кем не дружила так, как с Ханой.

Вытерев слезы, она села и вытащила шкатулку. Порывшись в содержимом, она разозлилась, отодвигая каждый ненужный камень, перо или цветок. Каждый предмет был связан с важным воспоминанием, но каждый оказался связан с камигакари. У нее должно быть хоть одно важное воспоминание, что не было о храме, что-то, что она делала вне этой паутины лжи.

Но ничего не было. Она так старалась быть послушной камигакари.

У нее осталось два месяца, но у нее не сохранилось впечатлений ни о чем, кроме долга. Отчаяние сжало ее горло. Что это? Такой была ее жизнь? И она оборвется через пару коротких недель?

Она зажмурилась и впилась в края шкатулки. Даже если она могла избежать участи, что тогда? Смогла бы она это сделать? Смогла бы отвернуться от долга? Она вызвалась сама, и если она бросит все накануне церемонии, это будет ужасным позором. Амаэрасу нуждалась в теле. Если Эми не станет носителем Амаэрасу, ками придется начинать все заново с другой камигакари, отложить церемонию еще на десять лет. И другая девочка нечаянно пожертвует собой.

Эми повернулась к алтарю в углу. Из дерева был вырезан идеальный миниатюрный храм с белыми вазами по бокам и блюдами для подношений. В центре маленькое зеркало представляло шинтай, передающий силу Амаэрасу во время молитвы.

Эми любила Амаэрасу, самую добрую Амаэсуками, с детства. Она была рада объединиться с духом ками, даже если бы потеряла от этого часть себя. Была ли ее судьба настолько иной? Если она потеряет разум и душу, это будет похоже на смерть, а не объединение. А риск смерти был с самого начала. Теперь смерть грозила ей в любом случае.

Но она выбрала этот путь. Амаэрасу нуждалась в ней. Ками была нужна миру. Амаэсуками ветра отсутствовала сто лет, сто лет прошли без равновесия, и из-за этого ситуация все ухудшалась.

Она вызвалась, но ей соврали о ее судьбе. Она сделала свою жизнь такой, но ей никогда

не говорили, что она не выживет. Это было ее долгом, а они соврали.

Резко встав, она выронила шкатулку, содержимое высыпалось на пол. Она не могла сидеть. Не могла стоять смирно. Она сжимала и разжимала ладони. Вздохнув, она взяла из шкафа тяжелую хаори и вышла за дверь. Свет лился из ее комнаты в коридор, закрытый ночью деревянными панелями. Остальная часть дома была во мраке, никто не проснется до рассвета. Поспешив к входу, она обулась и открыла дверь.

С неба падал занавес крупных снежинок. Газон был покрыт нетронутым слоем снега, который шел уже давно. Небо светлело, рассвет был близко, но ночь еще не отступила.

Сбросив сандалии, она склонилась к полке у двери и вытащила туфли, что носила в школе, она оставила их тут вчера на случай плохой погоды. Обув туфли, она спустилась по ступенькам, снег прилипал к ее подошве.

Через пару шагов она застыла. Ей нужно было двигаться, прогнать бурю эмоций, чтобы думать ясно. Но она не хотела идти в храм.

Она все равно пошла в ту сторону, подумывая о визите в кладовую, но вместо этого ноги повернули на север. Мимо дома, тропу, укрытую снегом, определяли только деревья по краям. Конюшня. Свежий воздух, пространство. Это лучше, чем затхлый склад.

Ускорившись, она пошла к заснеженному лесу. Снег создавал достаточно света, чтобы видеть даже темные тени под деревьями. Она шла среди кружащихся снежинок в тишине и словно вошла в другой мир. Дом за ней пропал, она видела лишь деревья неподалеку, их ветки были покрыты снегом, как торт глазурью. И хотя снег успокаивал, она не могла прогнать эмоции, которые заставляли ее ноги двигаться.

Деревьев становилось все меньше, а потом они пропали, появилась поляна. Темные силуэты лошадей виднелись на снегу. Она открыла калитку и прошла к ближайшему коню — черному с одной белой задней ногой. Он насторожил уши, и она, не зная толком, подумала, что это мерин.

— Привет, — пропела она и протянула осторожно руку. Он позволил погладить мягкий нос, его ноздри раздувались, вбирая ее запах. Она улыбнулась и приблизилась. — А ты красавец, да?

До того, как ее отметила ками, она любила лошадей и хотела ходить на уроки езды верхом летом. Коней использовали на некоторых церемониях и фестивалях, потому они и были в храме Шираюри. Но когда она получила метку, езда верхом оказалась в первых строках списка занятий, что были слишком опасны для нее. Камигакари не должна была рисковать сломать шею.

— Они забрали все, — прошептала она, стряхивая снег с гривы коня и приглаживая ее. — Они забрали у меня все из-за обещания, которое было их ложью. Как они могли? Как можно быть такими жестокими?

Она прижалась лбом к теплой шее коня. Они обманули ее. Жертва была частью роли камигакари. Может, они скрывали правду не для того, чтобы предать ее, а чтобы ей было проще... или они думали, что такая правда отпугнет желающих.

Она судорожно выдохнула. Сделанного не воротишь. Она была отмечена, она не могла ничего поделать с солнцестоянием. Это была ее судьба, ее будущее, ее долг. Не этого она ожидала, не к этому стремилась, но конец уже был определен. У нее не было выбора.

Сжав дрожащие губы, она боролась с волнами эмоций, терзающих ее сердце.

Отчаяние, смирение, страх боролись с пылающим гневом из-за предательства тех, кто послал ее по этому пути.

Конь потерял носом о ее плечо, словно успокаивал ее. Она подняла голову и посмотрела в его темные глаза. Она так много отдала из-за их лжи. Она уже жертвовала много раз, а вскоре пожертвует в последний.

Она замерла, глядя на лошадь. Волны отчаяния и смирения угасли. Может, у нее получится хоть что-то сделать для себя. Немного эгоизма ведь можно?

За минуту она нашла укрытые снегом поводья, висящие на ограде, и прикрепила к упряжи коня. Он спокойно подошел к прямоугольному тюку сена и ждал, пока она заберется на него. Стоя на сене с поводьями в руках, она замешкалась, сердце колотилось. Земля уже была ужасно далеко, а спина коня была еще выше. Она была одна, никто не знал, где она. Было ли это хорошей идеей?

Это не было связано с камигакари, этого хотела она для себя, только и всего. И если она этого не сделает сейчас, она больше не получит шанс.

Подавив страх, она схватилась за гриву коня и забросила ногу на его спину. Она забралась почти просто. Сидеть было неудобно, но она была рада. Мерин дернул ушами и выпустил облачко белого пара, от которого закружились снежинки.

Она гордо сидела на коне с широкой улыбкой. Смотрите, она едет на лошади! Ну, еще не едет. Сидит. Но уже близко. Она это сделала! Дрожь охватила ее. Она всегда была такой послушной. Решить за себя, сделать что-то запретное было удивительно заманчиво. Она погладила шею коня, наслаждаясь моментом, теплом и силой коня, красотой изгиба его шеи, подергиванием его ушей. Закрыв глаза, она представила, как мчится по пастбищу, волосы развеваются за ней, холодный ветер бьет в лицо, а снежинки проносятся мимо.

Еще через минуту она вздохнула, радуясь своему приключению, но тут ее охватило сильное желание сделать еще что-то, что она не испытывала. Жалость Катсуо теперь была понятной. Еще вздох, и она склонилась и собиралась слезть с коня.

Он топнул копытом и насторожился. Она застыла, пытаясь понять, что его встревожило. Его уши были направлены вперед, а между ними виднелась калитка. Открытая калитка.

Она оставила калитку открытой намного шире.

Мерин фыркнул. Его мышцы двигались под ней. Она потянула за поводья, конь опустил голову, и она от этого подвинулась вперед. Конь сорвался с места.

Она завопила, а он топал копытами. Она держалась за поводья изо всех сил, ветер трепал ее волосы, стянутые в хвост. Мерин промчался в калитку к тропе, повернул налево, из-под копыт вылетал снег. Другие три лошади заржали, словно поддерживали его, а он убегал от конюшни.

Эми прижималась к его спине, кричала, но не издавала ни звука. Она тянула за поводья, но конь не замедлялся. Он бежал, наслаждаясь движением. Они оказались в лесу. Снег кружился повсюду, превращая мир в белый. Ледяной ветер, холоднее, чем в ее воображении, заставлял ее лицо неметь.

Время пропало, осталась паника. Она могла лишь держаться. Деревья проносились, местность напоминала склон. Все выше и выше. Мерин знал тропу, поворачивал без сомнений, порой для этого сбавляя темп. Слева от них гора поднималась, а справа обрывалась.

Конь повернул. Павшее дерево в нескольких ярдах впереди закрывало проход.

Он завопил, и Эми полетела через его голову, а он резко остановился.

Она перелетела дерево и упала на землю у края тропы. Она приподнялась над снегом, кривясь от боли, а потом земля обвалилась под ней. Она ехала на спине, спускалась по

склону ногами вперед, едва не задевая деревья по бокам. Листья и снег падали отовсюду, ослепляя ее.

Постепенно склон превратился в ровную землю, и она остановилась. Голова кружилась, она лежала на спине, снег таял в ее волосах. Она сжала пальцы, впиваясь ими во влажные листья. Все тело болело.

Тяжело дыша, она осторожно села, моргая. Деревья. Она была окружена соснами, елями и спутанными ветвями клена и дуба, украшенными разноцветными листьями. Снежинки плясали вокруг нее, тени ночи смягчались из-за приближения рассвета. Земля здесь была почти ровной. Она посмотрела в сторону, откуда упала, и там виднелась тропа, которую она пробила в снегу. Ей стало не по себе от того, каким пологим выглядел склон. Он поднимался все выше и выше, а потом все закрывал снег. Она не видела коня.

Страх пробрался в нее, быстро набирая силу.

Она была одна в лесу. В северных горах. Катсуо говорил, что тут полно ёкаев. И никто не знал, что она покинула спальню.

ГЛАВА 7:

Она не могла позволить себе паниковать. Это обернется плохо. Если она запаникует, то не может мыслить, а ей нужно было думать.

Эми сидела, не двигаясь, словно если бы она ушла, стало бы хуже. Она была одна в лесу. Она была одна, но не так далеко от храма. Ее пугающая езда на лошади длилась пару минут, это лишь пару миль, верно?

Пара миль от храма. Это не так и плохо. Она могла пройти их меньше, чем за час, да? Может, она даже вернется раньше, чем все проснутся. Небо стало светлее, но рассвет еще не коснулся горизонта на востоке. Она огляделась. Где же восток? В какой стороне храм? Тропа сначала шла на север, а потом начались повороты, гора, и она легко могла оказаться восточнее или западнее.

Панику едва удавалось сдерживать. Она упала со склона. Храм был возле горы на южной стороне. Ей нужно просто идти от утеса, и направление будет правильным.

Она встала на ноги и стряхнула снег с одежды. Ее тело болело, мышцы стонали даже от небольших движений, но все работало. Она игнорировала боль и сосредоточилась на отряхивании одежды, после чего убрала листья из волос. Тонкий голос паники смеялся над ее глупостью, над тем, что она переживала за внешний вид в такой ситуации, но знакомые движения успокаивали ее. Она приходила в себя.

Осмотрев склон, она пошла в другую сторону. Она сможет. Просто идти прямо, и она вернется в храм раньше, чем поймет. Листья под снегом хрустели от каждого ее шага, и только этот звук слышался в лесу. В темноте и падающем снеге ничего не было видно. Она шурилась и крепко обхватывала себя руками.

В лесу было тихо, дыхание оглушало ее. Она скользила взглядом по снегу, отмечала листья, ветки, искала в тенях движения. Она замерла на полушаге, заметив странные следы на снегу. Рассмотрев их, она решила, что крохотные следы копыт оставил кабан. Дикие кабаны водились в горах. Она отвела взгляд и пошла дальше. Животные в лесу беспокоили ее меньше, чем ёкаи, но она вряд ли увидела бы их следы, пока не было слишком поздно.

Она обходила деревья, низкие кусты, и безумные мысли терзали ее спокойствие, как стая волков. Что с ней было? Что за детские выходки? Как побег посреди ночи на

незнакомом коне мог что-то исправить? Стоили ли пара минут адреналина такого?

Что будет, если остальные поняли, что она ушла? Она покинула комнату, оставив там разбросанными воспоминания на полу. Ее дневник был открыт, как и руководство каннуши. Ей нужно вернуться раньше, чем они это обнаружат. Если она придет вовремя, то они не узнают, что она ходила к конюшне. И пропажу лошади спишут на открытую калитку. Все будет хорошо.

Вид вздымающегося снега в нескольких ярдах впереди нарушил ход ее мыслей. Она остановилась. Что-то большое билось на земле недавно, судя по тонкому слою снега, припорошившему потревоженную землю. Это был ёкай? Насколько он близко? Она пыталась увидеть что-то среди снегопада. След вел по склону вверх и пропадал в темноте.

Она огляделась и увидела следы, ведущие в лес. Ее следы. Это был не след чудовища, забравшегося за склон, а след, что остался от ее падения. Она вернулась туда, откуда начала.

Паника вспыхнула в ней, чуть не захлестнув. Она прошла по кругу? Как? Она была уверена, что идет прямо!

Заломив руки и позволив себе задыхаться минуту, она взяла себя под контроль. Она повернулась к склону, развернулась на сто восемьдесят градусов и выбрала дерево вдали, насколько ей было видно в темноте и снегопаде. Она снова пошла, глядя на выбранное дерево. Когда она достигла его, она выбрала другое и пошла к нему. А потом еще и еще.

Лес был тихим и неподвижным, атмосфера в темноте — сонной. Как давно она шла? Двадцать минут? Тридцать? Ее размеренное дыхание превращалось в облачка пара перед лицом. Не было видно храма, пастбища или тропы. Покрывало снега скрывало землю, она могла идти поверх троп, не видя их. Она уже не знала, куда именно идет. Земля поднималась, а потом опускалась, мешая ей понять направление. Она отчаянно посмотрела на следующее дерево, надеясь, что все еще идет на юг, если она вообще шла на юг все это время.

— *Кар!*

Она сжалась, потеряла равновесие и чуть не упала. Она вскинула голову, снежинки покалывали лицо. Над ней на ветках дуба сидела черная ворона. Ее голова склонилась, она каркнула снова, разбивая тишину леса.

— Шшш! — зашипела она, но без толку.

— *Кар!*

Зло посмотрев на птицу, она оглянулась и поняла, что потеряла дерево, к которому шла. Она стояла посреди поляны в десять футов шириной, покрытой нетронутым снегом, и не знала, куда идти.

— *Кар-кар-кар!*

— Тише, — прорычала она, расправив плечи. К какому дереву она шла? Она не думала, что успела развернуться, но она подпрыгнула в воздух от первого крика вороны. Оглянувшись на свои следы на снегу, она попыталась понять, шли ли они по прямой или чуть заворачивали влево.

— *Кар-кар-кар!*

Она стиснула зубы от шума. Птица вдруг притихла.

Она не сдержалась и посмотрела наверх. Ворона смотрела на деревья справа, застыв, как статуя. Тишина была слишком тяжелой. Ее сердце колотилось в груди, страх растекался по венам. Новый страх. Страх, что скользил по земле, обхватывал ее ноги, тянулся ледяными пальцами к ее сердцу.

Она ощущала такой страх в день, когда умерла Хана.

Отпрянув на пару шагов, она сунула правую руку в противоположный рукав кимоно. Из кармашка она вытащила стопку бумажных офуда. Дрожащими пальцами она развернула веером прямоугольные талисманы и посмотрела на темные надписи на каждом.

Среди деревьев, на которые смотрела ворона, треснула ветка. Тихие шаги прозвучали по земле, быстрые, бегущие.

Бегущие в ее сторону.

Она упала на колени и обрисовала круг на снегу. Топ-топ-топ. Быстрые шаги зверя, что-то бежало к ней, не пытаясь скрываться. Тьма вдруг стала непроглядной. Каждая день казалась угрозой. Она впилась в офуда, сминая их, в панике не помня, где среди них чары барьера. Эти чары были сложными, требовали много ки, использовались только в крайних случаях. Топ-топ-топ. Все ближе и ближе. Слишком близко!

Кусты в двух ярдах перед ней взорвались снегом, что-то выбежало из них на высокой скорости. Белое пятно бросилось к ней. У нее не было шанса поднять офуда, а пятно врезалось в ее грудь и сбило. Офуда вылетели из руки.

Она перекатилась, вскрикнув, и повернулась к нападающему, вопль застрял в горле.

Существо лежало на земле, грудь вздымалась, тело было покрыто снегом с головы до лап. Оно вскочило на ноги и встряхнулось, снег и листья отлетели в стороны. Эми моргнула, пытаясь не терять разум.

Это была лиса. Белая лиса, а не чудовище. Она повернула голову к ней, насторожив пушистые ушки.

А потом рубиновые глаза посмотрели ей в глаза, пронзая умом.

Ее сердце замерло. Эти глаза. Это не обычная лиса, нет. Это должна быть кицунэ, ёкай.

— *Кар!*

Вопль вороны был полон предупреждения. Кицунэ повернулась к ней, оскалила клыки. Кровь Эми остыла, когда она поняла, что лиса смотрит не на нее, а в сторону, откуда пришла.

Страх снова впился в нее, став сильнее. Она повернулась к кустам, отвернувшись от кицунэ. Инстинкты кричали, выли, что белая лиса — не то, чего нужно бояться.

Темная тень появилась среди деревьев и приближалась со зловещей тишиной. Кусты содрогнулись, а потом их вырвали из земли и отбросили.

Чудище прошло через созданную брешь. Фигура в восемь футов напоминала человека и отличалась большими мышцами. Тусклая красная кожа покрывала тело, черные волосы падали на спину, как грива. Рога торчали из головы, как у быка, и бивни из широкого рта. Чудище было укутано в кожу оленя, украшенную черепами животных, и один человеческий череп висел посередине, как почетный знак, пустые глазницы словно смотрели с ужасом.

Желтые глаза чудища, что были в тени из-за выпирающего лба, были направлены на нее, и монстр замер от удивления. Ее голова кружилась, легкие опустели. Ужас парализовал ее, сковал льдом.

Чудище мешкало не долго, через миг широкий рот растянулся в оскале. Оно шагнуло вперед, один шаг покрыл половину расстояния между ними. Еще один шаг, и оно уже возвышалось над ней, невероятно огромное. Огромная рука с кривыми грязными когтями потянулась к ней. Она не могла двигаться, не могла и дышать. Рука тянулась к ее лицу и закрывала все поле зрения.

Вспышка света, лиса прыгнула перед ней и погрузила зубы в руку чудовища.

Монстр заревел и отшатнулся. Вопль ударил по Эми, разбивая ее паралич. Кицунэ пригнулась перед ней, оскалилась, высоко зарычав, но угроза от рыка была такой же, как от мяуканья котенка. Монстр выпрямился, фыркнул и опустил руку для удара.

Эми схватила офуда и положила на линию, нарисованную на снегу. Монстр тянулся к ней, когти были готовы растерзать ее.

— *Секишо но сейшун!* — закричала она.

Заклинание слетело с губ, офуда под ее рукой потеплел, воздух задрожал. Рука монстра опустилась и ударилась о радужный воздух. Синий свет вспыхнул от удара, чудище зло зарычало.

Сияющий голубой купол накрывал ее по нарисованному на снегу кругу, который кицунэ как-то не разорвала. Лиса-ёкай была рядом с ней внутри барьера, красные глаза смотрели на монстра, на *они*, как она теперь вспомнила. Ёкай гор, ужасный и жестокий, которого людям стоило избегать.

Они снова заревел и ударил кулаком по барьеру. Снова вспыхнул свет. Эми сжалась, едва удерживая руку на офуда. Рука *они* отлетела, словно ударилась о кирпичную стену. Он зарычал и ударил по барьеру снова. Она вздрогнула. Даже кицунэ подпрыгнула.

Еще три раза *они* ударил по барьеру, и каждый раз это только злило его еще больше. Чудище взревело и обошло барьер, атакуя с разных точек, пытаясь найти слабину. Она следила за ним, дрожа всем телом, но рука оставалась на офуда. Она не осмеливалась отпустить. Может, ей и не нужно было держать талисман, но *они* мог как-то выхватить листок, и тогда барьер падет.

Они обошел их по кругу, она отвела взгляд, не в силах и дальше смотреть. Если она и дальше будет смотреть и думать, как эти огромные руки разобьют ее череп, как скорлупу яйца, она потеряет контроль из-за паники. Вместо этого она посмотрела на кицунэ. Лиса лежала рядом с ней, тяжело дыша и следя за кружащим *они*. Стоило бояться, что ёкай в барьере вместе с ней, но бедняжка выглядела не менее напуганной, чем она.

— Чем ты так разозлила *они*? — прошептала она.

Лиса посмотрела на нее, открыла пасть и вывалила розовый язык в собачьей улыбке, что говорила о любви создавать проблемы. Может, лиса была и не так сильно напугана.

— О, ясно, — пробормотала я. — А меня зачем было в это втягивать?

Лиса склонила голову, словно спрашивая: «Ты меня обвиняешь?».

Они ударил кулаком по вершине барьера, она подпрыгнула. Она опустила плечи, будто у земли было безопаснее.

— Что делать? — спросила она, боясь шуметь.

Кицунэ тихо заскулила, прижала уши. Она тоже не знала. Она смотрела в отчаянии на лису и заметила красные следы на снегу вокруг нее.

— У тебя кровь?

Лиса прижала уши сильнее. Кицунэ была ранена. Сильно ли? Она потянулась к ней свободной рукой, не зная, что хочет сделать. Лиса вскочила тут же на ногу, отбежала от ее руки, оставаясь в барьере. Она застыла, глядя на темно-красный снег там, где лежал ёкай. мех на правой передней лапе и боку лисы был вымазан свежей кровью.

Они голодно зарычал.

— Я чувую твою кровь, отродье Инари, — прорычало чудище, голос был низким, полным дрожи, а не звука. Оно посмотрела на Эми. — Я позавтракаю лисятиной и человеком.

Жрицей храма. Какой чистый запах.

— Придется долго ждать, — смело сказала я, удивляясь себе.

Они рассмеялся, злой звук заставил ее содрогнуться. Чудище показало на землю.

— Не долго, мико. Не долго.

Она посмотрела вниз. Офуда под ее рукой сиял тусклым голубым светом, но края бумаги почернели, словно невидимый огонь поглощал их. Кровь отлила от ее головы. Офуда горел. Когда он почернеет полностью, чары рассеются, барьер падет.

Они фыркнул при виде ее страха и склонился к барьеру.

— Где же твоя ками, мико?

Еще пара минут, и барьер падет. Что ей делать? У не нет другого, остальные офуда за кругом, где она их уронила.

— М-моя ками меня защищает, — пролепетала она. — Она всегда защищает меня. Она всегда со мной.

Они жестоко рассмеялся.

Тепло поднялось в ней, собираясь в груди. Метку над ее сердцем обожгло, синее мерцание барьера усилилось, и сияние озарило деревья. *Они* отпрянул и вскинул руки к лицу. Барьер стал ярче, пока свет не поднялся от него странными лентами, что танцевали на призрачном ветре.

Синее пламя ударило *они*. Чудище завывло и отшатнулось. Рука, где ее коснулся свет, была в волдырях, стекала зеленая жидкость. *Они* уставился на нее в барьере и прорычал ругательство. Развернувшись, он ушел, пробиваясь сквозь лес, пока не воцарилась тишина.

Под ее пальцами вспыхнул свет, офуда угас через миг. Она подняла ладонь, пальцы были в черном пепле. Бумага сторела, чары развеялись. Она опустила дрожащую руку и огляделась.

Кицунэ уже была в десятке шагов, смотрела настороженными красными глазами. Кровь медленно стекала с живота на снег.

— Стой, — начала она, протянув руку к лисе, — не...

От движения кицунэ развернулась и убежала. Через миг лиса пропала, слилась со снегом и тьмой.

— ...уходи, — закончила она выдох.

Слабая, она не могла встать и оглядела поляну, у нее не было сил. Из-за красной крови кицунэ, зеленых пятен от *они* и следов, где она шла и упала, поляна напоминала небольшое поле боя. Чудище ушло, но ничто не мешало ему вернуться. Может, кицунэ правильно сделала, что сбежала.

Глубоко вдохнув, она встала на ноги, шатаясь, пока не обрела равновесие. Она собрала промокшие офуда и беспомощно огляделась. Она не знала, в какую сторону шла. Она пошла дальше по наитию.

— *Кар*, — сказала ворона, смотревшая на все с безопасной высоты дерева.

— Замолчи, — пробормотала она и побрела по бесконечному лесу.

ГЛАВА 8:

Эми склонила голову и старалась слушать голос Фуджимото. Это не должно было вызывать сложности. Когда Катуо привел ее, мокрую и дрожащую, к нему, гнев превратил неуверенного милого старичка в нечто похожее на краснокожего *они*. Он сидел за низким

столиком в своем кабинете, просторная комната отражала каждое пронзающее слово в нее. Его едкая лекция длилась уже полчаса, перечислялось все, что она ожидала: ее отсутствие ответственности, неуважение ко всем, кто переживает за нее, кто искал ее, ее попытка навредить себе как камигакари, а еще было несколько замечаний по поводу ее глупости.

Прошло около десяти минут после нападения *они*, она нашла тропу, отпечатки копыт. К ее досаде, она шла на северо-запад, а не на юг, и на тропу наткнулась по чистой случайности. Она была на половине пути к пастбищу, когда Катсуо и Минору появились перед ней на лошадях, преследуя след копыт. Оба сохэя злились, ведь если бы она умерла в лесу, их карьерам пришел бы конец.

Прикусив губу, она склонила голову еще сильнее, слова Фуджимото давили на нее. Когда она решила залезть на коня, она не подумала, что будет с Катсуо и Минору, если с ней что-то случится. Но она и не собиралась уезжать.

Фуджимото недовольно кашлянул и отклонился.

— Итак, камигакари Кимура, — обратился он к ней по фамилии, — что скажете? Пока что вы никак не объяснили свое оскорбительное поведение.

Она не смотрела ему в глаза. Стыд боролся с тихим, но неистребимым, гневом, который появился в ней после прочтения руководства каннуши. Горькие слова застревали в ее горле, хотели быть озвученными. Но если она раскроет, что знает правду о своей судьбе, это лишь сделает оставшиеся месяцы очень неприятными.

— Мне приснился кошмар, — пробормотала она. — Я пошла к конюшне, чтобы очистить голову, и...

— И вы решили покататься в одиночку в горах? — ядовито спросил он.

— Конь выбежал из загона...

Фуджимото издал недовольный звук, не осталось вида того лепечущего старика.

— Отныне вам запрещено приближаться к конюшне. Не знаю, что стало причиной такого глупого поступка, но, пока я не обсужу это с гуджи Ишидой, вам можно ходить только по дому и саду. Мне приставить к вам постоянного надзирателя, чтобы вы точно выполняли указания, камигакари Кимура?

— Нет, каннуши Фуджимото.

— Можете идти, — он посмотрел на дверь. — Катсуо, отведи ее в комнату. И сообщи мико Нанако, что госпоже потребуются горячая ванна, горячая еда и травяной чай, чтобы исключить возможность простуды после ночи на морозе.

Эми встала, дверь перед ней отъехала. Она не смотрела на Катсуо, выходя, а он закрыл за ней дверь. Его злой взгляд сверлил ее спину, пока она шла мимо сцены, главного зала к мосту. Он тихо следовал за ней, пока она не добралась до своей спальни, но когда она попыталась открыть дверь, он прижал к ней ладонь, не дав отъехать.

— Что это было, Эми? — он шептал, но каждое слово дрожало от сдерживаемой ярости. — Кошмар? Я ни на секунду не поверил.

Рассказывать ему правду? Нет, это его ранит. Он уже страдал из-за того, что она потеряет. Если он узнает, что она потеряет все, что судьбу уже никак не изменить...

Он склонился ближе.

— Неужели ты ничему не научилась после случая с Ханой? Как можно было так ее позорить, подвергая себя такой опасности...

Она развернулась к нему раньше, чем успела совладать с собой.

— Конечно, научилась! — прошипела она, едва сдерживая крик. — Это было случайно!

Я не закрыла калитку, и конь сорвался с места. Я хотела лишь минутку посидеть на нем!

— Зачем тебе захотелось сидеть на нем? — прорычал он.

— Потому что я люблю лошадей! Потому что мне никогда не разрешали покататься, а я хотела разок попробовать.

Он сжался, словно я его ударила, его гнев превратился в потрясение. Его плечи опустились, и он прижал ладонь к лицу, закрыв глаза.

— Прости, Эми, — пробормотал он. — Это моя вина. Не стоило говорить тебе такие слова о том случае. Я ужасная дрянь.

— Нет, — ее гнев испарился, его заменил тяжелый стыд. — Это не твоя вина. Мне не стоило ходить туда одной. Это было глупо. Я и не думала, что конь убежит.

Он опустил руку, чтобы посмотреть на нее.

— Его имя не предупредило?

— А как его зовут?

— Коня звали Торнадо.

— Я... этого не знала.

— Три лошади очень спокойные. Никто из них не убежал бы.

Она скривилась. Как ей повезло выбрать норовливого коня. Катсуо убрал руку от двери, и она смогла открыть ее.

Внутри беспорядок был убран. Ее футон и постель были убраны в шкаф, а чемодан стоял в углу. Не было видно ее деревянной шкатулки, безделушек, тетради или руководства каннуши.

Она не успела запаниковать, а Катсуо залез под хаори и вытащил две книги. С улыбкой он протянул их ей.

— Я схватил их, пока никто не видел. Вряд ли в панике из-за случившегося это кто-то заметил. Сначала мы подумали, что кто-то напал на тебя и унес.

подавив еще один укол вины из-за причиненной тревоги, она забрала книги и прижала к груди. Она чуть не спросила, читал ли он их, но когда бы он успел? Он едва ли сел бы и стал читать ее дневник, когда она пропала и была в опасности. Она всех перепугала.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что, — он замешкался. — Эми, если ты вдруг решишь что-то испытать, попроси меня, ладно? Новое познавать хорошо, но не нужно себе вредить... или хуже.

Она боролась со слезами. После всего, что он пережил из-за нее, он был слишком добр к ней.

Он отступил на шаг.

— Тебе нужно переодеться и пойти в купальни.

Она кивнула. Ее мокрые носки неприятно хлюпали, когда она вошла в комнату, и Катсуо закрыл дверь. Она слушала его шаги, зная, что он пошел доставлять указания Нанако. Она скривилась. Еще одна лекция ждала ее впереди.

Оставшись одна, она удивилась тому, какое безумие заставило ее вырваться в ночь и залезть на коня. Отчаяние и долг боролись с желанием восстать из-за предательства, и это затмило разум, но в свете утра она поняла, что пара минут на коне не стоили проблем и тревоги, что она причинила всем.

Подняв руку, она посмотрела на пальцы, испачканные темным пеплом. Она не просто проехала на коне, но и попала в горы одна, отразила атаку *они* с помощью офуда. Она могла даже спасти жизнь кицунэ, если лиса переживет те раны.

Она хотела нарушить ограничения камигакари, а зашла дальше, чем представляла. Она была испугана, все болело, она чувствовала каждый синяк, она устала, но это того стоило. Защитилась от монстра, работала сообща с маленьким ёкаем, шла сама по дикому лесу. Каждое воспоминание было ярким, пульсировало жизнью, заставляло ее чувствовать себя живой. Такой она не чувствовала себя годами. Уникальное приключение. Несмотря на смущение и вину, она не жалела об этом.

Если бы Фуджимото узнал, что она чувствовала о своем поступке, он бы мог лопнуть.

* * *

После ванны, завтрака, чашки чая и сна Эми сидела в комнате и смотрела на заснеженный сад в окно. Больше ей делать было нечего. Пока что она спрятала руководство каннуши и тетрадь в шкаф. Ее шкатулки с воспоминаниями не было: Нанako все выкинула, заявив, что это был мусор. И хотя прошлой ночью Эми испытывала отвращение к воспоминаниям о жизни камигакари, потеря ранила ее сильнее, чем она хотела признавать.

Уткнув локоть в подоконник, она подперла ладонью подбородок. В другой руке она держала длинное черное перо. Свет блеснул на нем, пока она крутила его между указательным и большим пальцами. Она принесла его из леса, хотела спрятать в шкатулку, как ее воспоминание, не связанное с долгом камигакари. К сожалению, шкатулки больше не было.

Она положила перо на подоконник и убрала волосы с плеч, пряди рассыпались по спине. Они ниспадали ниже ее бедер, задевали пол. Она накрутила локон на палец, глядя, как за окном падает легкий снег, не похожий на ночной снегопад. Ее волосы тоже были связаны с камигакари, ей нельзя было стричь их десять лет, только подравнивать, ухаживая за ними. Она бы не хотела себе настолько длинные волосы, но это было важно для духов.

Ее мысли охватила жалость, пытаясь утешить разум во тьму. Ее судьбу не изменить. Если бы у нее был выбор, может, было бы не так сложно. Если бы ей не соврали... если бы она знала с самого начала, желала бы она этого пути с детства? В восемь лет еще не все понимается. Может, она бы все равно так поступила.

Но было слишком поздно. От судьбы в день солнцестояния не сбежишь. Если она потеряет жизнь, то ей стоит стать идеальным носителем для Амагэрасу, ради мира, ради баланса. Ей нужно было перестать думать об этом и делать вид, что ничего не изменилось.

Она вздохнула, стараясь не обращать внимания на тревогу и покаяние, от которого хотелось вскочить и расхаживать по комнате. Она смотрела в окно, не видя сад, и ярко-красное пятно привлекло ее взгляд: алые листья. Издалека они напоминали кровь на снегу, как кровь кицунэ.

Ёкай-лиса была самой удивительной частью ее приключения. Не злой ёкай... это было странно для нее. Кицунэ казались ей нейтральными ёкаями. Их считали обманщиками, они могли причинить вред человеку, но у них не было такой жестокой репутации, как у многих других ёкаев. Ей стоило бы беспокоиться, если бы у кицунэ в лесу был бы не один хвост, это указывало на возраст и силу, по рассказам, но лиса не могла даже сбежать от *они*.

Кицунэ еще были посланниками Инари, Кунитсуками огня. *Они* называл лису отродьем Инари. Может, ей стоило тревожиться. Инари точно захочет смерти камигакари Амагэрасу, она может приказать ёкаю охотиться на нее. Если бы она была умнее, она бы не спасала кицунэ, хоть она и не планировала ничего насчет этого.

Она прикусила губу. Она спасла лисе жизнь, да, но она спасла ее первой. Когда *они* пришел за ней, она была парализована ужасом. Кицунэ прыгнула и укусила *они*. Это спасло

ее, а Эми бросила лису умирать.

Нет. Она покачала головой, уткнувшись в ладони. Кицунэ убежала. Она не бросала ее. Ей ведь не нужно было бежать за лисой? Ёкай не знал, что она камигакари, но мог потом понять правду. Кицунэ мог не быть чудовищем, но оставался опасным ёкаем.

Она сильнее прикусила губу. В рубиновых глазах был разум. Хитрая улыбка. И кровь.

Нет, она ничего не могла сделать. Ёкай опасны. Ей нельзя так рисковать.

Подняв голову, она убрала руки от подоконника. Она не могла рисковать, ее тело было нужно Аматэрасу живым и невредимым, а не испорченным ёкаем. Но она была в долгу перед кицунэ, а если все спланировать, то ей и не придется рисковать. Не придется сильно рисковать. У нее остались недели жизни, и она хотела за это время сделать что-то значительное, что-то личное, не ради службы Аматэрасу. Она могла отплатить долг и, может, спасти при этом жизнь.

С мрачной решимостью она встала, быстро заплела волосы, стянув их в тяжелый пучок и завязав. Она взяла белую хаори, сухую и лишь немного испачканную из-за падения с горы. Она спрятала блестящее черное перо в тетрадь, как закладку, и спрятала в угол шкафа. А потом она подошла к двери и отодвинула ее. Для плана кое-что требовалось.

Она была на кухне всего пару минут, когда на пороге появился Катсуо, хмурясь.

— Эми, разве ты не спала? Что ты делаешь?

Взглянув на него, она вытащила пачку свиных котлет и опустила в тряпичную сумку перед собой.

— Ах, Катсуо, вот ты где. Здесь есть аптечка?

В его голосе зазвучала тревога:

— Ты ранена? Что...

— Нет, я в порядке. Мне нужна аптечка. У нас есть?

— Да, но...

— Можешь захватить?

Он нахмурился сильнее и вышел из кухни. Она забрала остатки жареной рыбы, две бутылки воды и сложила в сумку. Он вернулся с белой пластиковой коробкой, она протянула сумку, чтобы он опустил ее туда. Он прищурился и медленно опустил аптечку к другим предметам.

— Что ты задумала, Эми?

— Мы, — сказала она с улыбкой, — пойдем прогуляемся.

— Прогуляемся?

— Ага.

— Куда? — он прошел за ней из кухни в коридор, а оттуда к выходу. — Каннуши Фуджимото сказал, что ты заперта в доме.

— Он и Нанако весь день будут в кабинете.

— Эми, — он остановился и скрестил руки, пока она обувалась. — Я не буду помогать тебе нарушать его правила. У нас будут проблемы.

Она выпрямилась и вскинула брови.

— Ты вроде говорил, что в следующий раз тебя нужно звать с собой.

Он скривился, пожалев, видимо, об обещании.

— Я так говорил, но моя работа — защищать тебя. Я не могу дать тебе уйти после случившегося утром.

— Вообще-то, — бодро сказала она, — ты не можешь меня остановить. Тебе нельзя

меня касаться.

Его рот раскрылся.

— И тебе стоит пойти со мной, если ты хочешь меня защитить. Каннуши Фуджимото поймет, не переживай.

Он лишился дара речи. Эми улыбнулась, спустилась по ступенькам на дорожку, оставив его обуваться. Он догнал ее, когда она миновала северный угол дома, и пошел позади.

— Снова конюшня? — с тревогой спросил он. — Зачем мы туда идем? Думаю, лошадей тебе на сегодня хватило.

— Мы пойдем немного дальше, чем в конюшню.

— Дальше? Ты хочешь покинуть земли храма? С ума сошла?

— Я не сумасшедшая! — заявила она, веселье пропало, потому что она тоже не знала, в порядке ли ее голова. С каждым шагом от дома к горе она ощущала все больше тревоги. Чем она думала? Кицунэ не будет ждать на том же месте, а она не могла обыскивать тысячи миль леса из-за маленькой лисы. И она хотела помочь ёкаю? Разве он хотел этого? Лиса убежала.

Катсуо шел за ней в напряженной тишине, она подошла к конюшне, двинулась вдоль ограды загона. Она не удержалась и виновато посмотрела на поле, где паслись только три лошади. Минору часами обыскивал тропы, но Торнадо не нашли. Ему повезет, если его не найдет *они*.

Через десяток ярдов красные тории обозначили конец земель храма. Эми замерла перед ними и нервно сглотнула. Она была так занята, стараясь не упасть с коня, что не заметила в первый раз тут тории. В этот раз она по своей воле покидала защиту земель храма. Врата тории были отдельным, сильным барьером, окружавшим земли и мешавшим ёкаям с плохими намерениями войти.

Она замешкалась перед тории. Поклон вратам был уважением перед ками, но ее чувства к Аматаэрасу были спутанными, причиняли боль. Часть ее ненавидела свою ками, которая скоро уничтожит ее. Часть ее знала, что Аматаэрасу — божественное существо, ее не может тревожить жизнь одной смертной девочки, когда ками отчаянно нуждалась в носителе. Аматаэрасу должна быть нежной и отзывчивой Аматасуками, но когда Эми чувствовала присутствие Аматаэрасу, ками никогда не предупреждала ее.

Эми попыталась сдвинуть ноги, но не могла выдержать такое неуважение. Она быстро скованно поклонилась, а потом пошла между красных столбов.

Она отошла от тории, Катсуо поравнялся с ней и прищурился.

— Так куда мы идем?

Она прикусила щеку изнутри.

— Увидишь. У меня... была встреча... пока я была снаружи утром.

— Что за «встреча»?

Она была готова к его реакции.

— На меня напал *они*.

— *Они*? — взорвался он, его вопль пронесся среди деревьев. — На тебя напал горный *они*? Что случилось?

— Я использовала офуда барьера. Они не смог пробиться и ушел.

— Просто ушел?

Она пожала плечами. Она не знала, как объяснить то, что ее барьер обжег *они*.

— И что в этой встрече заставило тебя вернуться?

— *Они* убил бы меня раньше, чем я создала барьер, но меня спасла кицунэ. Она

прыгнула передо мной и укусила они, дав мне время использовать офуда. Но она была ранена... была кровь, — она хмуро смотрела на землю, боясь взглянуть на него. — Кицунэ спасла мне жизнь, и я хочу вернуться и посмотреть, если она еще там, то оставить немного еды, чтобы... поблагодарить.

— Эми...

— Знаю, это глупо, — быстро сказала она. — Но ёкай тоже ками, это нормально — сделать подношение ками, защищающему нас.

— Ты надеешься, что кицунэ еще там, но если рядом и *они*?

— Потому я позвала тебя с собой.

— Повезло мне, — едва слышно пробормотал он. — Стоило позвать и Минору.

Она посмотрела на его мрачное лицо.

— *Они* — проблема для тебя?

Он издал сухой смешок.

— Я потрясен твоей верой в меня, но с горным *они* так просто не расправиться.

Она замерла. Он прошел еще пару шагов, остановился и обернулся.

— Нужно вернуться, — сказал он, впившись в сумку с едой, водой и аптечкой. Она не могла рисковать жизнью Катсуо. У него впереди была жизнь, а не пара недель. — Это не стоит твоей жизни.

Он нахмурился, глядя на нее. Они смотрели друг на друга, стоя на снежной тропе, деревья возвышались вокруг них.

— Не стоит моей жизни, — тихо и почти задумчиво сказал он, — но стоит твоей?

Она не знала, как ответить. Она не успела понять, он махнул ей двигаться дальше.

— Не будем тратить время. Нужно вернуться, пока Фуджимото и Нанако не вышли из кабинета.

— Но... — она поспешила за ним. — А как же *они*?

— Его ки легко заметить. Мы убежим, если что-то уловим.

Она вспомнила жуткий страх, что пробирался по ее телу под ее кожу. Сильная ки предупреждала остальных о приближении опасного существа. Потому она носила омамори Ишиды, чтобы подавить усиленную ки, чтобы ёкай не узнали о ее сущности.

Встревоженная и обрадовавшаяся, она снова пошла впереди. Через десять минут пути от тории они миновали место, где ее утром нашли Катсуо и Минору. Еще половина мили по тропе, и она нашла дыру в кустах, где она вырвалась на тропу. Было просто следовать по ее следам на снегу в лесу. В свете дня лес не казался таким зловещим. Птицы громко кричали на деревьях, рыжая белка с чистым белым животом побежала по тропе и забралась на дерево. Она села на ветки с орешком в лапках, с тревогой глядя на людей.

Теперь становилось ясно, как она неровно шла по снегу. Она не могла идти по прямой, хоть от этого зависела ее жизнь. И хотя птицы пели бодро, ее тревога росла, пока они заходили глубже в лес. Катсуо шел за ней по пятам, так близко, что она ощущала его тепло. Он держался за рукоять меча.

Они вдруг очутились на полянке. Она замерла, взгляд скользнул по снегу, крови, зеленым следам *они*. Катсуо прошел за ней и осмотрел сцену. Он тихо присвистнул, опустил рядом со следами *они*, припорошенными снегом, и положил поверх ладонь. Его растопыренные пальцы не достали до краев отпечатка.

— Большой, — пробормотал он. — Следы на западных тропах были куда меньше.

Она прошла его, сосредоточилась на следах кицунэ. Кровь делала след ярким, капли

остались на снегу.

— Сюда, — сказала она, прижимая сумку к себе. — Быстрее, Катсуо.

Быстрыми шагами она следовала в густые кусты. Прошли часы, кицунэ могла быть далеко. Но кровь... рана была плохой. Она не думала, что лиса смогла бы убежать.

Деревья становились ближе, кусты — гуще. Катсуо пошел первым, пригибаясь, след становилось плохо видно. Еще через несколько десятков ярдов леса Катсуо остановился и вздохнул.

— Я не вижу следы. Кицунэ знала, как спрятать след. Без гончей ее не найти.

Эми опустила плечи. Она так надеялась.

— Но мы можем оставить подношения, — тихо сказал он. — Если она рядом, то учует еду.

Она кивнула и прикусила губу. Если она могла только это, то стоит радоваться и этому.

— *Кар.*

Громкий крик пробился среди пения птиц. Она вскинула голову. Высоко на ветке сидела черная ворона и смотрела на нее.

— Опять ты, — пробормотала она.

Ворона склонила голову. Она расправила крылья и слетела с ветки. Беззвучно она миновала деревья и опустилась на ветку ели в тридцати ярдах от них.

— *Кар-кар,* — позвала ворона.

— Эми, что... — начал Катсуо.

Глядя на ворону вдаль, она вскинула руку, чтобы он помолчал.

— *Кар!*

Птица словно приказывала, требовала. Она почти слышала значение невысказанных слов. *Идите.*

Может, кицунэ была не единственным ёкаем в облике животного в лесу.

— Идем, — сказала она Катсуо. — Сюда.

— Что...

Она пошла вперед, не желая отвечать, и быстро пробилась сквозь ветки. Они били ее по лицу, задевали одежду, но она бежала за вороной. Она приблизилась, птица снова полетела, громко крича. Она миновала деревья и опустилась снова, ожидая ее.

Может, это просто ворона. Она преследовала птицу в лесу? Но она была уверена, ведь ворона была там. Она позвала кицунэ к ней. Она предупредила, что они близко. Она была уверена. Не все ёкаи — или ками — были сильными существами. Были маленькие слабые ёкаи, животные, в которых было немного ки. Ворона была ёкаем и звала ее, хоть она и не знала, почему.

Черная птица летела от дерева к дереву, пока она бежала. А потом опустилась ниже и опустила в десяти футах над землей на ветку клена без листьев. В этот раз она не улетела. Эми замедлилась и остановилась, боясь подходить ближе.

Ворона повернула голову и посмотрела на нее черным глазом-бусинкой. А потом посмотрела вниз, указав клювом на землю.

Внизу павшая ель лежала на камне. Высыхающие ветки создали занавес, что скрывал нору под ней. Эми осторожно приблизилась и потянулась к ветвям.

Катсуо шагнул вперед нее. Строго посмотрев на нее, он вытащил меч.

— *Кар-кар-кар!* — завопила яростно ворона из-за оружия.

Катсуо не слушал ее, мечом он раздвинул ветви. В маленькой норе белый пушистый

силуэт сжимался в комок.

— Кицунэ! — Эми оттолкнула Катсуо. Она упала на колени и склонилась. — Кицунэ?

Она не двигалась. Сердце Эми колотилось. Нет. Она опоздала. Лиса умерла от ран. Слезы выступили на глаза, она осторожно подняла маленькое существо. И когда Эми вытащила лису, она издала тихий стон боли.

Эми вскрикнула. Она опустила кицунэ на снег, зверь был без сознания. Кровь испачкала красивый белый мех.

— Она жива? — спрятав меч, опустившись рядом, Катсуо осторожно раздвинул окровавленный мех, чтобы увидеть раны. — Черт. Рана на передней лапе, а еще одна глубокая на плече и груди.

— Думаешь, она выживет? — спросила Эми, голос дрожал. От вида крови у нее кружилась голова. Как такое маленькое тело могло выжить, столько потеряв? Кицунэ, как ей казалось, была лисой среднего размера, была в два раза тяжелее обычного кота.

— У ёкаев нет смертных тел, как у нас, — растерянно сказал Катсуо, разглядывая раны. — Он не умрет, пока не потеряет всю ки, но с такими ранами шансов мало.

— Он? — пробормотала она.

— Да, самец. Думаю...

— *Кар!*

Эми подняла раздраженно голову.

— Что? — рывкнула она вороне.

Птица развернула крылья и ударила по воздуху.

— *Кар-кар-кар!*

Она узнала тревожный крик и замерла, слушая. Птицы затихли, лес погрузился в тишину. Страх пролетел над землей и коснулся ее ног.

— Катсуо, — выдохнула она. — *Они.* Идет.

— Что? Я не ощущаю...

— Я чувствую... он идет!

Она сбросила хаори и расстелила на земле. Катсуо поднял кицунэ и укутал. Он подхватил лису на руки и встал. Ворона издала тревожный клич и пролетела так близко над ее головой, что Эми ощутила ветер от крыльев. Ворона летела не в ту сторону, откуда они пришли.

— Иди за вороной, Катсуо.

— Эми, ты уверена...

— Да!

Понимая, что он пойдет за ней, она побежала первой изо всех сил. Ворона летела впереди, от ветки к ветке, отмечая самый простой путь, без препятствий для бескрылых людей. Топот Катсуо говорил ей, что он близко. Она сосредоточилась на беге, радуясь, что в требования камигакари входила физическая подготовка, хрупкая или толстая камигакари не подошла бы.

Но она не могла бежать вечно. Холодный воздух бил по легким. Она не замедлялась, даже не думала об этом. Страх проникал в нее и становился сильнее с каждым шагом.

Рев раздался за ними. Эми споткнулась и чуть не упала. Катсуо схватил ее за локоть, прижимая кицунэ к себе другой рукой. Его глаза были огромными, почти испуганными. Его страх раздул ее страх.

Ворона снова тревожно закричала. Скорее.

Она побежала быстрее, Катсуо не отставал. *Они* заревел снова, звук был громче и ближе. Намного ближе.

Они вырвались на тропу. Она проехала по снегу, размахивая руками, сумка свисала с плеча. Ворона кричала с конца тропы. Эми оглянулась и заметила красную вспышку. Вдалеке среди деревьев слабо виднелись тории.

Катсуо сунул кицунэ в ее руки и выхватил мгновенно меч. Она побежала к тории, Катсуо — рядом с ней. За ними громко трещали ветки. Она рискнула оглянуться, чудовищный *они* вырвался на тропу. Он бросился за ними, большие шаги быстро сокращали отрыв.

Ее мышцы пылали. Она прижала кицунэ к груди и бежала из последних сил. Тории были все ближе. Страх охватывал ее, вытягивая остатки сил.

Почти на месте.

Ворона тревожно крикнула. *Они* радостно заголосил. Она не оглядывалась. Слишком близко!

Катсуо остановился и развернулся, вскинув меч. Ей не хватало дыхания крикнуть ему не останавливаться. Она оглянулась, сердце сжалось в груди, а *они* мчался на Катсуо и не собирался тормозить.

Он опустил меч. Лезвие засияло голубым.

— *Сотей но шинкетсу!* — закричал он.

Он вспорол мечом воздух. Полоска голубого света слетела с лезвия и ударила *они* в грудь. Ёкай застыл, а Катсуо развернулся и побежал. Не оглядываясь больше, Эми чуть не упала, пересекая тории.

Они взревел. Она развернулась и увидела, что сияющий голубой свет вокруг его груди рассеялся искрами. Чудовище бросилось за ними, но Катсуо уже почти достиг тории. Он нырнул в них и развернулся с мечом наготове. Тории представляли границу земель храма, но для нее они казались широким проходом, и они не помешали бы монстру добраться до них.

Они замедлился у тории и замер. Он оскалился, обнажая бивни и острые зубы.

— Мико, — прорычал он. — Отдай мне отродье Инари, и я пощажу тебя, хоть ты дважды помешала мне забрать то, что принадлежит мне.

Катсуо поднял меч, широко расставил ноги.

— Ты ее не тронешь, *они*. Возвращайся на свою гору.

— Я позволил тебе ходить по моим горам до этого, человек, но теперь уже я принесу смерть всякому, кто выйдет за пределы вашего барьера трусов.

Ладони Эми сжались в кулаки поверх свертка.

— Ты угрожаешь нам? — громко сказала она, не зная точно, откуда берутся властные слова. — Здесь у тебя нет силы, ёкай. *Прочь из моих владений!*

Последние слова вырвались из нее, и пустое пространство в центре тории замерцало и засияло. Свет становился ярче и разливался в стороны, барьер вокруг земель храма вдруг стало видно, чего никогда еще не происходило.

Они вздрогнул. Он прорычал, походил перед сияющими тории, а потом заревел и отпрянул. Он убежал в лес, исчез в тени, и они проглотили его гулкие шаги.

Наступила тишина, синий свет угасал. Эми пошатнулась, вдруг ощутив усталость. Катсуо поймал ее за локоть, помог выпрямиться и отдернул руку, вспомнив, что не должен касаться ее.

— Что это было? — потрясенно спросил он. — Это была ты? Зажгла тории?

— Н-не думаю. Наверное... Амагэрасу помогла нам.

Его глаза расширились еще сильнее.

— *Кар.*

Эми обошла его и посмотрела на деревья. За невидимым барьером на ветке сидела ворона и смотрела на них.

— Спасибо, — сказала она и низко поклонилась, сжимая сверток с кицунэ. — Мы позаботимся о нем. Здесь он будет в безопасности.

Птица склонила голову, а потом нагнулась вперед, словно поклонилась. Расправив крылья, она улетела в лес.

— Ого, — прошептал Катсуо. — Это был ёкай. Признаюсь, на миг я подумал, что ты сошла с ума. Откуда ты знала?

— Наверное, повезло, — пробормотала она. Она посмотрела на сверток в руках. Она пообещала ёкаю-вороне, что убережет кицунэ. Было проще сказать, чем сделать, ведь она пронесла ёкая в храм Амагэрасу, где каннуши был охвачен паранойей насчет ёкаев из-за проживания здесь камигакари. — Что теперь?

Катсуо тоже смотрел на сверток.

— Нужно быстро что-то придумать. Не знаю, почему *они* так хотел убить этого кицунэ, но, думаю, чем меньше ёкай находится здесь, тем лучше.

Она кивнула, и вместе они пошли к конюшне. Катсуо предложил понести кицунэ, но она отказалась, прижимая сверток к себе. Она спасла его. Она спасла его от *они*, а теперь ей нужно было, чтобы он выжил.

ГЛАВА 9:

Эми расхаживала по комнате.

В храме Катсуо унес кицунэ в кладовую. Ёкай уже не истекал кровью, и Катсуо мог лишь вытереть кровь, укутать его в одеяла, оставить еду и воду, если он вдруг проснется ночью.

Эми не могла ничем помочь. Ей пришлось вернуться в комнату и беспомощно сидеть, чтобы выглядеть послушной, если Фуджимото и Нанако решат ее проверить, а они уже делали это много раз до и после ужина. Заметив, что Эми скучно, Нанако оставила учебник по этике — детскую книжку о манерах и правильном поведении. Она так и осталась лежать на ее кровати.

Она ходила по комнате. За окном выл ветер, осенняя буря больше напоминала зимнюю, хоть ее время года еще не настало, это началось с темнотой. Снег бил по окну из-за порывов ветра. Она уже вытащила электрический обогреватель из шкафа и включила его, и в комнате было жарко, но от окна ощущался неприятный холод.

Кладовая не обогревалась. Ей не стоило переживать. У кицунэ был мех, он жил в лесу зимой без проблем. Но он был ранен. А если холод навредит ему в его ослабленном состоянии? А если он умирает в темной холодной кладовой, пока она сидит в теплой спальне и думает, что он в порядке?

Она тихо зарычала. Она не сможет спать, пока не проверит кицунэ. Из шкафа она достала самую тяжелую хаори и надела поверх кимоно. Она замешкалась, подумывая завязать волосы, выбившиеся из ее недавно заплетенной косы. Решив, что это не стоит траты времени, она спрятала волосы под хаори и отодвинула дверь. Ветер стучал по стенам,

граничащим с садом. Она осторожно посмотрела на остальную часть дома. Было темно. Скользнув за угол, она тихо пошла к выходу.

Ледяной ветер ударил ее по лицу, когда она открыла входную дверь. Она вышла и задвинула дверь за собой, пока не влетел снег. Дрожа, она направилась к храму, рукой заслоняя лицо. Снег терзал ее, ветер выбивал волосы, путая их.

Мостик был покрыт льдом так, что его почти не было видно в темноте. Замешкавшись на миг, она крепко схватилась за поручень и осторожно пошла по нему. Огни храма, горевшие день и ночь, вели ее во двор. Плотнее кутаясь в хаори, она обошла кабинеты и попала в снег по лодыжку за зданием. Склад виднелся темным силуэтом среди белого ветра.

Она отодвинула дверь, поспешила внутрь и закрыла ее за собой. В окна высоко под крышей проникал свет из храма, позволяя ей увидеть путь. Сверток одеял лежал в дальнем углу, рядом с ним была миска с водой и остатки рыбы, что она носила в лес.

Белая мордочка с черным носом выглядывала из-под одеял. Катуо так спрятал кицунэ, или он сам укутался в одеяла?

Опустившись на колени, она прошептала:

— Кицунэ?

Лис не двигался. Она осторожно приподняла край одеяла, открывая голову кицунэ. Его глаза были закрыты, он не двигался. Она отодвинула одеяло. Катуо очистил «худшее» не так, как она ожидала. Половина лиса все еще была красной, мех сваялся и испачкался.

Она посмотрела на миску с водой, покрытую льдом. Ветер бил по стенам, она дрожала, дыхание вырывалось облачками. Покачав головой, она укутала кицунэ и подняла на руки. Тут было слишком холодно. Она вернет кицунэ в кладовую, когда буря утихнет.

Она вернулась в комнату по холоду как можно быстрее, уложила кицунэ на пол, а сама пошла в ванную. Взяв миску с горячей водой и полотенца, она вернулась в комнату и закрыла дверь. Положив пару полотенец на кровать, она устроила кицунэ на них на боку без ран. Он казался таким маленьким и хрупким. Она легонько погладила шелковистую шерстку у уха. Ёкай. Как странно. Она думала о них, как о чудовищах, а этот милый лис не подходил под ее ожидания.

Обмакнув ткань в воду, она принялась осторожно очищать его. Кровь оставила розовый след на белом мехе, не желая отмываться. Она осторожно промыла шерсть у раны на груди, на плече и добралась до ноги. Ее руки замерли, ткань была над ним.

Вокруг его лапы от локтевого сустава и ниже были намотаны в несколько слоев *оненджу*. Бусы для молитв, блестящие красные, маленькие, они хорошо сливались с окровавленной шерстью, и она до этого не замечала их. Она склонилась и нахмурилась. Зачем ёкаю бусы для молитв? Как они попали на его лапу? Кто-то их туда намотал.

Не зная, что с ними делать, она попыталась вытереть вокруг них, но бусы мешали. Пожав плечами, она подцепила двумя пальцами нижний виток и стянула с лапы кицунэ.

Она не сразу отреагировала на резкую вспышку жара, пронесшуюся по руке, как только она коснулась бусин.

Сила вырвалась из оненджу. Эми откатилась по полу. Стекло разбилось, вазочки с алтаря упали. Кожу покалывало от прикосновения сильной ки из бусин, странно знакомой ки. Вскрикнув, она приподнялась и обернулась, боясь, что сила разорвала кицунэ.

Но кицунэ пропал. Вместо него на ее кровати лежал кто-то совсем другой.

Ее потрясение было таким сильным, что даже ее сердце замерло. А потом ожило и забилося о ее ребра. Она оттолкнулась от пола и врезалась спиной в стену. Она моргала, но

зрелище не менялось.

Вместо кицунэ на ее кровати лежал человек. Белая косодэ закрывала его плечи и оставляла открытыми мускулистые руки. Черная ткань, перевязанная красными лентами, концы которых лежали на полу как кровь, покрывала его руки от запястий и на пару дюймов выше локтей. Узкий черно-красный оби был повязан на его поясе поверх черных хакама, ноги были в кожаной обуви. Оружия не было, красные бусы сияли на его правой руке.

Она пыталась нормально дышать, кицунэ-человек не двигался, только слабо поднималась и опадала его грудь. Он все еще был без сознания. Она сглотнула, начала размышлять. В сказках кицунэ ведь были оборотнями? Но этот не изменил облик сам, он был в таком же состоянии, как и лис. Ее прикосновение к оненджу могло запустить превращение.

Она несколько раз глубоко вдохнула. Ёкай был без сознания. Пока что он не мог ранить ее. Она не боялась кицунэ, но этот ёкай был другим делом. Он был без сознания. Это хорошо.

Дрожа, она встала на ноги, осторожно пошла вперед, глядя на него. Белоснежные волосы выглядели мягкими, как мех лиса, падали спутанными прядями на его лоб, а еще среди волос торчала пара белых лисьих ушей. Его тело было человеческим, кроме ушей. Его глаза были закрытыми. Его лицо, пока он был без сознания, не давало определить возраст. Он мог быть ее возраста, а мог быть на сто лет старше. Она не могла понять.

Она придвинулась ближе, глядя на него. Ёкай лежал на ее кровати. Теперь он казался большей проблемой, чем когда был лисом. Может, дело было в изменившемся теле, но его присутствие словно наполнило ее спальню. Она приблизилась, глядя на его лицо. Никаких перемен.

Она не успела совладать с собой и коснулась пальцами его правого уха, похожего на лисье, только чуть больше, мех был теплым и нежным. Забавно. Она провела пальцами по его волосам, пока не нашла край челюсти. Человеческих ушей не было. Но две пары ушей были бы еще страннее.

Это было очень странно. Ёкаи были чудовищами, как они, или животными, как ворона. Но существо на ее кровати могло быть человеком, если бы не белые волосы и лисьи уши.

Ее сердце замедлилось, она села на колени, не зная, что делать. Она не могла отнести его в кладовую, не могла оставить и здесь: мужчину спрятать было сложнее, чем лису.

Она снова скользнула по нему взглядом, задержалась на его правой руке. Рваная рана тянулась по руке, из нее текла слабо кровь. Он все еще был ранен. Стоило понять, что раны не исчезнут. Успокоив себя, она взяла тряпку и аптечку из завала, ее комната словно пострадала от урагана. Если бы не буря снаружи, Фуджимото и Нанако уже прибежали бы к ней. И было бы весело объяснить им, откуда в ее постели ёкай без сознания.

Она опустилась рядом с ним. Оглядев его лицо в поисках признаков пробуждения, она осторожно вытерла кровь, вытатила немного бинтов. Прижав ряд ваты к его ране, она закрепила все это бинтами. Тревожно взглянув на его лицо, она раскрыла его косодэ, чтобы увидеть вторую рану, идущую от плеча по рельефной груди.

Ее щеки запыхали, она прижала вату к ране, не обращая внимания на твердые мышцы под руками. Она еще никогда не касалась так мужчин. Она вообще редко касалась кого-то из мужчин. Катуо ловил ее за локоть, чтобы не дать упасть, и это было самым близким прикосновением с момента становления камигакари. А теперь ее ладони лежали на

обнаженной груди человека, точнее, ёкая.

Он был не только сильным на вид, но и очень красивым, с четкими чертами лица, но не острыми, смягченными его волосами — или шерстью? Он мог легко превзойти Катуо, а это о многом говорило.

Но ей было все равно, конечно. Он был ёкаем, духом, а не человеком, хоть и напоминал внешне человека. Она посмотрела на его лисьи уши, чтобы поддержать мысль. Не человек.

Она не могла обмотать бинтами его тело, потому закрепила бинты и вату с помощью пластырей. А потом она села и оценила свою работу. Неплохо. Так он не зальет кровью всю косодэ хотя бы. Она собрала аптечку и отодвинула. Что теперь?

Поджав губы, она потянулась к нему и поправила косодэ, укутав его. Так лучше. Меньше отвлекало. Неужели она любовалась ёкаем? Ей точно нужно взять себя в руки. Накрыв ладонью глаза, она глубоко вдохнула. Успокоившись, она опустила руку.

И обнаружила, что сияющие рубиновые глаза смотрят на нее.

На миг она не могла двигаться, пойманная сонным взглядом ёкая и его сдвинувшимися бровями врасплох.

А потом ее охватила паника, и она отскочила.

Она бросилась бежать, но он напал. Он резко потянул за длинный рукав ее кимоно. Она упала на него. Извиваясь, она откатилась, а он снова схватил ее и потянул назад. Одна сильная рука обхватила ее посередине, прижав руки к бокам, а ее — к его груди. Другая его рука обхватила ее горло и сжала, но так, чтобы она замерла на месте.

Она задыхалась, голова кружилась от ужаса. Ее руки были скованы. Она не могла дотянуться до офуда в кармашке рукава. Она была беспомощна. Еще никогда ее так не обездвигивали. Паника грозила рассеять мысли. Почему она не побежала за Катуо, когда кицунэ превратился? Зачем она вообще принесла его в свою комнату?

Ёкай не двигался, просто держал ее так, чтобы она не могла отбиваться. Она склонила голову, чтобы увидеть его лицо, понять намерения, но он не смотрел на нее. Его взгляд скользил по комнате, анализируя. В его рубиновых глазах пылал разум, как и когда он был лисом.

А потом эти глаза посмотрели вниз, и он был почти удивлен, поймав ее взгляд. Его губы изогнулись в ухмылке, блеснули острые клыки, что напоминали больше лисьи зубы, а не человеческие.

Он забавлялся из-за ее ужаса, и это ее обидело.

— Пусти меня!

— Ах, маленькая мико, разве тебе не говорили, что нельзя убегать от ёкаев? — его низкий урчащий голос послал дрожь по ее коже. Он склонился, рукой заставляя ее откинуть голову. Он провел носом вдоль ее челюсти, от подбородка до уха. — Так мы точно нападем, — его дыхание щекотало ее ухо.

Мурашки побежали по ее шее, она стиснула зубы.

— Убери руки.

Он фыркнул и прижался лицом к ее волосам, вдыхая носом.

— Разве не ты первая начала меня трогать?

— Я обрабатывала твои раны, — она использовала лучший властный тон, отчаянно надеясь, что ее голос не дрожит. — А ты доказываешь, что репутацию твой вид заслужил не зря, таким неуважением к человеку, спасшему твою жизнь.

Он вскинул голову, а ее пронзил страх, что она оскорбила его, и теперь он точно ее

убьет. Вместо этого он задумался, а руки опустил, отпуская ее.

Она чуть не отскочила от него, но вспомнила его замечание насчет побега от ёкаев. Управляя собой лучше, чем она рассчитывала, она осторожно выпрямилась, прошла четыре шага и повернулась к нему. Он оставался на месте, сидел на ее постели с ногами на полу, опираясь на одну руку. Его голова была склонена на бок, он следил за ней, и в этом было что-то лисье, подчеркнутое его ушами. Понимающая улыбка тенью отразилась на его губах.

Она опустила на колени, потому что ее ноги дрожали так сильно, что она боялась, что он это заметит. Она постаралась незаметно сунуть ладони в противоположные рукава кимоно, после чего зажала пальцами скрытые офуда, готовая вытащить их.

— Не стоит, маленькая мико, — сказал он, каждое слово почти ласкало ее. Как он мог быть неземным, но с человеческим голосом? — Я тебе не наврежу.

Она покраснела, смутившись, что ее намерения были очевидны, но не отпустила офуда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что тогда это было за нападение?

— Нападение? Ты про эти объятия?

— Ты... — она замолчала и тряхнула головой. Если он решил не думать о неуместности объятий против воли, когда он еще и терся об нее лицом, она никак не сможет его переубедить. — У тебя манеры собаки.

— Что ж... мы родня. Лисы, собаки, — он пожал плечами. — А ты чего ожидала? Ритуальное приветствие как при дворе императора?

— Немного уважения к человеку, спасшему твою жизнь, хватило бы.

— Ах, да, ты меня спасла, и я очень благодарен, — он поклонился там, где сидел, как-то умудряясь двигаться с грацией, хоть и в неудобной позе. К ее удивлению, он задержался в поклоне на пару долгих секунд, отмечая сильную благодарность.

Сев ровно, он лениво убрал прядь белых волос, окинул ее взглядом.

— Я у тебя в долгу. Назови свое желание, и я его исполню.

— Ж-желание? — выдавила она.

Он ухмыльнулся.

— Долг, маленькая мико. Я же сказал, что я у тебя в долгу.

— А... ох, да, — ее щеки горели от смущения. — Меня зовут не «маленькая мико».

— Госпожа мико из храма Аматэрасу?

— Меня зовут Эми, — сухо сказала она, не показывая эмоций.

Его ухмылка стала шире. Называть себя по имени было неприлично, но она не хотела, чтобы он знал ее фамилию, ведь даже ёкай гор мог слышать камигакари Кимуре.

— Эми, — промурлыкал он, и ее лицо снова запылало.

Она стиснула зубы.

— У тебя есть имя?

— У меня? — его лисьи уши дрогнули. — Можешь звать меня Широ.

— Широ, — недоверчиво повторила она. Имя не было плохим, просто одним из его значений как раз было «белый». Она сомневалась, что это его настоящее имя.

— А теперь, Эми из храма, назови свое желание. Я слушаю.

Без потрясения она узнала ритуал в его просьбе. Чтобы отплатить ей долг, он предлагал выполнить какое-то задание, похожее на службу и подношения, которые проводили и оставляли в храме в обмен на помощь и добрую волю ками. Кицунэ славились четким возвращением долга. От этого появилось много детских, часто смешных сказок о них, как их

усилия отплатить долг приводили нередко к проблемам у людей.

— Ты первым меня спас, — осторожно сказала она. — Долга нет.

Опасный блеск, что плясал в его рубиновых глазах после того, как он проснулся, угас, он вдруг посерьезнел, и это заставило ее замереть.

— Нет, — прошептал он, голос зазвучал ниже и даже старше. — Ты вернулась за мной. Я в долгу перед тобой, и я не приму отказа.

Она прикусила щеку изнутри, чтобы сохранить выражение лица нейтральным. Без ухмылки, из-за которой она хотела ударить его, его лицо было красивее, его взгляд пленил ее. Он не уйдет, пока не отплатит ей. Он будет годами преследовать ее, если придется, потому что неоплаченный долг был бы позором, а этого он не хотел. Но у нее столько времени не было.

Проще всего было придумать легкое задание, которое он бы выполнил для нее, но достаточно серьезное, чтобы он принял такую сделку. Но она не могла ничего придумать, что смогло бы погасить долг. Что ей требовалось от ёкай? Ее проблемы были связаны только с камигакари, с ее неминуемой гибелью, и с этим кицунэ вряд ли смог бы ей помочь. Аматасуками отметила ее тело и душу, и изменить это мог, возможно, только другой Аматасуками.

Ее дыхание застряло в груди. Мог ли другой Аматасуками изменить ее судьбу? С чего бы? Они хотели, чтобы Аматаэрасу присоединилась к ним. Но она могла хотя бы узнать правду, спросить, поглотит ли ее сила Аматаэрасу. Может, в руководстве каннуши закралась ошибка. Спросить-то можно.

Она не могла искать Аматасуками сама, но ёкай перед ней предлагал шанс. Просьба была смешной, но он согласится и сделает кое-что полезное для нее. И, что важнее, он уйдет из храма раньше, чем его обнаружат Фуджимото или Нанако.

Она окинула его оценивающим взглядом.

— У меня есть просьба.

Он склонил голову, уши снова дрогнули. За окнами бушевала буря.

— Я хочу, чтобы ты нашел Аматасуками и отвел меня к ним.

Его рот раскрылся, недоверие стерло все веселье с лица.

— *Что* ты от меня хочешь?

— Найди Аматасуками, — повторила он. — Я хочу поговорить с одним из них.

— Ты в храме Аматасуками. Если хочешь поговорить, помолись.

— Лично, я имела в виду.

Он уставился на нее, примерно такой реакции она ожидала. Если он откажется, то она его прогонит. И проблема решена.

Наконец, он сказал:

— Я думал, ты мико. Ты не знаешь, что люди не говорят с Аматасуками? Только человеческие служители высшего ранга могут увидеть их в мире смертных.

— Потому мне нужна твоя помощь.

— Моя? — он вздохнул с болью и закатил глаза. — Маленькая мико, я ёкай, а не ками. Мы все-таки отличаемся.

— Я прекрасно знаю это, — она пожала плечами. — Ты сказал, что в долгу передо мной, но мне нужна помощь только с этим.

Его уши прижались к голове, опасный огонь вспыхнул в его глазах. А потом он поднял голову, и на его губах появилась ухмылка.

— Ну-ну, маленькая мико, я в долгу, да. Но то, что ты просишь... — он цокнул языком. — Чтобы такой ёкай, как я, приблизился к Аматсуками, да еще и искал... Это будет риском для жизни, — он раскинул руки, красные бусины блестели на его запястье. — Я буду беззащитен. Думаешь, это честно?

Она так старалась спасти его не для того, чтобы его убили, пока он будет выполнять ее сложную и опасную — для ёкай — просьбу. И она была уверена, что даже если у него получится, у нее уже не будет времени ни на что.

— Думаю, нет, — сказала она. — Но это значит, что ты больше ничего не можешь для меня сделать, так что ты свободен.

Его губы скривились от удивления, как быстро она отказалась от своей просьбы.

— Хотя, может, я все-таки помогу тебе.

Она невольно ощутила любопытство.

— О?

Подняв руку, он посмотрел на оненджу, опутанные в три витка вокруг его запястья поверх черной ткани, закрывавшей его руку до локтя. Он протянул руку к ней, края красных лент свисали с локтя.

— Можешь снять эти бусы?

Она потянулась к бусинам, но остановила себя. Ей не хватило вспышки силы, которую испустили бусы, когда она их коснулась?

— Почему ты не можешь сделать сам? — спросила она с подозрением, рука замерла над его запястьем.

— Сделай ты.

— Нет, — сказала она, убирая руку. — Я так не думаю.

Мрачная эмоция мелькнула на его лице оскалом, который пропал так быстро, что она не была уверена, видела ли это. Он опустил руку и отклонился, сдул волосы со лба долгим выдохом. Белые пряди вернулись на его глаза, но растрепаннее прежнего.

— Боюсь, тогда я не могу тебе помочь, — пожал он плечами.

— Почему?

Он покрутил рукой с оненджу.

— Я не могу снять их сам.

— И?

— Они прокляты. Заклятие в них мешает моей ки. С оненджу я беззащитен, не могу даже одолеть они. Но если ты уберешь бусы, освободишь меня от проклятия, я смогу выполнить твою просьбу и найти Аматсуками.

Она сложила ладони на колени, задумавшись. Он задумал это сразу, как только заявил о долге? Он бы назвал любую ее просьбу сложной, требующей снять оненджу с его руки? Планировал он это или нет, но он хотел, чтобы она сняла бусы, а долгом только подталкивал ее к этому.

Кто-то проклял его. Только сильные существа были способны на такие чары, другой ёкай или ками, но она не могла понять причину. Он соврет, если она спросит, в этом она не сомневалась. Но он мог быть проклят, потому что он любит убивать. Посмеет ли она распечатать его силу? Он сможет тут же напасть на нее.

— Не думаю, что снимать эти бусы — хорошая идея, — сказала она ему.

— Ты не снимешь их даже ради встречи с Аматсуками, о которой просила?

Опасный блеск в его глазах заставил ее содрогнуться.

— Ты отказался от моей просьбы, посчитав ее опасной. Я освобождаю тебя от долга. Можешь уходить.

Он зарычал.

— Так это не делается.

Она скрестила руки, молясь, чтобы он не уловил быстрое биение ее сердца.

— Других просьб у меня нет. Прошу, уходи.

Он прищурил глаза до щелок. Он грациозно поднялся на ноги. Она не успела отреагировать, а он оказался перед ней, его рука скользнула в ее волосы, заставляя поднять голову. Он склонился, их носы почти соприкасались, его взгляд удерживал ее, как цепи.

— Я принимаю твою просьбу, маленькая мико, — в его голосе были огонь и лед, он терзал ее душу. — Молись, что не пожалеешь об этом.

Он отпустил ее так внезапно, что она рухнула, легкие все еще не слушались. Свет окружил его, мерцая, как красно-синие огни. Он вспыхнул, ослепив ее, а когда она смогла видеть, на его месте стоял маленький белый лис. Кицунэ пронзил ее еще раз рубиновым взглядом, а потом развернулся и пошел к стене, за которой была буря. Огонь загорелся вокруг него, он прыгнул к стене. Его тело прошло сквозь твердое дерево, словно оно был иллюзией, или он — призраком. А потом он пропал.

Вдохнув впервые после того, как он ее отпустил, она прижалась к стене, дрожа. Стена была твердой, а он точно был духом.

Дрожа, она утомленно прижималась к стене. Она случайно заключила сделку с ёкаем, который мог быть куда опаснее, чем она думала. И она не знала, из-за чего ее сердце бьется быстрее: из-за того, что он может не справиться и не вернуться, или из-за того, что он добьется успеха.

ГЛАВА 10:

Тихий стук в дверь прервал ее беспокойный сон. Ее глаза открылись. Стук повторился, разбудив ее. Вернулся Широ и стучал в дверь? Зачем ёкаю стучать, если он может пройти сквозь стену? За окном виднелся слабый свет среди облаков. Едва рассвело, она спала всего пару часов.

Придя в себя, она поднялась и поправила одеяние для сна. Подойдя к двери, она чуть отодвинула ее.

Катсуо стоял в коридоре, нервно переминаясь с ноги на ногу, хоть он был стражем, мужчина не мог ворваться в ее спальню. Она вспомнила, как Широ скользил носом по ее челюсти, его теплое дыхание у ее уха. Жар прилил к ее лицу, она прогнала воспоминание.

— Катсуо, — прошептала она.

— Эми, — он скользнул взглядом по спутанным распущенным волосам, белом одеянии для сна. Она невольно плотнее укутала одежду. На его щеках проступил румянец. — Кицунэ пропал, — выпалил он. — Я проверил кладовую, а его там не было. И следов на снегу. И одеяло тоже пропало... — он замолчал и посмотрел на нее. — Почему ты не удивлена?

Она моргнула.

— Ох...

Он привстал на носочки и заглянул поверх ее головы. Недоверие проступило на его лице, он схватил ее дверь и отодвинул сильнее.

— Это одеяло из кладовой? И... полотенца в крови? Что ты делала, Эми?

Вина пронзала ее, она оглянулась на комнату, на одеяло, полотенца и аптечку, которые оставила в углу перед тем, как провалиться в сон.

— Эм, — пробормотала она. — Буря была ужасной. Я боялась, что кицунэ замерзнет...

— Это лис-ёкай, Эми. У него есть мех. Он живет зимой там.

— Знаю, — сказала она возмущенно, пытаясь не теряться из-за его гнева. — Но он был сильно ранен. Я беспокоилась. Я принесла его сюда согреть. Он был без сознания, и...

— Где он теперь?

— Ну, всю ночь он без сознания не оставался...

Катсуо почти дрожал от гнева. Он потер одной рукой висок.

— Почему тебе так хочется рисковать собой?

— Все хорошо, — сказала она, кривясь. — Я в порядке. Ни царапины. Кицунэ ушел. Он убежал посреди ночи, наверное, в лес.

Он вздохнул, опустил ладонь на рукоять меча. Она надеялась, что это он невольно.

— Что ж, нам хоть не нужно о нем тревожиться. Ты свой долг отплатила.

Она кивнула. Ему не нужно знать, что кицунэ решил, что он в долгу перед ней. И она не хотела упоминать, что кицунэ смог превратиться почти в человека. И она не собиралась даже Катсуо рассказывать, что случайно заключила с ёкаем сделку.

— Я лучше уберу в кладовой, — сказал он. — Вряд ли каннуши Фуджимото туда зайдет, но все же...

Хмуρο поклонившись, он пошел прочь. Она закрыла дверь и прижалась к ней, окинула комнату взглядом. Окровавленные полотенца, миска с розовой водой, которая чудом не пролилась, разбитые вазы. Может, ей тоже стоит убраться. Собрав полотенца, она посмотрела на постель. Она почти могла видеть его сидящим там, его белые волосы сияли, рубиновые глаза блестели, когда он криво улыбался ей.

Качая головой, она продолжила уборку, пытаясь не думать о нем... и об опасной сделке, которую нечаянно заключила.

* * *

Эми старалась сосредоточиться, но это было сложно.

Она механически водила метлой по ступенькам, от движений отлетал снег. На несколько ступенек ниже Юи и Рина уже смели основную часть снега, оставив Эми немного на каждой ступеньке. Внизу красные тории отмечали границу земель храма и резко контрастировали с белым снегом вокруг.

Минору прислонился к тории и постоянно смотрел на лес. Солнце садилось за западную гору, и он лениво крутил свой посох с лезвием, чтобы золотой свет вспыхивал на изогнутой стали. Рядом с краем земель они с Катсуо сильнее тревожились за ее безопасность.

Она едва обращала внимание на него или девочек. Ее внутренний монолог — непрекращающийся анализ ее встречи с кицунэ — слишком отвлекал. Она прокручивала их разговор, сделку, его угрозу. Она не думала, что он согласится, она ожидала, что он отвергнет ее просьбу, ведь она была опасной и нечестной. Почему он согласился? Честь была для него так важна?

Может, он согласился для вида, а сам лишь попытается исполнить просьбу, чтобы успокоить гордость. Но если он все-таки найдет ей Аматасуками? Если она все же узнает правду о том, что ждет ее в день солнцестояния?

И если у нее будет шанс, попросит ли она Аматасуками об изменении судьбы?

Мысли кружились, каждый раз она убеждала себя, что ее судьба была предрешена десять лет назад, но слабая надежда мешала ее хрупкому смирению. И по какой-то странной причине лицо Широ перебивало ее мысли, путало эмоции. Нечитаемые мысли мелькали в рубиновых глазах, подрагивали его лисьи уши, губы хитро изгибались, и эти маленькие движения точно что-то значили. Ёкаи были опасными неизвестными так долго, что было странно видеть, какой настоящий Широ, говорить с ним, словно он человек, как она.

— Ита-а-а-ак, — протянула Рина, прервав мысли Эми. — Мы слышали о твоём ночном приключении.

Эми нахмурилась и смахнула снег сильнее, чем нужно.

— Ты правда ездила на Торнадо в горы посреди ночи?

Она уткнулась метлой в угол ступеньки и пробормотала:

— Не совсем так.

Рина поднялась к Эми.

— Поверить не могу! Каннуши Фуджимото та-а-ак злился. Нанако тоже возмущалась? Я бы хотела увидеть это.

Эми впервые посмотрела на Рину. Девушка улыбалась ей, но не с насмешкой, а с восторгом и весельем.

— Я... да, они расстроены. Я не хотела тревожить кого-то. Просто...

— Не могла больше сидеть взаперти? — сказала Рина с понимающим кивком. — Понимаю. Я убежала четыре раза в прошлом году, чтобы хоть немного побыть без присмотра родителей. И после солнцестояния веселья у тебя уже не будет, знаешь?

Эми пробормотала согласие. Юи прошла мимо, послушно подметая, пока слушала.

— Честно говоря, — сказала Рина, понизив голос, — я не представляю, как ты могла так идеально выполнять все эти смешные правила, — она произнесла «идеально» не как похвалу. — Медитации, молитвы, особые диеты и прочее? Когда ты в последний раз ела сочный бургер?

— Кхм... я никогда такое не ела.

— Никогда? Боже мой, — Рина похлопала ее по руке. — Это ужасно.

Юи тихо кашлянула.

— Нарушение правил подвергает жизнь камигакари риску. Если она не будет чиста во время церемонии...

— Думаешь, парочка бургеров что-то изменит? — перебила ее Рина и посмотрела на Эми. — Что думаешь?

Эми крепче сжала ручку метлы, костяшки побелели. Она подозревала, что многие из строгих правил были связаны не с защитой ее чистоты, а с уменьшением отвлечений, ведь камигакари нужно было держать в уединении. Чистота больше соотносилась с состоянием ее разума, а не с тем, чем она позавтракала.

Рина ждала ответ Эми, а потом пожала плечами.

— Я не виню тебя в том, что тебе это надоело. Жаль, что Торнадо убежал, и ты не успела вернуться вовремя.

— Ага, — буркнула Эми, не пытаясь исправить видение событий Рины.

— Я слышала разговор Минору и каннуши Фуджимото вчера, — Рина заговорила еще тише, и Эми пришлось подойти ближе. — Каннуши Фуджимото спрашивал у Минору, хватает ли у Катуо опыта, чтобы быть твоим сохэем. Его беспокоило поведение Катуо, когда оказалось, что ты пропала.

— Поведение? — пролепетала Эми.

— Он чуть с ума не сошел, — прошептала Рина. — Так считает каннуши Фуджимото. Но Минору сказал, что Катсуо не хватает опыта, но он закрывает это талантом и решимостью.

Эми продолжила мести, но не усердно. Она напугала Катсуо, и теперь его карьера была в опасности. Она не могла позволить, чтобы Фуджимото узнал, что она водила Катсуо в горы и заставила его спрятать ёкая на территории храма.

Рина схватилась за метлу Эми, чтобы остановить, склонилась так, что их лица почти соприкасались.

— Ты еще в Шионе знала Катсуо, да? — выдохнула она. — У вас что-то было? И что-то продолжается?

Эми отпрянула, ее щеки покраснели.

— Эй, Эми!

Она повернулась к вершине ступеней, Катсуо стоял там. Ее щеки разгорелись сильнее. Он пошел вниз.

— Привет, Рина, Юи, — быстро сказал он девушкам. — Эми, каннуши Фуджимото хочет тебя видеть.

— О? — ее сердце сжалось. Она снова в беде? Или проблемы у Катсуо из-за нее? Она безмолвно отдала метлу Рине, не глядя в глаза девушкам, покраснела и поспешила за Катсуо по ступеням. Она последовала за ним во двор храма.

— Есть минута? — спросил он. — Хочу кое-что показать.

— Еще одну кладовую? — насторожилась она. Ей хватило первого раза.

Он рассмеялся.

— Нет, просто... кое-что новое.

Она моргнула, невольно ощутив любопытство.

— Что именно?

Он улыбнулся.

— Сюда.

Он повел ее по мосту к дому. Они миновали вход, их ноги захрустели по гравию, они направлялись к деревьям. Тропа разделялась, и, когда она посмотрела за деревья, то увидела домик в снегу и листьях, по стилю похожий на главный дом.

— Это гостевой домик, — сказал ей Катсуо. — Тут живем мы с Минору. Тут мило.

Вот, где они остановились. Но он не повел ее к домику, они пошли дальше по тропе. Они двигались параллельно ступеням, которые они с Риной и Юи подметали, в сторону дороги в Кироибара. Все громче слышалось журчание ручья.

Катсуо прижал палец к губам и осторожно вышел на тропу среди деревьев. Не обращая внимания на трепет, она пошла за ним, ощущая любопытство. Он шагал в чащу, в тихом лесу раздавалось только журчание. Солнце уже не доставало сюда, тени грозили перейти в темноту. Наконец, он остановился, пригнулся и поманил ее к себе.

Они пригнулась и подобралась к нему. Вокруг них были кусты в снегу. За ними по камням бежал ручей, петляя по склону к невидимой дороге. Она с вопросом посмотрела на него, а он указал ниже ручья. Склонившись, она прищурилась, глядя в тени.

В десяти футах над ручьем парили сияющие огни. Бело-голубые сферы были больше ее кулака, они не были твердыми, но и не напоминали трепещущие огоньки. Они парили в метре над водой, покачиваясь в нескладном, но грациозном танце.

— Что это? — выдохнула она.

— *Аякаши*, — прошептал он. — Вид ёкаев. Их видно только на закате и всегда вокруг воды.

— Это ёкаи? — она задержала дыхание, глядя на медленно танцующие огни. Они были красивыми. — Почему они здесь?

— Здесь безопасно, — прошептал он. — Внутри барьера тории они в безопасности от других ёкаев. Я хотел прогнать их, ведь должен охранять тебя от ёкаев, но пока мы их не трогаем, они безобидны.

Барьер тории мешал войти ёкаям, только если они хотели навредить на землях храма. Он не мешал тем, чей разум был мирным. Катсуо мог прогнать аякаши, потому что ёкаи могли стать опасными в пределах барьера. Священная земля будет тогда прогонять их, но не помешает им так, как барьер.

Отчасти поэтому кицунэ на землях храма был опасен. Она пронесла его, он сам мог и не попасть на земли снова.

Маленькие сияющие ёкаи, чей облик в свете был неразличим, сформировали идеальный круг. Они начали кружиться по часовой стрелке, пошли волнами. А потом собрались в кучу, вспыхнули и пропали.

— О! — выдохнула она. — Они ушли.

— Может, заметили нас, — сказал Катсуо. — Нам стоит идти. Каннуши Фуджимото ждет тебя.

— Точно, — сказала она, мысль почти затмила ее хорошее настроение. Сидя в кустах, она повернулась к Катсуо. — Спасибо. Это было красиво.

Он улыбнулся, в темноте она не знала, покраснел он, или это игра света.

— После атаки *они* и этого кицунэ я подумал, что ты хотела бы увидеть других ёкаев. Редкие люди видели аякаши. Они боятся людей.

Она замерла. Сдерживая эмоции, она взяла его за руку. Его глаза расширились из-за того, как она нарушила правила камигакари. Его пальцы были теплыми, а ее ладонь маленькой.

— Спасибо, Катсуо, — прошептала она. — Ты лучше, чем я заслужила, особенно, после тревог и проблем, что я тебе причинила.

Он повернул ладонь и сомкнул пальцы на ее руке.

— Ты — не проблема, Эми. А с *они* сражаться было весело.

Она рассмеялась и убрала руку. Она еще чувствовала тепло его кожи, подавила вспышку горькой печали, что она и от этого неосознанно отказалась за эти годы: прикосновение другого человека. Хотя запретом были прикосновения мужчин, почти никто не касался ее с заботой после смерти Ханы. Она не помнила, когда последний раз ее кто-то обнимал.

«Объятия» Широ точно не считались, как бы он их ни называл.

Катсуо отвел ее к дому, она вошла одна. Фуджимото ждал ее в главной комнате за столом с чашкой чая перед ним. Она поклонилась на пороге.

— Ах, госпожа, заходите! — он поправил шапку каннуши, она опустилась на колени напротив него. — Понравился снег? Он рано в этом году, но мы надеемся, что весна тогда наступит раньше.

— Погода хорошая, — вежливо ответила она.

Она смотрела, как он дует на горячий чай, а потом делает глоток. Он вернулся к своему поведению, словно не было той лекции, но она подозревала, что ей простили не все. Поднос

с чайником и второй чашкой стоял у его локтя, и он предложил ей чай, только когда она посмотрела туда.

Поставив чашку перед ней, он улыбнулся, морщины стали глубже. Но глаз это не коснулось.

— Я говорил с гуджи Ишидой утром. Он и несколько проверенных каннуши прибудут в воскресенье, чтобы проверить, как вы устроились в храме Шираюри, а еще чтобы помочь с церемонией.

Он сделал еще глоток чая.

— Может, что-то не отвечает вашему взгляду на удобства, госпожа, чтобы мы исправили это до воскресенья?

Она коснулась чашки, но чай был слишком горячим, чтобы пить.

— Мне удобно здесь, каннуши Фуджимото.

— Уверены, госпожа? Ничто или никто не пытается увести вас с земель или еще как-то отвлечь от обязанностей?

Он говорил о Катсуо? Или как-то узнал о кицунэ? Никто не знал о превращении Широ, о ее просьбе, в этом она была уверена. Но если бы Фуджимото подозревал, что ёкай был в ее спальне, он был бы сильно встревожен.

— Уверена, — ответила она, сохраняя спокойный вид, но внутри все кипело. — Я останусь сосредоточена на своих обязанностях.

— Отлично! — воскликнул он, чуть не разлив чай. — Уверен, вы будете рады визиту своего наставника в воскресенье. Гуджи Ишида ведь практически вырастил вас? Да, очень хорошо. Но уже поздно, госпожа. Вам почти пора принимать ванну и медитировать.

Она взглянула на нетронутый чай, но он ее отпускал. Поклонившись, она покинула комнату, ей было не по себе. Ишида играл важную роль с ее детства, но он не растил ее так, как отец растил бы дочь. Он растил ее как фермер, готовящий идеальную корову на убой. Он следил за каждым ее шагом, зная, что ведет ее к гибели. И то, что ее тело выживет, не означало, что он не убьет ее.

Вернувшись в спальню, Эми открыла дверь и вошла, думая о грядущем купании, для чего ей нужно было собрать необходимые вещи. Она задвинула дверь.

— Вовремя, маленькая мико.

Эми подавила крик и прижалась к двери, чуть не пробив ее локтем.

У окна устроился, вытянув одну ногу, Широ и лениво улыбался. Красные бусы оненджу блестели на его руке, но они казались тусклыми, по сравнению с опасным блеском в его рубиновых глазах.

— Ты... — выдохнула она. — Что ты здесь делаешь?

Он не мог войти на священные земли сам. Может, он и не уходил. Она прижалась спиной к двери. Фуджимото был дальше по коридору, Нанако — неподалеку, и Рина с Юи скоро вернуться. Любые могут пройти мимо и услышать незнакомый мужской голос из ее комнаты.

— Ты передумала? — он склонил голову. — Уже не хочешь, чтобы я исполнял твою просьбу?

— Или ты отыскал Аматсуками, или отказался, и тогда уходи.

— Как мало веры. Мы сильнее, когда в нас веришь.

Она нахмурилась и осторожно отошла от двери.

— Ты... что?

Он отмахнулся.

— Готова идти? Темнеет, маленькая мико.

— Меня зовут Эми, — сухо сказала она. — Куда идти? Ты не мог найти...

— Я с радостью на все отвечу по пути, — он придвинул вытянутую ногу и оказался на корточках, готовый встать. — Оденься теплее. Придется пройтись.

— Погоди. Ты уже нашел Аматасуками?

— Ты жалуешься? — он закатил глаза к потолку. — Мы идем, или ты хочешь встретиться весной, чтобы мы прошлись в хорошую погоду?

Она не могла ждать до весны. Бабочки танцевали внутри нее, она не ожидала, что он выполнит задание, да еще и так быстро. А ведь задание было опасным и сложным. Она даже не решила, что будет делать, если у нее будет шанс поговорить с Аматасуками. Должна ли она пойти или сдаться судьбе? Если она пойдет, о чем ей говорить?

У нее не было времени размышлять. Остаться или идти?

«Печаль не для камигакари, чьи разум и душу затмит сила Ее светлости».

Слова из руководства каннуши вспыхнули перед глазами, она не видела комнату. Ей нужно было знать правду. И только Аматасуками мог рассеять ее сомнения.

Без лишних слов она поспешила к шкафу, достала самую теплую хаори. Снизу она вытащила сапоги высотой до лодыжек. Обувь была зимней, ей не нравилась их неудобная форма и вес, она привыкла к легким сандалиям. Она сунула в них ноги, завязала, хотя было грубо ходить обутой в доме.

Широ встал.

— Готова?

— Еще кое-что.

Она вытащила футон из шкафа. Разложив его, она устроила подушки и одеяла так, чтобы выглядело как спящая фигура, накрыла все это еще одним одеялом, стараясь, чтобы выглядело реалистично. Вблизи обман было видно, но если кто-то заглянет в комнату, то, если повезет, подумает, что она спит. Она минуты назад говорила с Фуджимото, но снова собралась покинуть земли.

Она выпрямилась и развернулась. И чуть не врезалась в Широ, который стоял сразу за ней. Она отклонила голову, чтобы увидеть его лицо, сердце билось в горле. Он был выше, чем она думала, на целую голову выше нее, а еще возвышались лисьи уши.

— Буду ждать у тории за конюшней, — сказал он. — Не мешкай.

— Я... да, я знаю место.

Свет замерцал над ним. Он превратился в лиса. С взмахом хвоста и вспышкой огоньков он прошел сквозь стену. Она поежилась от вида его, проходящего сквозь твердое дерево, ей было не по себе.

Она не успела подумать, выскользнула из комнаты и пошла по коридору. Снаружи горы укутала ночь, холодный воздух покалывал. Звезды мерцали наверху, почти полная луна сияла в небе, отбрасывая серебряный свет на покрытый снегом сад.

Она поспешила по ступенькам, со стороны гостевого дома доносился гул разговора. Голос Катуо смешивался с низким тоном Минору, они становились громче, сохэи приближались к дому. Она вдохнула и поспешила за угол, а потом по саду. Она оглянулась, пока шла к конюшне, но сохэи не преследовали ее. Если повезет, они не заглянут в ее спальню.

Широ не было видно, не было следов на снегу. Тропа к конюшне была расчищена, на

дальше высокий снег накрывал землю. Он ступила на снег, хруст ее шагов был единственным звуком в тишине. Три лошади жалась к конюшне, они подняли уши, увидев ее. Снег доставал почти до вершины ее сапог, холодя ноги. Она стиснула зубы и терпела. Воздух был спокойным, небо ясным, и это резко отличалось от бури прошлой ночью. Яркий лунный свет отражался от белых полей, озаряя пастбище.

Она приблизилась к тории в конце пастбища и нахмурилась, взгляд скользил по тропе в поисках Широ. Если он не ждет ее здесь, она возмутится, когда увидит его в следующий раз. Она уже начала злиться, когда заметила красный блеск — рубиновые глаза следили за ней. Он сидел на снегу перед тории, белый мех идеально скрывал его. Она не знала, как ему удалось вывести пятна от крови.

Она остановилась перед ним. Он склонил голову, дернул ушами.

— Я здесь, — зачем-то сказала она. — Что теперь?

Он встал и пошел сквозь тории. Она сглотнула, поклонилась с колотящимся сердцем и пошла за ним. Рукава ее были набиты офуда, но это ее не успокаивало. Она шла в лес с опасным непредсказуемым ёкаем, и это было не лучшей идеей. Но она не хотела вернуться. Это ее единственный шанс.

Она шла за лисом, а он то бежал, то прыгал по снегу. Глядя на него, она задумалась, куда девались бинты и его одежда, когда он менял облик. Ёкаи, как и ками, были волшебными, существами не из мира смертных. На миг она ощутила восторг из-за того, что идет вместе с кицунэ-оборотнем, существом из легенд.

А потом он прыгнул на гладкую поверхность снега и провалился с белым взрывом. Его голова вынырнула, покрытая снегом. Он моргнул и с силой потряс головой.

Прикрыв рот рукой, она подавила смех и осторожно обошла опасное место. Он фыркнул и выпрыгнул оттуда. Встряхнувшись, он пошел вперед, ведя ее по тропе. Она тяжело дышала, путь становился сложнее. Они поднимались по горе, с каждым шагом удаляясь от безопасного храма все дальше.

Через полчаса они обогнули утес, дерево преградило дорогу. Она нахмурилась, узнав место, где упала с Торнадо после езды по горе. Широ подошел к ели и нырнул в брешь между ветвей, исчезнув под стволом. Эми замерла перед деревом, глядя на препятствие в отчаянии. Огромное дерево лежало на соседних, ствол преграждал путь на высоте пояса. Ниже переплелись ветви, хвоя была густой, и никто больше лиса не пролез бы. А еще торчали обломанные ветки.

Быстро осмотрев, она приблизилась к небольшому проему, где можно было пройти. Схватившись за ветку, она попыталась поднять себя, забраться на ствол, но одежда цеплялась за прутья, грубая кора царапала ладони. Ее хаори запуталась в обломках веток. Она повисла и пыталась подтянуться.

Руки обхватили ее талию, и она вскрикнула, ее сняли со ствола дерева. Ее хаори порвалась с громким треском. Она упала, размахивая руками. Ее ноги опустились на снег по другую сторону павшего дерева.

Широ стоял за ней в своем почти человеческом облике, он держал ее за талию. Она застыла, пытаясь все понять. Отпрянув, она развернулась. Он вскинул брови.

— Мне не нужна помощь, — возмутилась она. Она бы справилась сама, не порвав при этом хаори.

— Это займет больше времени, чем я думал, — вздохнул он. — Я не думал, что придется переносить тебя через каждое препятствие.

— И не нужно. И это не я нырнула в снег, так ведь?

Он фыркнул и пошел дальше. Она тут же пожалела, что он изменил облик. Так он шел быстрее, она едва успевала, но все же смогла поравняться с ним.

— Далеко до Аматсуками? — спросила она, уже задыхаясь. Она пробежала пару шагов, чтобы не отставать.

— Понятия не имею.

— Что? Тогда куда мы идем? Как ты отведишь меня к Аматсуками, если ты не... — она замолчала. Воздух вдруг показался холоднее, а ночь темнее. Страх пронзил ее, она застыла. — Мы не идем к Аматсуками, да?

Что бы Аматсуками делал посреди этих гор? Конечно, тут не было ками, это была территория ёкаев. Почему она не поняла этого раньше?

Он прошел еще несколько шагов и повернулся к ней. Луна придала его волосам серебряные оттенки, подчеркнула белизну, но отбросила тени на его лицо. Он ухмыльнулся, и стало видно острый клык.

— Я и не говорил, что мы идем к Аматсуками, — его низкий голос подходил лесу, она задрожала, по коже побежали мурашки.

— Ты меня обманул, — прошептала она. Она скользнула в рукава ладонями, схватила офуда. Тонкая бумага казалась бесполезной. — Зачем тогда ты меня привел сюда?

Он вскинул руки, пожав плечами.

— Ты просила невозможного, маленькая мико. Я лишь один ёкай, а искать нужно в целом мире. Я не могу выполнить твою просьбу, но могу отвести к тому, кто может.

— О ком мы говорим?

— Скажем так, это союзник, у которого ресурсов больше, чем у меня или тебя.

Она крепче сжала офуда.

— Зачем тебе я? Ты мог попросить у него помощи сам.

— Если хочешь результат, ты должна присутствовать. Так ты идешь? — его улыбка стала шире, дразня ее. — Или уже сдаешься?

Не дожидаясь ее ответа, он отвернулся и пошел дальше. Дрожа от холода, желая оказаться в своей комнате, она смотрела ему вслед. Она жалела, что встретила кицунэ, заговорила с ним. Она жалела, что открыла руководство каннуши. Если бы не эта книга, она бы не знала о своей судьбе, наслаждаясь каждым моментом до солнцестояния, а потом все закончилось бы раньше, чем она поняла бы, что случилось. Разве так не лучше?

Оглянувшись на дерево, преграждающее дорогу, она побежала за ним, пока снова не оказалась рядом с ним.

— Далеко этот союзник?

— Не знаю. Наверное, глубже в горах.

— Ты не знаешь, куда мы идем?

— Нам нужно оказаться недалеко от него. Этот ёкай сам придет к нам, — он взглянул на нее краем глаза. — Не весь мир следует строгим правилам, маленькая мико. Ёкайи не такие. Мы редко придерживаемся церемоний.

Она стиснула зубы. Союзник тоже был ёкаем. Конечно. Кто еще был бы в этих горах? Она надеялась, что Широ не ведет ее в ловушку, потому что для него это было бы тратой сил. Она уже была беззащитной перед ним. Но она не спешила ему доверять.

— Мы же не собираемся встретиться с *они*? Потому что я не думаю, что он захочет нам помочь.

— *Они*? Нет, точно не с ним.

— Почему он так хотел тебя убить?

Он взглянул на нее.

— Беспокоишься обо мне, маленькая мико?

— Беспокоюсь за себя. Не хочу оказаться втянутой в ваши с *они* проблемы.

— Я бы это так не назвал, — он обвел рукой лес, концы красных лент на руках свисали с локтей. — *Они* решили, что эти горы принадлежат им, и что они убьют всех, кто будет не согласен с этим.

— И они убивают всех остальных ёкаев здесь? — удивилась она.

— Не всех.

— Почему тебя? Потому что ты посланник Инари, а они не хотели, чтобы ты рассказал Инари про их поведение?

— Посланник, — повторил он. — И что? Какие послания может передать Инари? Не знаю.

Она нахмурилась, ей не нравилось, что он не отвечал ей прямо.

— Так ты не один из кицунэ Инари?

— Какая любопытная мико. Почему мико так интересуют дела ёкаев?

— Просто спрашиваю. Если это секрет, не отвечай. Мне все равно.

— А стоит опасаться, — он посмотрел на горы и ухмыльнулся, посмотрев на нее. — Если только тебе не понравилась встреча с *они*. Будет больше, если продолжишь гулять вне храма.

— Почему?

— Горные *они* хотят править этой землей. Лишь вопрос времени — когда они нападут на храм.

— Нападут на храм?

— Конечно. Вражеский храм на их территории? Как же не разрушить его?

— Разве ёкаи нападают на храмы ками? — осведомилась она.

— Обычно — нет.

— Почему Кунитсуками ничего с этим не делают? Они разве не правят всеми ёкаями?

— Кунитсуками не правят, маленькая мико. Это придумали ками. Кунитсуками пытаются делать так, чтобы ёкаи вели себя цивилизованно, только и всего, — он замолчал. — Так было.

— Было?

— Лично я предпочитаю менее цивилизованное поведение в этих диких местах. Проще убить врага, чем уговаривать, понимаешь?

Она надеялась, что он не заметил ее дрожь, но его ухмылка говорила об обратном.

— Ты звучишь не лучше *они*.

— Я говорил о врагах, а не мелких стычках.

— Если тебе не нравится, что делают *они*, почему не рассказать Инари? Она точно послушает кицунэ, даже если ты не из ее слуг.

— Это даже противнее, чем то задание, что дала мне ты. Аматасуками хоть можно найти.

Она ждала объяснений, но он молчал.

— Как это понимать? — спросила она.

Он прошел пару шагов, помрачнев.

— Инари отсутствует, — слова были сухими, словно вызывали столько эмоций, что он не мог выразить все сразу.

— Отсутствует? Давно?

— Довольно давно, — его ухмылка вернулась, но была вымученной. — Если бы это была только Инари, то ладно. У нее нет особо полезной репутации. Проблема в других Камитсуками. Сарутахико хоть знал, как все делать.

— А другие? — спросила она, по спине пробежал холодок.

— Тоже пропали. Инари нет уже десятки лет, за последние несколько лет один за другим пропали и остальные.

Эми не знала, что сказать. Катсуо ведь говорил, что ёкаи стали смелее и опаснее? Может, это из-за того, что ими никто не управлял?

Ей не нравились ёкаи, а для камигакари Кунитсуками были врагами, но ей все же было не по себе от мысли, что они пропали: они управляли ёкаями и уравнивали силы Аматсуками. Все было в равновесии, как свет и тьма. Кунитсуками были важны для этого баланса.

Широ замер на тропе, вскинул руку, остановив ее. Его напряжение заставило ее замолчать. Его уши прижались, он повернул голову и оглянулся.

— Мы не одни, — прошептал он.

— Союзник? — прошептала она.

Он не успел ответить, а она ощутила движущийся по земле страх, он нахлынул на нее, и она задрожала. Горный *они*. Только не снова.

— Думаю, нам стоит бежать, — отметил он.

— Бежать?

— Да. Против?

Он взял ее за руку, удивив ее. Он потащил ее вперед, по тропе, в лес. Она бежала за ним беспомощно, едва поспевая. Снег под деревьями был неглубоким, но камни и ветки мешали бежать. Она спотыкалась через каждые пару шагов, но крепкая хватка Широ не давала ей упасть. Он бежал с легкостью лиса, не обращая внимания на помехи.

Ее легкие пылали, она хотела, чтобы они остановились, и в лесу раздался рев позади них.

Между шагами Широ отпустил ее руку, подхватил под свою руку, и ее ноги оторвались от земли. Он не замедлился ни на миг. Она успела лишь вскрикнуть, а он бросился вперед, ускорившись, и так человек бежать уже не смог бы. Она висела, прижатая к его боку, он обхватывал ее пояс. Деревья проносились мимо, ветки били их, но он не замедлялся.

Они заревел уже ближе.

Широ оглянулся между прыжками, а потом повернулся вправо. В десяти ярдах впереди земля обрывалась на краю горы. Эми не смогла даже закричать, когда он прыгнул с края утеса.

Его ноги ударились о покрытый снегом склон и поехали. Он проскользил пару ярдов, разбрасывая снег, и снова прыгнул. Еще одно тяжелое приземление, еще одно скольжение. Он прыгал, не теряя контроля. Он спускался так по склону, как-то уклоняясь от деревьев и камней, а Эми впилась в его руку, сжимающую ее пояс, боясь кричать.

Он опустился на ровную землю внизу и бросился вперед. Его быстрый бег уносил их в лес, а потом он замедлился и остановился, его грудь вздымалась. Все еще держа ее под рукой, он вдохнул и задержал дыхание, склонил голову, слушая.

— Проклятье, — выдохнул он с шумом, повернулся влево и бросился бежать.

Громкий треск за ними заставил ее обернуться. Двое огромных *они* вырвались из деревьев и побежали за ними.

Широ мчался, каждый прыжок уносил их дальше от врагов. Эми цеплялась за него, онемев, но капля облегчения все же проникла в нее. Человек не мог бежать быстрее *они*, но Широ был быстрым. *Они* отставали. Может, им удастся сбежать.

С радостным ревом третий *они* выскочил из деревьев на их тропу.

Широ уклонился от когтей *они*, но его уверенность подвела его. Он ударился о землю пятками и покачнулся назад, за ним полетела и Эми. Они прокатились по снегу и замерли в паре дюймов от булыжника, о который можно было разбить голову.

Потрясенная из-за падения, Эми лежала на животе, а Широ вскочил на ноги спиной к камню и Эми, оставшейся на земле за ним.

— Так, так, — прорычал низкий голос. — Отродье Инари умеет менять облик. Почему раньше не мог, крыса?

— Все дело во времени, — ровно ответил Широ. Он не звучал испуганно. Но он должен был бояться, иначе не бежал бы столько миль от них.

— И ты привел к нам мико, — продолжил *они*. — Такое подношение тебя не спасет.

Взяв себя в руки, Эми смогла подняться. Она посмотрела из-за Широ на трех огромных *они*, вставших полукругом, не давая им уйти. Трое. Им конец.

— Жертва из мико звучит забавно, — сказал Широ, — но я не это задумал.

Средний *они* взмахнул дубинкой с шипами.

— Если скажешь нам, где гнездится тэнгу, мы можем передумать насчет тебя.

— Думаю, вам помогут мои слова, только если вы научитесь летать.

Они зарычал, слюна капала с бивня. Он поднял дубинку, и втроем враги бросились к ним. Широ оттолкнул Эми, сбив ее с ног, а сам нырнул в другую сторону. Эми упала на живот и развернулась, ожидая, что на нее опустится дубинка с шипами. Но *они* окружили Широ, считая его опаснее, или считая, что он сбежит. Если Широ побежит без нее, замедляющей его своим весом, он сможет оторваться от них.

Но он не бежал. Может, не было возможности. Он повернулся от дубинки и отскочил, пока его не поймали, но *они* были быстрее, чем она думала, и его снова окружили. Он уклонялся и отскакивал, уходил от атаки, но надолго ли его хватит? Он не мог уклоняться вечно, и у него не было оружия. Он явно привык убежать, а не сражаться.

Вскочив на ноги, она вытащила стопку офуда и выбрала нужный. *Они* окружали Широ, а она приближалась на дрожащих ногах. Когда один встал спиной к ней, она прыгнула и прилепила офуда к его спине.

— *Сотей но шинкетсу!* — завопила она.

Синий свет вспыхнул на офуда, огненное сияние охватило тело *они*. Он застыл, неподвижный, как статуя.

Эми отпрянула. Сковывающее заклинание Катсуо напоминало цепь из света. Почему ее отличалось? Она посмотрела на офуда и ощутила страх, края бумаги уже почернели.

Над ней раздалось рычание. Двое оставшихся *они* повернулись к ней, дубинки уже летели к ее голове.

Широ вылетел из ниоткуда. Он схватил ее и утащил за собой. Она ударилась о землю уже в третий раз за последние минуты, он рухнул поверх нее, его вес выбил весь воздух из ее легких. Он обхватил ее, и *они* покатались вместе. Она оказалась на нем, а дубинка упала на

землю там, где они только что были. *Они* зло зарычал.

Они откатились еще, Широ вскочил и поднял ее. Она пошатнулась, голова кружилась от падений и кружений. Он отпрянул, потянув ее за собой, а они наступали.

— Даже не надеюсь, что у тебя есть еще сковывающие офуда, — спокойно сказал он, отодвинул ее за спину и оказался между ней и *они*.

— Есть парочка, но вряд ли они замрут так, чтобы я успела их ударить, — сказала она, дрожащий голос выдавал ее ужас. — И они будут работать лишь пару минут.

— Хмм. Тогда у нас проблемы.

Она моргнула. Разве проблемы не начались раньше?

Двое *они* бросились к ним. Широ схватил ее, уклоняясь, унося ее с собой. Он бросил ее, в прямом смысле, за камень, а сам ушел от опускающейся дубинки. Приземлившись на ноги, она развернулась, а он откатился между наддающими *они*. Широ схватил одного за руку и использовал для прыжка через плечо другого *они*. Он упал перед ней и повернулся к врагу.

— Какой план? — тревожно спросила она, пятясь.

— Планы не мой конек, — он отпрянул, когда первый *они* замахнулся дубинкой в его голову. — Я разбираюсь по ходу.

Он шутил, пока *они* пытался выбить из его головы мозги? Он не знал страха? Он отскочил от дубинки, побежал, уводя двух *они* за собой — прочь от нее. Она сжала кулаки, сминая бесполезные офуда. Катуо хоть и не сравнился бы с Широ, но у него был меч. Широ был беззащитен.

— Ты не можешь убегать вечно, — в отчаянии крикнула она. — Тебе нужно оружие!

— Оружие? — он остановился на снегу, странное замкнутое выражение мелькнуло на его лице. — Да, оружие подошло бы.

Со вспышкой света третий *они* вырвался из чар ее офуда. Он заревел в гневе и побежал на Широ сзади, как бык, а двое других мчались на него спереди.

Широ не двигался. Его лицо стало пустым, он прикрыл глаза и поднял руки, вытянув их по бокам. Красный огонь вырвался из его ладоней, окружил запястья и поднялся по рукам. А потом огонь вырвался из его ладоней трепещущими языками.

Огонь погас, и у него оказались два одинаковых изогнутых меча.

Он покрутил короткие мечи в руках, три *они* бежали к нему. Она заметила, как он бросился к ближайшему чудовищу, размахивая мечами, а потом пропал среди массы красного и черных волос.

Тела корчились, раздался крик, полетели зеленые брызги.

Широ выскочил из толпы и упал на снег спиной к троице *они*. Зеленая кровь покрывала его клинки. Один за другим со стоном *они* падали на землю, а потом замерли. Безжизненно. Все трое были мертвы.

Не двигаясь, Широ поднял один меч и поднял к свету луны. Зеленая кровь блестела на изогнутом лезвии в полтора фута длиной, рукоять напоминала катану. Кицунэ молчал и смотрел на лезвие. Она осторожно, на дрожащих от адреналина ногах, обошла мертвых *они* и замерла в паре ярдов от него.

— Широ? Ты в порядке?

— Мм? — он все еще смотрел на меч. — Да, я в порядке.

Она замешкалась, не зная, как понимать его странное поведение.

— Почему ты не использовал мечи раньше?

Он поднял оба меча перед собой так, словно видел их впервые.

— Я только что вспомнил, что они у меня были, — его слова были тихими, не громче шепота. А потом он повернулся к ней, и вернулась ухмылка. Красный огонь скользнул по клинкам. Он раскрыл ладони, и огонь рассеялся, забрав оружие с собой.

Она уставилась на его пустые ладони, а потом посмотрела на его лицо.

— Как ты это сделал? Заставил их появиться и исчезнуть?

— Лисий огонь используется по-разному.

Она с подозрением смотрела на него. Как можно было забыть, что у него были мечи? Почему он так долго избегал опасных ударов, когда мог сразу призвать оружие? Он точно умел им пользоваться, судя по легкости, с которой он потом разобрался с тремя чудовищами.

— Кар.

Эми вскинула голову. На высокой сосне расправила крылья черная ворона, глядя на них.

— Наконец-то, — громко сказал Широ. — Сколько еще ты хотел, чтобы мы прошли?

— Кар.

Удивление прозвучало в крике птицы. Она лениво расправила крылья и спрыгнула с ветки. Она пролетела вниз, мимо головы Широ и отправилась в лес.

— Наш союзник соизволил поговорить, — передал ей Широ. — Готова?

Конечно, она не была готова. Все ее тело болело, мышцы дрожали, а сердце только начало приближаться к нормальному ритму.

Она устала, замерзла и была напугана.

— Да, — сказала она. — Покончим с этим.

Он пошел за вороной, не показывая признаки усталости, хоть он и нес ее по горам на большой скорости и сражался с тремя огромными горными *они*. Она шла за ним, усталость звенела в каждой кости. В ее голове кружилось слишком много вопросов, она посмотрела на его пустые ладони.

«Я лишь вспомнил...» — как можно было забыть о своих мечях? Она подозревала бы, что он врет, но она видела выражение его лица, когда он вспомнил, что у него есть мечи, после ее крика, что ему нужно оружие для боя. Но вряд ли такое можно было забыть, потому она не могла избавиться от чувства, что происходит нечто странное.

ГЛАВА 11:

Ворон привел их к долине, окруженной лесом. Эми уже не знала, как далеко они зашли в горы. Луна над головой озаряла им путь, но не подсказывала ни время, ни направление. Как давно она ходит? Заметили ли ее отсутствие? Найдет ли Катсуо ее следы на снегу за конюшней? Она надеялась, что нет. Она не хотела опасности для него.

Они спустились в долину, и она шла все ближе к Широ, пока ее рукав не начал задевать его руку. Неестественная тишина царила в долине, словно что-то выжидало. Тревога покалывала ее шею.

Она не должна была пытаться приблизиться к Широ. Ей стоило бояться кицунэ. Он легко убил тех *они*, как только вспомнил о мечях, и это не вызвало у него угрызений совести. Он говорил, что предпочитал убивать врагов. Вряд ли стоило щадить *они*, но сожаление из-за убийства троих ее немного успокоило бы.

Сначала она думала, что Широ скорее убежит, чем будет сражаться, но теперь она подозревала, что он просто был хитрым. Он сражался, когда ему было нужно или хотелось, но он бы не смутился поджать хвост и убежать, если такое решение было логичнее.

— Итак, — сказала она, тихие слова казались слишком громкими в тишине, — с каким ёкаем мы встретимся?

Он посмотрел на небо.

— Это не очевидно?

Она растерянно моргнула и огляделась. Широ смотрел не на небо, а на деревья. Среди осенней листвы и заснеженных веток были десятки черных ворон. Тихие. Они ждали.

Ее ноги заплетались, ей приходилось заставлять себя двигаться. Вороны следили за ними, зловеще неподвижные. Двигался только их проводник, перелетая с ветки на ветку. Она так сосредоточилась на нем, что не замечала до этого других ворон.

Вороны. Как она не поняла раньше? *Они* же говорил о ёкае, спрашивая Широ о том, где они гнезятся.

— Тэнгу? — едва слышно спросила она. — Ты ведешь нас к тэнгу?

Он фыркнул, уловив испуг в ее голосе.

— Не тэнгу, а *Тэнгу*. Лорд ворон ни на кого не похож.

Она открыла рот, но издала только придавленный звук. Все истории о тэнгу, написанные тысячу лет назад, были посвящены одному ёкаю? И все рассказы о стражах горных лесов и вестниках войны были не о виде ёкаев, а про одного?

— Он не так плох, — продолжил Широ, то ли не замечая ее паники, то ли наслаждаясь этим. — Он, может, тебя не убьет.

Она чуть не убежала, но вспомнила, что Широ делал это, чтобы исполнить ее просьбу. Если бы он думал, что ее жизнь в опасности, он бы не привел ее, если она правильно понимала его мотивы.

Ворон становилось все больше, пока на верхушках деревьев не собралось больше сотни птиц. Несметное количество черных глаз-бусинок смотрели на них. Эми шла рядом с Широ, задевая с каждым шагом его руку, скользила взглядом по деревьям, пытаясь невольно сосчитать птиц, что пристально следили за ней.

Широ замер. Она прошла на полшага дальше, опомнилась и посмотрела на лес и тропу впереди.

Большой дуб давно упал и закрывал тропу. Почти все ветви были сломаны или сгнили, но часть толстых веток осталась. Каждая была усеяна воронами, десятками их. На самой толстой ветке, что шла от ствола, образовывая идеальный насест, сидела самая крупная птица из тех, что она видела.

Она напоминала ворона с черным клювом, если бы вороны могли вырастать до размера детей. Птица была высотой в три фута, и она не могла представить размах крыльев этого ворона. Блестящие обсидиановые перья сияли в свете луны, он не двигался, как и остальные вороны. Глаза были бледными, как луна, и смотрели на гостей.

Она смотрела в эти серьезные серебряные глаза, подумывая, что птица слепа. Мог ли ворон их видеть?

Широ склонился в официальном поклоне приветствия.

— Тебе было бы так сложно пролететь пару миль навстречу мне? Не притворяйся, что ты не знал, что я тебя ищу.

Эми раскрыла рот от его грубости. Она быстро поклонилась, куда ниже, чем оскорбительный поклон Широ. Они ведь пришли просить помощи? Почему Широ так себя вел?

Огромный ворон, наконец, пошевелился. Он кивнул головой, раскрыл крылья, огромные

перья росли, пока не закрыли тропу. Темный свет полился от птицы, растекаясь лентами силы. Красное сияние переплелось с темным светом, окутавшим тело ворона, смягчая его силуэт, пока он начал выглядеть как кокон черного света. Ворон спрыгнул с ветки, свет растянулся.

Когда он коснулся земли, облик ворона стал плотным, но это уже не был ворон. Глаза Тэнгу были серебряными с черной окантовкой и смотрели на нее. Его лицо было юным и красивым, но возраст определить не удавалось, как и с Широ. Темные волосы подрагивали на слабом ветру, короткие черные перья смешивались с волосами, торчали за каждым ухом. Черные косодэ и хакама были украшены красным и серебряным, одежда была очень хорошего качества.

Тэнгу отвел взгляд от нее и посмотрел на Широ.

— Ты все такой же дерзкий в этом облике, — его голос был тихим, не похожим на резкие крики ворон, и лишенным эмоций, как и его лицо. Только слова выдавали раздражение. Его пронзительный взгляд, словно сияющий меч, вернулся к Эми. — Кто она?

Ворона каркнула на дереве.

— Мико. Ясно, — он смотрел на нее уже иначе. — Этот наглый кицунэ обязан тебе жизнью. Он плохо обошелся с тобой, приведя в такую глушь, так далеко от защиты твоей ками.

В ее горле пересохло. Он угрожал ей?

— Эми — мико храма Аматаэрасу в южной долине, — Широ взглянул на нее. — Это Юмей, Тэнгу. Он ворчливее старухи, но все же не такой невыносимый.

Прижав руки к бокам, чтобы скрыть дрожь, она снова поклонилась. Тэнгу склонил голову к ней. Она решила, что это хороший знак. У него манеры были лучше, чем у Широ.

— Зачем ты здесь, кицунэ? — сухо спросил Юмей. — Твой новый облик — не причина терпеть твое присутствие.

Все веселье пропало с лица Широ.

— Ты ошибся.

Юмей прищурился, и это был первый признак реакции от него.

— Да?

— Ты сказал, что только сила Кунитсуками может освободить меня от оненджу.

Широ кивнул на Эми.

— Она смогла снять первый виток прошлой ночью.

Юмей шагнул к ним, двигаясь ловко. Он схватил Широ за руку и поднял ее. Он скользнул пальцами по сияющим красным бусинам. Длинные бусы обвивали три раза руку Широ поверх черной ткани, покрывавшей его руку от запястья до локтя, бусины должны были скользить, пока он двигался, но она поняла, что ни разу не видела, как они двигаются, словно они были приклеены.

— После того, как убрали первый виток, открылся этот облик? — спросил Юмей.

— И не только это, — ответил загадочно Широ.

Тэнгу еще долгую минуту разглядывал бусины, а потом крепко обхватил локоть Широ, его пальцы подцепили виток на запястье кицунэ. Серебро встретилось с рубином в коротком взгляде, Юмей потянул бусы.

Сила вырвалась из оненджу жаром. Эми отпрянула, Юмей сжимал бусины, порыв ветра хлопал его одеянием. Белый свет вспыхнул на бусинах, а потом полетел десятками молний в

стороны. С гулом двое ёкаев отлетели в стороны.

Юмей приземлился на ноги, вытянув руку. Дым поднимался от обожженной кожи его ладони, кровь медленно капала с пальцев на белый снег.

Широ упал на спину и растянулся на земле, не двигаясь.

— Широ! — вскрикнула Эми.

Не думая, она бросилась к нему и опустилась на колени. Его глаза были прикрыты, виднелись лишь белки. Она похлопала его по щеке в слабой попытке привести его в чувство и ощутила тепло его кожи, словно он поглотил жар, что вызвал из бус Юмей. Она зачерпнула пригоршню снега и прижала к его лбу. Он растаял на его коже, ручейки воды потекли по его лицу.

Его уши дрогнули, он выдохнул. Его глаза приоткрылись, ярко-красные и пылающие ужасным гневом.

Он моргнул, и она увидела в его глазах только смятение. Она быстро вытерла снег и села на пятки. Он сел, кривясь, разминая пальцы правой руки. Оненджу невинно сияли на его руке, на них не осталось следов жара или молний, что они испускали.

— Похоже, не сработало, — отметил он.

Она отпрянула, когда он вскочил, так ловко, как было и до всплеска силы. Юмей прижима руку к боку, но не беспокоился о ране, кровь текла из волдырей на его коже. Длинный рукав его черной косодэ покачивался на ветру, напоминая о его черных перьях в другом облике.

— Чары не рассеялись, — сказал Тэнгу. — Что-то с девушкой.

Он так же ловко, как раньше, подошел к ней. Она не успела отпрянуть, пальцы его невредимой руки обхватили ее подбородок. Он не так и нежно заставил ее повернуть голову в одну сторону, потом в другую, разглядывая ее. Отклонив ее голову, он уткнулся в ее шею лицом и вдохнул носом.

— Она человек? — спросил он у Широ, выпрямившись. Он не отпускал ее подбородок. — От нее пахнет человеческой женщиной и тобой. Ты возлежал с ней?

Она вскрикнула, гнев и смущение обожгли ее лицо жаром. Она пыталась отпрянуть, но его пальцы больно сжались, удерживая ее на месте.

— Мы немного покатались по снегу, — сказал Широ, ухмыльнувшись, встретив ее яростный взгляд. — Но это было вопросом выживания. *Они* решили напасть на нас.

Юмей снова повернул ее голову.

— Уверен, что это она сняла первый виток?

— Больше никому.

Тэнгу смотрел на нее чуть дольше, а потом отпустил. Она успела вдохнуть с облегчением, а потом он схватил ее за запястье. Он притянул ее руку к лицу, развернул ладонь и укусил ниже большого пальца.

Она закричала и попыталась вырвать руку. Его хватка была сильной, стальной. Он удерживал его ладонь во рту, взгляд был далеким. Он отпустил ее так внезапно, что она потеряла равновесие и упала в снег.

— Человек, — заявил Юмей. — Но в ее крови ощущается сила ками.

Эми повернула ладонь и увидела ранку от его клыка. Капля крови скатилась к ее запястью, оставив алую линию на ее бледной коже.

Тень сверху закрыла луну. Широ коснулся большим пальцем следа крови. Он провел пальцем по ее запястью к ранке, а потом поднес его к губам. Он улыбнулся ей, слизнув ее

кровь со своей кожи. Она потрясенно смотрела на него, слов не было.

— Точно человек, — сказал он Юмею, все еще глядя на нее, вызывая ее возмутиться из-за того, что они ее пробовали. — Мико на вкус похожи на камни?

— Не знаю, — отозвался Юмей. — Я никогда не пробовал служительницу храма.

Она прижала ладонь к скрытой метке на груди. Ее пульс шумел в ушах, страх был почти невыносимым. У нее был вкус силы камни не из-за того, что она была мико, а потому что она была камигакари. Если они это поймут, они убьют ее на месте.

Глядя на кицунэ и Тэнгу, она поняла, что Широ обманул ее дважды за ночь. Сначала выманил из храма под предлогом встречи с Аматсуками. А потом убедил идти по своей воле к Тэнгу, который якобы помог бы найти Аматсуками. Но они здесь были не поэтому. Широ привел ее, чтобы Юмей понял, как она смогла повлиять на оненджу. Их опасных поход не был связан с просьбой, которую Широ согласился выполнить.

— Скажи, кицунэ, — прошептал Юмей, — зачем ты привел ее ко мне, если ты все еще проклят?

Рубиновые глаза Широ смотрели на Эми без веселья.

— Она отказалась снимать его.

Юмей взглянул на Широ, а когда заговорил, его слова были пропитаны недоверием.

— Ты позволил человеку отказать тебе?

— Я в долгу перед ней.

— Ах, — Юмей коротко кивнул. — Конечно, понимаю.

Она обдумывала ответ Юмея, а он схватил ее за волосы. Боль пронзила ее голову, он заставил ее встать на ноги. Он снова впился пальцами в ее челюсть, но в этот раз когти, которых не было до этого, коснулись ее горла. На его лице ничего не было, ни ярости, ни жестокости.

— Мико, — тихо сказал он, — я тебе ничего не должен, так что я не могу позволить тебе перечить. Понятно?

Она уставилась на него, сердце колотилось о ребра.

— Понятно?

Она не могла двигаться, иначе его когти пронзили бы ее кожу. И она прошептала:

— Да.

Он отпустил ее горло.

— Сними с кицунэ оненджу.

Она не двигалась, в панике не удавалось придумать ничего полезного — ни слов, ни способа остановить это.

Его рука до боли сжала ее плечо, он повернул ее к Широ.

— Сними это. Твоя кровь потечет раньше, чем я повторю это.

Широ протянул ей руку. Его лицо было бесстрастным, как и у Юмея. В его глазах не было ни доброты, ни сострадания. Он не мог ранить ее, не запятнав свою честь, но эта же честь не мешала ему позволять Юмею исполнять грязное дело за него. Он привел ее сюда для того, чтобы другой ёкай заставил ее угрозами сделать то, что ему нужно?

Она подняла руку, дрожь пальцев была заметна. Сердце билось в горле, она обхватила нижний виток оненджу. Ее пальцы сжались на бусах, жар коснулся ее кожи.

Она посмотрела в глаза Широ и прошипела:

— Ты гадкий.

Он молчал и ждал. Она закрыла глаза. И почему она подумала, что может доверять

ёкаю? Она даже начинала думать, что Широ не плохой, потому что он таким казался, но это не отменяло факта, что его душа такая же черная, как у чудовищ, что утащили Хану с моста. Он умело врал, обманывал, как и говорилось в сказках.

Ярость предательства пронзала ее, она потянула за бусины.

Сила ударила по ее руке, свет вспыхнул так ярко, что она видела его с закрытыми глазами. Яростная ки бусин зажгла ее грудь, а потом полетела в ее руку и столкнулась с силой, что окутывала оненджу.

И все взорвалось.

Она отлетела назад, отпустив бусы. Она упала на спину, легкие пылали от холода, рука пульсировала и немела. Вокруг кричали вороны, наполняя лес жутким шумом. Она все же смогла вдохнуть. Сев, она растерянно огляделась.

Широ снова лежал в снегу в десяти футах от места, где стоял, его руку все еще сковывали красные бусы. Юмей обмяк у павшего дерева, на котором раньше сидел. Кровь текла по его лицу, голова, наверное, ударилась о ствол. Как сильно взрыв энергии ударил по ёкаям?

Юмей приоткрыл глаза. Оттолкнувшись от бревна, он шагнул, шатаясь, и восстановил равновесие. Он посмотрел на нее, серебряные глаза пылали ки, от которой сгустился воздух, пока она не ощутила тяжесть в легких. Вороны тут же притихли.

Она не видела опасности, пока он не сдвинулся.

Короткий вопль ужаса вырвался из нее, и он оказался на ней. Его ладонь сжалась на ее горле, перекрыв воздух, он поднял ее над землей. Она цеплялась за его руку, пытаясь расцепить пальцы. Его когти пронзили ее шею, кровь потекла по коже. Он смотрел на нее без эмоций, его лицо было маской, что ничего не выражала. Ее офуда. Где они? Она не помнила. Ее легкие болели, все туманилось. Слабость охватила ее руки, несмотря на ее отчаяние, они повисли по бокам, пока Тэнгу спокойно душил ее.

Рука обхватила ее живот, и вес пришелся уже не на ее шею, ее спина уперлась в теплое тело. Рука, укутанная в черную ткань с красными лентами и алыми бусами, обхватила запястье ёкая.

— Отпусти ее, Юмей.

— Я не позволю людям ударять меня.

— Это оненджу, а не она.

— Она отразила энергию.

— У людей нет такой силы. Ты пробовал ее. Она лишь человек, — он сжал запястье Юмея крепче, голос стал тверже. — Отпусти ее.

— Ты смеешь приказывать мне, кицунэ? — прошептал Юмей.

— Да, смею. Отпусти ее.

Губы Юмея скривились, гнев на миг вспыхнул на его лице. Его ладонь разжалась, и Широ отпустил его руку.

Воздух полился в легкие Эми с болью.

Она согнулась, кашляя. Руки Широ обвили ее, поддерживая, пока она содрогалась. Он опустил ее, согнувшись и держа ее руками, пока она пыталась дышать снова, ее ноги растянулись на снегу. Ее мышцы дрожали от слабости, его руки были единственным якорем в кружащемся мире.

Как только к ней вернулась капля силы, она оттолкнула руки Широ. Она начала подниматься, но ноги подкосились. Упав на четвереньки, она поползла от ёкаев, задыхаясь.

Ее горло ужасно болело, но она смогла с болью сглотнуть. Ее руки дрожали, она замерла, села на снегу и оглянулась на двух ёкаев. Они смотрели на нее и не двигались.

— Почему не сработало? — спросил Широ. — Она убрала его без проблем прошлой ночью.

— Она не хотела, — ответил Юмей. Он выглядел спокойно, словно и не пытался убить ее. Но он и не злился, когда душил ее. — Сила начала освобождаться, а потом отразилась и ударила по нам. Она не отражала ее намеренно, значит, ее способность снимать оненджу может зависеть от ее искреннего желания делать это.

Широ поджал губы в тонкую линию. Он шагнул к ней, она вздрогнула, готовая поднять страдающее тело, чтобы убежать от него. Это не помогло бы, но она не собиралась сидеть и позволять ёкаям оскорблять ее.

Он замер, а потом присел на корточки, чтобы они оказались на одном уровне, но приближаться не стал.

— Ты снимешь бусы, Эми? — спросил он неожиданно мягко. — Клянусь честью и жизнью, что я отыщу Аматсуками после этого. Я отыщу их, если ты попросишь.

Дрожь усилилась, в ней рос гнев, борясь с болью и слабостью.

— Ты решил попросить меня? — каждое слово причиняло боль, голос был хриплым, и она едва узнала его. Он обманул ее и привел к другому ёкаю, что чуть не убил ее, и она не могла поверить, что теперь он пытался уговорить ее. — Я не поверю твоим словам, даже если ты поклянешься жизнью Инари вместо своей.

Широ закрыл глаза, выражение его лица было нечитаемым. Он резко встал, открыл глаза и посмотрел на нее. Он пожал плечами.

— Инари бессмертна. Клясться жизнью Кунитсуками бессмысленно.

— Ты понял, что я имела в виду, — заявила она.

— Ты все еще хочешь поговорить с Аматсуками?

— Я... да. Конечно.

Он повернулся к Юмею.

— Это ее просьба. Но ты понимаешь, что я не могу выполнить это задание один.

— Зачем ей разговор с Аматсуками?

Широ пожал плечами.

— Я помогу, — сказал Юмей, спокойно вытирая кровь со щеки. — Но взамен твоя вернувшаяся сила будет принадлежать мне, пока я не посчитаю твой долг оплаченным.

Эми моргнула. Он так сухо требовал вечное служение.

Широ посмотрел на нее.

— Один я не смогу выполнить твою просьбу, хоть я и попробую, ведь согласился. Но Юмей может исполнить твоё желание куда успешнее. Если я заручусь его помощью, ты снимешь оненджу?

Он хотел согласиться на долг перед Тэнгу, вечное служение другому ёкаю, чтобы выполнить ее просьбу? Для него было так важно снять оненджу?

Она посмотрела на одного ёкаю, потом на другого. Стоило отказаться. Она смогла уйти и покончить с союзом с этими ёкаями. Но слова из руководства каннуши крутились в ее голове, и даже без них она сомневалась, что они отпустят ее, если она откажется.

— После встречи с Аматсуками, — прохрипела она, — и ни минутой раньше. И если совершь или снова меня обманешь, сделке конец.

— После встречи с Аматсуками ты снимешь оненджу?

— Да.

Он кивнул, его глаза на миг вспыхнули алым пламенем, жар обещал мечь, если она предаст его. Он посмотрел на Юмея, и она смогла снова дышать.

— Я согласен на долг в обмен на твою помощь. Как скоро ты сможешь найти Аматсуками?

— Скоро, — Юмей склонил голову, словно слушал то, что было доступно только ему. — *Они* нашли тела троих, что ты убил. Они собираются и идут сюда.

Широ скривился и прижал уши, словно недовольная собака.

— Думаю, мы не сможем вернуться тем же путем. Ей нужно успеть вернуться в храм ночью.

— Бери мико. Я отнесу вас.

С удивлением взглянув на Юмея, Широ направился к ней. Она отпрянула, но он легко подхватил ее на руки.

— Отпусти меня!

Он не слушал и повернулся к Юмею. Тэнгу засиял черным и красным, силуэт таял. Егс темная форма менялась, тело покрылось перьями, раскрылись широко крылья. Огромный ворон ударил крыльями и полетел к ним, за ним тянулись черные и красные ленты силы.

Его огромные когти обхватили плечи Широ, поднимая их с земли. Она вскрикнула, обхватила шею Широ, пока ворон летел к луне. Ки наполняла воздух, душа ее. Черные свет кружился, смешивался с ветром. Он окутал их, поглотил ворона, Широ и ее. Она открыла рот, чтобы закричать, но воздух покинул ее легкие, мир потемнел, и на нее обрушилась пустота.

Она падала.

Мир превратился в вихрь снега и деревьев, она падала сквозь воздух. Руки Широ все еще обхватывали ее. Земля приближалась.

Широ приземлился на ноги, присев от столкновения. Он извернулся, падая, и она оказалась на нем, прижавшись к его груди. Она подняла голову и в панике огляделась. Не было павшего дерева, следящих ворон, огромного ворона в небе. Крохотные снежинки падали на них, снег вокруг не был испещрен следами.

Ворон бросил их в другом месте в горах, и она не знала, где они оказались.

ГЛАВА 12:

Эми плелась за Широ, силы брала из упрямства, о существовании которого не подозревала.

Юмей бросил их в трех милях от храма, как сказал ей Широ. Она не понимала, как Тэнгу мог переместить их на несколько миль за миг, но она и не понимала, как Широ мог проходить сквозь стены. Магия Юмея спасла их от очередного сражения с *они*, которые двигались глубже в горы к долине Тэнгу.

Она не говорила с Широ после того, как они пошли к храму. Не хотела его слушать. Ее тело болело так, как она еще не испытывала. Ее шея пылала после хватки Юмея и его когтей, горло обжигал каждый вдох. Ей повезло, что он не вспорол ей артерию.

А еще она устала. Ужасно устала, едва могла переставлять ноги. Она все время дрожала. Снежный лес был бесконечным, они то поднимались, то спускались, камни сменялись снегом. Каждые пару минут она спотыкалась. Дважды она упала, мышцы стали слишком

слабыми.

Широ пытался помочь, идти рядом с ней, но ее злой взгляд отгонял его. Она не давала ему заглаживать вину из-за угрызений совести — если совесть у него была — изображая милого. Гнев и гордость позволяли ей идти вперед.

Довериться ёкаю. Чем она думала? Слабая надежда, что Аматсуками скажет ей, что руководство каннуши ошибалось, затмила ее мысли. И к чему привели ее глупые усилия? К шее в синяках и крови.

Она смотрела на землю, чтобы не спотыкаться, и следовала по следам Широ на снегу. Юмей назвал этот облик Широ новым, словно никогда не видел его раньше. Он говорил, что она сняла первый виток бус, сняла «оковы». Похоже, оненджу сковывали второй облик Широ, и он получил способность изменяться, как только она сняла первый виток бус. Оставалось еще три, какие еще способности и силы были запечатаны?

В библиотеке храма Шион были записи о ёкаях тысячелетней давности, в нескольких историях упоминались встречи с тэнгу. Если все они были связаны с Юмеем, значит, ему больше тысячи лет? Тогда сколько Широ? Как долго он был заключен в облике лиса? Достаточно долго, чтобы забыть, что у него было оружие, но он все еще помнил, как им пользоваться.

По словам Юмея, только Кунитсуками мог освободить Широ, но они пропали. Она подозревала, и это тревожило Широ, что только она могла снять оненджу, потому он согласился на цену Тэнгу. Какой бы ни была причина, ей не нравилось быть привязанной к ёкаю.

Ей на руку было лишь то, что Юмей и Широ не смогли понять, почему она, человек, могла влиять на чары, что могли трогать только Кунитсуками. Сила Аматэрасу годами копилась в Эми, и она поглотит еще больше ки на церемонии солнцестояния. Потому она могла делать то, чего не мог Юмей. И хотя сильный омамори на ее шее скрывал ее силу от остальных, ёкаи ощутили это в ее крови. Но они пока что не поняли причину.

Ей нужно было поскорее расправиться с этой сделкой, пока ёкаи не поняли, кем она была. Кунитсуками пропали, не могли сохранять равновесие с силами Аматсуками, и Юмей с Широ захотят еще сильнее убить камигакари.

Неожиданная паника пронзила ее грудь. Она вскинула голову и поняла, что за звук, становящийся все громче, пробуждал в ней страх.

Речка текла меж деревьев, извиваясь, вниз по склону, вода бурлила. Влажные камни блестели в лунном свете, выглядывали из воды, безжалостно бьющей по ним. Моста не было.

Широ, не обращая на него внимания после ее безмолвного отказа, подошел к берегу и легко прыгнул на камень. Ловкими движениями он прыгал с камня на камень, не боясь бурлящей воды.

Она застыла и смотрела на воду. Звук наполнял ее голову, она слышала крики Ханы. Она чувствовала холодную скользкую руку подруги, цепляющуюся за ее ладонь так крепко, что у нее еще две недели после этого сходили синяки. Ее грудь стала тесной, лед заполнил легкие, словно она была под водой, дышала холодным потоком, тонула с Ханой.

— Эми?

Она быстро моргала. Она увидела лицо Широ, рубиновые глаза смотрели на нее. Он стоял перед ней, закрывая собой реку. Разве он не пересек реку? Сколько она стояла там, задыхаясь от воспоминания?

— Где мы? — прохрипела она. Они не пересекали реку, когда шли к Тэнгу.

— Запад храма, — он протянул руки. — Я перенесу тебя через...

— Не трогай меня! — ее крик был хриплым, она не узнавала свой голос. Она отпрянула от него, обхватила себя. Она не хотела его помощи, не хотела, чтобы он нес ее через ужасные воды. Но если он не перенесет ее, как она переберется?

Широ опустил руку. Они стояли в тишине, лес был беззвучным. Она дрожала и крепче обхватывала себя. Она хотела лечь на снег и уснуть. Она хотела быть дома, не в храме Шираюри, а в своей спальне, чтобы мама была на кухне и напевала, пока готовила, а папа отдыхал на диване и смотрел новости по маленькому телевизору. Она хотела обнять маму и сказать, как сильно она ее любила, сказать, что она не хотела отказываться от их отношений. Она хотела вернуться и все изменить.

— Я не хотел, чтобы тебя ранили, — тихо сказал Широ.

Она закрыла глаза, не желая видеть его лицо. Лжец. Он врал.

— Действия важны, — прохрипела она. — Не намерения.

— Не у ёкаев, — прошептал он. — Действия меняют наш путь, влияют на будущее, но намерения делают нас сильными. Без них мы — ничто.

Ее глаза открылись, она невольно посмотрела на него. Он глядел на звездное небо, его лицо было нечитаемым, как луна. То, что его черты были лишены возраста, было подчеркнуто еще сильнее в тусклом серебряном свете на его лице. Порой он говорил так, словно еще вчера учился в старшей школе, словно был беспечным подростком, а порой он звучал как Юмей, говорил тише, мягче, серьезнее и древне.

— Давно оненджу тебя сковывает? — вопрос сорвался с губ раньше, чем она успела его остановить.

Он отвел взгляд от неба на снег, не глядя на нее. Он рассеянно провел рукой по бусинам.

— Не помню, — прошептал он. — Я не помню, чтобы их у меня не было. Я не помню времени, когда они не обжигали мою душу и не поглощали ки, стоит ей появиться во мне.

Она напоминала себе, что он врет. Обманывает ее, играет на ее эмоциях, чтобы завоевать сочувствие. Он был лжецом. Она повторяла это в голове, но не верила в эти слова в этот раз.

— Почему ты не сказал? — с горечью спросила она. — Почему не сказал, что бусы вредят тебе, и не попросил снять их?

— Я просил.

— Не объясняя причину.

— Это что-то изменило бы? Ты мне не доверяла, — он отвел взгляд от нее. — И ёкаи тоже не доверяют доброте людей.

Она замешкалась, не ожидая таких его слов. У ёкаев были свои рассказы, где были жестокие люди, которым нельзя было доверять? Может, они и не ошибались. Если бы он с самого начала говорил, что оненджу были ужасными, она бы сразу сняла их? Она не была уверена.

Он повернулся к ней. Она вскрикнула, его руки обхватили ее и подняли.

— Широ!

— Или я несу тебя, или мы стоим тут, пока ты не отключишься, и тогда я понесу тебя, — он пошел к реке. — Хочешь быть без сознания?

Не отвечая, она смотрела, как с каждым его шагом река приближается, ужас охватывал ее. Вода звучала так же, как в тот день. Забыв о достоинстве, она сжала в руках его косодэ и

уткнулась лицом в его плечо, чтобы не видеть. Его шаги прервались, а потом продолжились, он ускорился. Она ощутила, как он готовится к первому прыжку.

Ветер засвистел вокруг, он прыгнул. Ее сердце замерло. Он легко приземлился и прыгнул снова. Она могла лишь слышать воду и тихие крики из воспоминания. Еще приземление, еще прыжок.

С хрустом снега он опустился и бодро зашагал. Она осторожно поднял голову и оглянулась сквозь свои спутанные волосы. Они были на другом берегу реки. Она взглянула на бурлящую воду. Он преодолел реку в три прыжка?

Она попыталась высвободить ноги и встать. Его руки сжались крепче, одна обхватывала ее колени, другая поддерживала спину.

— Расслабься, — прошептал он. — Осталась только миля.

— Не нужно меня нести. Отпусти.

— Ты устала.

— Отпусти меня!

— Уставшая и упрямая, — сухо отметил он. Он приблизил лицо к ней, пока его дыхание не согрело ее щеку. — Тебе не нравится касаться меня, маленькая мико?

Она схватилась за его пушистое лисье ухо, крепко сжала его пальцами.

— А тебе это нравится? — сладко спросила она.

— Ай-ай-ай! — его лицо скривилось, он зажмурился, склонил голову, пытаясь ослабить давление. — Отпусти!

— Спусти меня.

Он убрал руки.

Она с криком полетела к земле. Он подхватил ее в воздухе и поднял, но она уже отпустила его ухо.

Она уставилась на него.

— Почему нельзя меня опустить?

— Потому что ты идешь настолько медленно, что мы будем возвращаться всю ночь, — прорычал он, недовольный из-за ее атаки на его ухо. — Если ты замолчишь и не будешь шевелиться, мы будем в храме через пару минут.

Он пошел вперед, его длинные шаги так быстро преодолевали расстояние, что разница в скорости была поражающей. Она могла настаивать, что пойдет сама, но стоило ей опуститься на ноги, ее мышцы охватила такая боль от усталости, что она сдалась и обмякла в его руках. Он удобнее подхватил ее и ускорил шаги. У него было еще столько сил. Неужели он не уставал? Или это она была ужасно слабой?

Ее голова покачивалась от его шагов, она утомленно прислонилась к его плечу. Через пару минут она поняла, что закрыла глаза. Его грудь была невероятно теплой. Это было удобнее, чем когда он нес ее под рукой, как мешок с рисом. Было приятно ощущать его сильные теплые руки вокруг нее, его сердце билось под ее ухом. Его шаги были ровными. А она так устала.

— Эми.

Сон давил на ее веки. Она невнятно пробормотала.

— Эми, просыпайся.

Она приоткрыла глаза и растерянно посмотрела на дом. Она вернулась? Она сонно моргнула и посмотрела на Широ, а потом на дом. Ее пронзила тревога, прогоняя сонливость. Она была в руках ёкая, ее было видно из окон. Это было посреди ночи, но все равно было

рискованно. Судя по темным окнам, ее отсутствие не заметили.

Видя ее тревогу, он опустил ее ногами вперед на землю. Как только она встала, она отошла от него, ноги грозили подкоситься. Он поймал ее под руки и указал на вход.

— Туда.

— Знаю, — пробормотала она. Неужели они проспала часть пути? Она оглянулась на него. — Где ты будешь спать?

— О... где-то, — он подтолкнул ее к двери. — Ложись, пока ты не упала.

— Я не слабая дамочка, которой нужно указывать, — твердо сказала она и сделала дрожащий шаг от него.

— Как скажешь.

Кривясь, она делала шаг за шагом к двери, пока не поняла, что ей нужно быть тихой. Пройдя на носочках, она отодвинула дверь и оглянулась.

— А как же ты?

Его улыбка стала шире, показался один острый клык.

— Предлагаешь поделиться кроватью, маленькая мико?

— Нет!

— Тогда увидимся, когда я обнаружу Аматсуками, — он быстро поклонился. — Хороших снов, госпожа храма.

Она смотрела, как он уходит, сворачивает за угол, не оставляя следов. Прикусив губу, она подумала, что он будет спать в снегу. Он тоже устал. Может, ей стоило попросить его остаться...

Она резко покачала головой. Остаться в ее комнате? Чем она думает? Разувшись, она беззвучно закрыла дверь и поспешила по коридору. Он будет в порядке. Он много лет прожил один, она не нужна была ему, если не считать необходимость снять оненджу. Она нужна ему только для этого.

Ее рука замерла в воздухе у двери спальни. С вздохом она прошла мимо комнаты в ванную. Закрывшись, она сняла грязную одежду и неохотно повернулась к зеркалу.

Спутанные волосы сразу бросались в глаза. Прутья и листья торчали из длинных прядей, коса превратилась в узлы. Красные пятна на горле превратятся к утру в жуткие синяки, кровь была на шее с обеих сторон и на одном плече. Она убрала волосы и скривилась при виде четырех ранок на одной стороне шеи и одной на другой стороне. Это хотя бы можно было закрыть волосами.

Ее локти и колени уже были в синяках. Ладони были ободраны, одна была проколота зубами Юмея, ребра болели от того, как рука Широ прижимала ее к его боку, пока он убегал от *они*. Все болело.

Но сильнее всего на теле в глаза бросались не раны, а черный символ, пылающий на ее груди в центре. Метка камигакари Аматэрасу. Когда она появилась, она была тусклой, как тень, но теперь была черной. Она накрыла метку ладонью, скрывая из виду, желая, чтобы она могла вырвать ее из плоти, из души, но магия так не работала.

Хотя она сняла одежду, один предмет она никогда не снимала — шелковый мешочек на кожаном шнурке. Плоский мешочек, вышитый цветами, чтобы напоминать амулеты удачи, которые продавали на фестивалях в храмах, но там был сильный омамори, скрывающий ее ки от ёкаев. Без него Юмей точно понял бы, кто она, если бы не понял Широ.

Она намочила ткань и промыла раны на шее. Свежая кровь испачкала ткань, в одиночестве она позволила себе заплакать. Она беззвучно плакала из-за ужасов ночи, боли,

усталости, лжи и предательства, что она пережила. Она плакала из-за своей наивности, ведь Широ так просто мог управлять ею.

Когда она очистила себя, промыла раны и перевязала, расчесала волосы, она скользнула в спальню и переделалась в ночное одеяние. Она рухнула на постель лицом в подушку, одеяла запутались в ногах, у нее не было сил поправить их. Глаза закрылись, усталость накатила волнами, притупив боль. Сон уносил ее, а она задавалась вопросом, почему она думала не об опасности и ужасах, не о зловещей информации, полученной ночью. Вместо этого она вспоминала, как Широ сказал, что не помнил жизни до оненджу... свет заливал его лицо, его голос, взгляд, который она заметила — безнадежное отчаяние, глубокое, как океан.

ГЛАВА 13:

Дверь в кладовую отъехала со щелчком.

— Эми? — позвал Катсуо.

— Доброе утро, — ответила она, выглянув из-за полки и увидев, что он стоит неуверенно на пороге, обрамленный солнцем. — Я здесь.

Она повернулась к книгам. Катсуо подошел к ней, склонился и посмотрел на грудку книг.

— Вот ты где прячешься сегодня, — сказал он. — Я думал, ты все еще в своей комнате.

Она нервно поправила шарф на шее. После ее приключений прошлой ночью в лесу с Широ она провела два дня в комнате, сославшись на простуду, чтобы никто не видел синяки, которые Юмей оставил на ее шее. Фуджимото и Нанако тревожились, и она решила теперь носить шарф, прикрываясь холодной погодой.

— Мне уже намного лучше, — сказала она, не глядя ему в глаза. Ложь была грязной, камигакари нельзя было так делать, так что врать она не умела. — Я хотела подышать свежим воздухом.

— Я бы не назвал воздух здесь «свежим», — отметил он. — Что это все?

Она скривилась, глядя на книги.

— Просто хотела... после нашей встречи с *они* я хотела поискать офуда для лучшей защиты. Барьер и сковывающий работали не долго.

Встреча с *они* была не единственной причиной для поиска лучшего способа для своей защиты, но она рассказывать ему не собиралась.

— Обычно офуда отражает силу, — сказал он ей. — Линии на снегу не хватает постоянства, так что офуда-щит долго не протянет, но если линия вырезана в камне, щит простоит дольше и будет сильнее. Сковывание ёкая, ударив по нему чарами, тоже не работает. Лучше поймать ёкая внутри чего-нибудь и сковать уже это, — он постучал пальцем по подбородку. — Если хочешь связать ёкая, нужен маругата.

— Круг экзорциста?

— Да. Простой круг — основная форма, но маругата может быть очень сложным. Так можно поймать ёкая и использовать его ки, чтобы связать его навсегда. Так древние сохэи разбирались с бессмертными ёкаями, которых нельзя было убить.

Холодок пробежал по ее спине.

— Некоторые ёкаи не могут умереть?

— Нет, все ёкаи могут умереть, — исправился он. — Ки — жизненная энергия. Человек ты, ёкай или ками, но если ки закончится, ты умрешь. Но очень сильный ёкай может со временем возродиться. Помнишь историю об Орочи, восьмиглавом драконе? Он губил землю, требовал в жертву юных девушек, иначе он разрушал целые города. Слабые местные

ками хотели убить его, но они знали, что он вернется и уничтожит их. И они ждали, позволяли дракону убивать людей и ёкаев, пока он не привлек внимание Кунитсуками. Сусаноо вызвал Орочи на бой и убил. Слабые ками знали, что если кто-то такой сильный, как Сусаноо, убьет Орочи, дракон будет мертвым дольше. Но истории предупреждают, что когда-то дракон вернется и будет мстить Сусаноо.

Она слышала историю раньше, но не задумывалась о деталях.

— Хочешь сказать, что если слабый сохэй сможет убить сильного ёкая, тот может возродиться и начать мстить людям?

— Ага. Потому сохэй запечатывают ёкаев. Если запечатать ки ёкая, он точно будет убран. Печать со временем тускнеет, но пока ее обновляют, ёкай будет запечатан навеки, — он указал на стену, на мир вокруг, как она поняла. — Есть семь сохэев, которые все еще охраняют самых сильных ёкаев, когда-то угрожавших земле.

— Я могу научиться делать такой маругата? — спросила она.

— Знаешь, как делать танец Пяти цветков в Небесном саду для весенних фестивалей?

— Конечно.

— Тогда один ты уже знаешь, — сказал он с улыбкой.

— Танец... это маругата?

— Не сам танец, а круг, который ты рисуешь, пока танцуешь. Это простой маругата, для него не нужно даже особых слов. Если ёкай войдет в него, его парализует, он не будет двигаться, пока он в круге. Больше ничего ему не будет, но это сильнее, чем офуда.

Она прищурилась, вспоминая танец. Популярный и манящий сольный танец исполняли каждый год мико, и Эми хорошо его знала. Мико не только танцевали, но и рисовали при этом на большом листе белой бумаги углем. Рисовать идеальный круг, грациозно танцуя, было сложно даже опытным мико.

— Круг рисуют на полу, обычно, на бумаге, — объяснял Катсуо. — Можно и не танцевать, но рисовать круг нужно в таком же направлении, как при танце, иначе он не сработает. Часть силы маругата в ритуале его создания.

Она кивнула. Многие танцы мико содержали в себе силу, которую притягивали из земли точные ритуальные движения.

— Но я не смогу нарисовать его быстро, — сказала она с сомнением.

— Да, это не практично для мгновенной защиты, — признал он. — Но тебе не нужно защищать себя, если ты останешься на землях храма. Мы с Минору тебя защитим.

Минору редко пересекался с ней, будто намеренно избегал, и она не винила его за это. Она знала, что ёкаи не могут войти на земли храма, она выходить не собиралась. Ему и не нужно было приходить.

Но Широ мог войти, тории не задерживали его. Теоретически это означало, что он не задумывал зла ни для кого в храме, но он мог всегда передумать насчет этого, оказавшись внутри.

— И все же мне хотелось бы иметь при себе готовую защиту. А если на меня нападут, а вас рядом не будет? — она постучала пальцем по обложке книги. — Тут говорится об оружии, напитанном ки, и атаках, подобных тому, как ты связал *они* мечом, но я не знаю, как использовать такое оружие. Маругата рисовать очень долго, значит, нужен офуда с большим радиусом действия... или что-то еще.

Он нахмурился.

— Умеешь пользоваться луком?

— Церемониальным. Я стреляла в деревянные блоки.

Он закатил глаза.

— Эми, разницы в стрельбе в кусок дерева или в ёкая почти нет. Просто один двигается, а другой — нет.

Она моргнула.

— Но лук церемониальный.

— Это оружие. И ты хороша в этом. Ты легко можешь выстрелить лучше Нанако.

Она никогда не думала о церемониальном луке и стрелах для фестивалей, как об оружии. Оружие было опасным, как меч Катсуо, а не изящным и покрытым цветными лентами и бумагой. Она тренировалась сильнее мико, ведь, как камигакари, всегда ощущала давление, ей нужно было превосходить мико во всем, но она никогда не считала этот навык атакой.

— Думаю, выстрелить я могу, но обычные стрелы не вредят *они*, и я вряд ли попаду по движущейся цели.

— Они намного больше твоих привычных мишеней. А, чтобы ранить *они*, нужно просто обернуть твои стрелы очищающими офуда. Есть техники сложнее, но и офуда на стреле хватит.

Она рассеянно смотрела на названия книг. Очищение было близко к камигакари, играло важную роль в жизни каждого каннуши, мико и сохэя.

Ки — энергия души — была сильнее всего, когда зарождалась в чистой душе. Чистота не обязательно была связана с моральными качествами, хотя они играли роль. Чистота появлялась из равновесия между разумом и душой. Злость, ненависть, похоть, жадность, эгоизм портили ки. Хотя нечистая ни порой была сильнее, чистая ки была сильной постоянной.

Для каннуши и мико самой важной целью было достижение *макото но кокоро*, что, грубо говоря, означало «чистота сердца». Они хотели, чтобы их ки была в идеальном равновесии, как у ками с чистым духом. Верили, что каннуши или мико, достигшие *макото но кокоро*, могли жить в гармонии с их ками, даже делиться прикосновением силы ками, становясь сильнее при этом.

Эми провела десять лет, оттачивая чистоту разума, тела и души, чтобы быть в состоянии *макото но кокоро* в день солнцестояния. Теоретически, Амагэрасу постепенно напитывала Эми своей ки, позволяя ей привыкнуть к силе ками. Когда Амагэрасу спустится к ней, Эми уже будет в идеальной гармонии со своей ки, будет готова нести в себе силу ками.

Она посмотрела на Катсуо.

— Ты говорил о более сложных техниках?

— Оружие можно надеть ки без офуда, но это сложнее и требует практики.

— Это лучше?

— Это быстрее?

Она замешкалась, пожевала щеку изнутри. Звучало неплохо.

— Можешь мне показать?

— Думаю, мог бы... — он скривился. — Я могу показать, но на практику уйдут годы, и ты не можешь быть уверена в технике, пока не используешь против ёкая.

— Я хочу знать, как, — сказала она и встала на ноги. — Книги в этом не помогут.

Он вышел за ней из кладовой и проследовал в кабинет, где она забрала церемониальный лук и дюжину стрел. Он провел ее к заснеженным деревьям за кладовой, через несколько

минут пути они попали на полянку, что была почти идеально круглой.

— Мило, — отметила она, когда они добрались до центра.

— Ага, я нашел ее на прошлой неделе, когда...

Она зацепилась ногой обо что-то под снегом и споткнулась. Он быстро поймал ее под руку, чтобы она не упала, и в тревоге отдернул руку.

— Не надо так переживать, — сказала она, он не успел извиниться.

— Прости, — робко сказал он. — Мне стоило тебя предупредить. Под снегом старый круг из камней.

— Круг?

— Ага, для рисования маругата. Края из камней делают его сильнее. Старый каннуши, наверное, использовал его для церемоний очищения и прочего, — он сверкнул улыбкой. — Если хочешь практиковаться, я могу очистить полянку.

— Пока начнем с лука, — сухо сказала она, выбрала стрелу и натянула тетиву. Она выжидающе посмотрела на него.

Он кашлянул.

— Сперва, чтобы направить ки, нужно успокоиться и сосредоточиться.

Так было и при церемониях, молитвах и медитации. Может, она делала это даже чаще него. Даже с бурей внутри она справилась с этим довольно быстро.

— Ки идет из центра, — продолжал он. — Из сердца, души, как хочешь, но ки идет изнутри. Тебе нужно вложить ки в стрелу, как ты делаешь это с офуда. Но на оружии не написано заклинание, чтобы его оживить, так что тебе нужно сосредоточиться на том, что ты пытаешься сделать.

Она кивнула. У нее не было проблем с активацией офуда, так что, может, это не будет так сложно.

— Заклинание очищения — *«шукусэй но тама»*. Произнесение его перед выстрелом поможет придать ки облик. Готова попробовать?

Глубоко вдохнув, она подняла лук и натянула стрелу. Руки горели от напряжения, но она сосредоточилась на узле на стволе дерева в пятнадцати футах. Очищение. Она прищурилась.

— *Шукусэй но тама!* — закричала она и выпустила стрелу.

Она пролетела по прямой и попала в край узла. Неплохо, но не было понятно, была ли стрела напитана ки.

— Я должна что-то чувствовать? — спросила она. — Как-то понимать, что ки что-то сделала?

Он пожал плечами.

— Опытные сохэй говорят, что они могут ощущать, как используют ки, но я ничего особого не замечал.

— Хмм, — она схватила еще одну стрелу. — *Шукусэй но тама!*

Вторая стрела вонзилась рядом с первой, уже была ближе к мишени. Она выстрелила всеми стрелами, сосредотачиваясь на наделении оружия ки. Катсуо собрал стрелы, и она выстрелила снова, но целилась уже хуже, ведь ее руки устали.

Она выпустила последнюю стрелу и опустила лук.

— Думаю, стоит практиковаться больше.

— Как и с офуда, не поймешь, пока не опробуешь на ёкае.

— Как сохэй понимают, что все делают правильно?

Он выглядел удивленно.

— Мы идем на охоту.

— О-охоту?

— Есть много земель с местными ёкаями, которых можно найти, если знаешь, как они выглядят, — он нахмурился, глядя на ужас на ее лице. — Очищение не убивает среднего ёка, только ослабляет и отгоняет. Ёкаям не стоит быть близко к людям. Лучше периодически прогонять их, пока они не начали причинять проблемы.

Она поджала губы. Ёкаи, как они и каппа, не должны были жить рядом с людьми. А как же те сияющие аякаши? Они были безобидны.

Он постучал пальцами по рукояти меча.

— Интересно, близко ли еще тот кицунэ?

Она вскинула голову.

— Что? В чем дело?

— Офуда на тории словно пытались уничтожить.

Она старалась не показывать панику.

— Что?

Он подошел к дереву и вытащил стрелы.

— Повода для тревоги нет. Значит, рядом ходит ёкай, как те аякаши, помнишь? — он улыbnулся. — Офуда на тории не пустят их в храм, если у них плохие намерения, а мы с Минору дважды в день проверяем границы.

— Думаешь, это кицунэ? — спросила она, он вручил ей стрелы. — Не думаю, что у него нечистая ки, как у тех они.

— Ёкаю не нужно быть нечистым, чтобы угрожать офуда. Ки ёкаев и ками не уживаются в одном месте. Они не совместимы.

— О, понятно, — она не знала этого. Она думала, что ёкаи вредили чистой ки ками, потому что они были злыми. Но она просто поспешила с выводами.

Она поблагодарила Катсуо за урок и, осторожно перешагнув скрытую линию камней, она пошла к дому, затерявшись в мыслях о разнице между ками и ёкаями. Одни рождались на небесах, другие — на земле. И те, и те были духами, их ки была сильной, но противоположной и несовместимой. Она всегда думала, что ками — создания добра, а ёкаи — создания тьмы и зла, но теперь...

Открыв дверь спальни, она сунула лук и стрелы в одну руку, вытаскивая другую руку из хаори. Тут она поняла, что забыла вернуть оружие в кабинет по пути.

— Надеюсь, эти стрелы не для меня.

Лук и стрелы выпали из ее хватки, она отскочила, как испуганный заяц, подавив крик.

Широ стоял у противоположной стены, в одной руке у него был наполовину съеденный рисовый шарик. Грязь пятнала его одежду, темное зеленое пятно покрывало когда-то белое плечо его косодэ. Красно-коричневые пятна, подозрительно похожие на засохшую кровь, дополняли палитру цветов.

— Ты грязный, — выпалила она, кривясь из-за его состояния в ее чистой комнате. Закрыв дверь, она сняла хаори и бросила в шкаф. — Что ты делал? Катался в грязи?

Он пожал плечами и откусил кусочек рисового шарика.

— Юмей нашел, чем меня занять.

Она смотрела, как он жуёт, а потом посмотрела на маленький храм рядом с ним. Тарелочка для подношений, где она оставила утром рисовый шарик, была пустой.

— Ты ешь подношение Аматэрасу? — выдохнула она, потрясенная его грубости.

Он фыркнул и бросил в рот последний кусочек.

— Она ведь это не съест.

Стиснув зубы, Эми подняла лук и стрелы и поставила их в угол. — Зачем ты пришел в мою спальню?

— А где еще мне тебя встретить? Или нужно был прийти в кладовую к тебе и сохэю?

Она решила не спрашивать, следил ли он за ней. Она не хотела знать.

— Это моя *спальня*. Это неприлично.

Медленная улыбка изогнула его губы, он окинул ее взглядом.

— Если ты хочешь так думать о моих визитах, маленькая мико, то я буду рад исполнить все мысли, что есть в твоей красивой головке.

Ее щеки вспыхнули. Она стиснула зубы.

— У тебя есть результат?

— Видимо, да.

— В этот раз настоящий?

— Да, настоящий. Я же говорил, что вернусь, когда будет результат, так? Юмей обнаружил активное присутствие ками в храме Изанами в месте, которой зовется Кигику.

Город Кигику был на сорок миль юго-западнее Кироибары, меньше часа езды. Она заломила руки, сердце оглушительно колотилось. Изанами, женщина и Аматсуками, ками земли.

— Она точно там? — уточнила Эми.

— Вот тут проблема, — он стряхнул грязь с черного рукава. — Юмей уверен, что в храме есть ками, но нет способа проверить, что это Изанами, ведь он с ней не говорил. Это уже делать тебе.

— Но это должна быть она, да? С чего другому ками быть в ее храме?

— Мы так и подумали. Думаю, стоит проверить, — он отряхнул руки. — Он хочет последить еще немного — точнее, его вороны — чтобы убедиться. Он советовал нам идти туда завтра.

— Завтра?

— Я говорю тебе сейчас, чтобы ты успела придумать, как нам туда попасть?

— Я? — она прищурилась, глядя на него. — Я думала, по сделке ты отведешь меня к Аматсуками, а не иначе.

— Я мог бы тебя отвести, но придется идти через горы, — он ухмыльнулся. — А мы уже видели, как ты ходишь.

Она будет целый день идти в Кигику, а потом еще день обратно. Нужно придумать что-то другое.

— Но ты со мной все равно идешь? — спросила она.

— Это часть сделки.

— А Юмей?

— Вряд ли. Ему не нравится делать что-то для человека.

Она рассеянно кивнула, задумавшись. Из Кироибары в город южнее, Кигику, шли поезда и автобусы, но на них требовались деньги. Она никогда не тратила деньги. Она все время была в храмах. Эми задумалась о вариантах. Воровать не хотелось.

Она чуть не забыла о Широ, но тут его челюсть захрустела от широкого зевка. Она посмотрела на него, прогнав остальные мысли.

— Почему ты такой грязный?

— Я же говорил, Юмей нашел мне дело.

— И что ты делал?

— Управление сотней ворон для поиска Аматсуками требует много внимания, так что он отправил меня разбираться с *они*, — он улыбнулся, сверкнув острыми клыками. — Я сокращал их число на их же территории.

Она посмотрела на его грязный вид.

— Похоже, при этом и они тебе преподали урок.

Он отмахнулся.

— Пару раз их было больше, чем нужно, только и всего.

— Их было больше, когда я была с тобой.

— Намного больше.

— Ясно. Когда ты в последний раз ел?

— Только что?

— До этого.

Он пожал плечами.

— Когда ты спал в последний раз?

Он снова пожал плечами.

Она не видела его три дня, а он, похоже, не спал и не ел за это время. У ёкаев, может, и не было смертного тела, о котором нужно заботиться, как о человеческом, но она была уверена, что такое ему все-таки требовалось.

— Ты не умеешь заботиться о себе? — она не дождалась ответа и поманила его за собой. — Иди за мной.

Он вскинул брови, но оттолкнулся от стены и пересек комнату. Она открыла дверь и выглянула в коридор. Ишида и другие каннуши прибывал через пару дней, и Фуджимото с Нанако были заняты, очищая храм. Дом был пустым еще на пару часов. Она должна была медитировать, молиться, просить прощения за свое поведение на этой неделе, но они не знали, что она сделала на самом деле.

Она провела его по коридору и открыла дверь. Широ посмотрел поверх ее плеча на ванную.

— Смой грязь, а потом погружайся в воду, — сказала она, указав на душ рядом с ванной. — И отдай мне косодэ. Я могу постирать это вместе со своим кимоно. А вот с хакама ничего не выйдет, у меня нет ничего черного, да и нет времени на две стирки.

Он уставился на нее, потеряв дар речи. Она выжидающе смотрела на него.

— Я могу позаботиться о себе и без твоей помощи, — холодно сказал он. — Мне это не нужно.

Она фыркнула, уже размышляя, как убрать кровавые пятна с белой ткани.

— Я предлагаю не из жалости, Широ. Просто я не хочу провести с тобой завтра, пока ты в таком виде.

Он не отвечал, она подняла голову. Его мрачное выражение лица вызвало у нее удивление. В его глазах блестел гнев и... подозрение? Она чуть не спросила, что такого подозрительного, а потом вспомнила его слова о том, что нельзя доверять доброте людей. Он пытался понять, в чем уловка, насмехается ли она над ним или обманывает и манипулирует...

— Я знаю, что тебе не нужна моя помощь, — тихо сказала она. — Я не просила тебя

нести меня домой, но разрешила, ведь так было проще. Так тоже проще. Прошу, прими.

Он стоял в коридоре, стиснув зубы, поджав уши, и разглядывал ее лицо. Вздохнув, он прошел мимо в ванную, принялся снимать косодэ. Он сбросил его, косодэ съехало по спине, открывая красные раны сзади на его левой руке и плече, его кожа была в старой крови.

— Что случилось? — вскрикнула она и потянулась к его плечу.

Он отпрянул от ее руки.

— Это всего лишь царапина.

— Она не промыта. Нужно...

— Это *пустяки*.

Она застыла от его ледяного тона, его голос был опасно близко к угрожающему, который она слышала в первую ночь.

— Хорошо, — рявкнула она, выхватила косодэ из его руки. Она попятилась, покинула ванную и задвинула дверь с большей силой, чем нужно.

Негромко ворча, она вернулась в комнату, чтобы собрать свои белые вещи, включая испачканную хаори и кимоно, что было на ней при встрече с Юмеем. Ее охватило раздражение. Ему не нужно было вести себя так грубо. Она всего лишь предлагала помощь. Но он не хотел этого, не хотел быть в долгу перед человеком. Он не верил, что ее доброта лишена скрытых намерений. Может, он пытался защититься.

Она прошла в другую часть дома. В комнате для стирки она несколько минут терла пятна, а потом бросила вещи в стиральную машину. Обычно, камигакари не стирали для себя, но она научилась этому, когда старшая мико крохотного храма, где она жила, повредила спину и нуждалась в помощи. Закончив загружать стирку, она пошла искать на кухне остатки вчерашней еды. С миской мясного рагу и картофеля — такой пропаже Нанако не обрадуется — и парой палочек в руке она вернулась в комнату.

К ее удивлению, Широ уже был там. Он сидел у окна, прислонив голову к стене, волосы растрепались от вытирания полотенцем. Его глаза приоткрылись от звука двери, рубиновые глаза лениво посмотрели на нее.

Ее ноги приросли к полу, не двигались, и странный жар охватил ее. Его раненое плечо отвлекло ее до этого, но в этот раз лишь метеорит, упавший в дом, отвлек бы ее внимание от его обнаженного торса. Она не знала, что мужское тело может выглядеть так... так идеально. Мышцы его плеч плавно переходили в изгибы бицепсов. Тень падала на ямку между ключицами. Плоская грудь и гладкий живот. Темные завязки хакама на его бедрах резко контрастировали со светлой кожей.

Она сглотнула, глубоко вдохнула и отвела взгляд на его лицо. Кривая улыбка приподняла уголок его рта. Ее щеки пылали все сильнее.

— Я... — пропищала она и сглотнула с усилием. — Я принесла еды.

Его взгляд переместился на тарелку в ее руках. Она заставила себя двигаться. Каждый шаг к нему, казалось, повышал температуру в комнате. Протянув руки, она поднесла ему миску.

Удивление блестело в его глазах, когда он потянулся за едой. Его пальцы задели ее ладонь, горячие мурашки побежали по ее руке. Она отпрянула и выронила миску, словно та была раскаленной. Он поймал миску, но палочки упали на его колено.

Она попятилась быстро к двери, едва не убегая.

— М-мне нужно проверить стирку.

Выбежав в коридор, она закрыла дверь и поспешила прочь от спальни, тяжело дыша.

Что с ней такое? Да, он выглядел хорошо. Ее реакция была смешной. Невероятно смешной. Она ушла в прачечную и расхаживала по комнате, строго бормоча под нос. У нее не было пересечений с привлекательными мужчинами в прошлом, потому она так сильно отреагировала на частичную наготу Широ. Она видела до этого парней с обнаженным торсом... на обложках журналов... или издалека. Но не так близко. Не в ее спальне. И не мужчину, что касался ее, нес ее, спасал ее жизнь.

Но он и обманывал ее. Ёкай. Он был ёкаем.

Когда она убедилась, что владеет собой, что не опозорит себя, она вернулась в коридор у спальни. Она замерла у двери, глубоко вдохнула и отодвинула ее.

Широ был там, где и до этого. Рядом стояла пустая миска с палочками, он уже все съел. Его голова была прислонена к стене, но в этот раз он не открыл глаза. Теперь ее разум работал, и она отметила, что раны, что чуть не убили его в их первую встречу, стали слабыми красными следами, что скоро пройдут, а новые раны уже заживали.

Она нерешительно прошла в комнату.

— Широ?

Его левое ухо дернулось к ней, он не реагировал.

Она приблизилась. Он играл с ней?

— Широ?

Его глаза не открывались. Он спал.

Она уперла руки в бока, разглядывая его. Стоит ли разбудить и прогнать его? Она не могла оставить его спать здесь. Если придут Фуджимото или Нанако, они увидят его. Ей стоит прогнать его спать где-то еще. Но где? И, если он уйдет, будет ли спать или снова пойдет охотиться на они по приказу Юмея?

Его косодэ все еще стиралось. Она не могла прогнать его без одежды. Кивнув себе, она прошла мимо него к столу и села. Да, он поспит здесь, пока она не вернет ему косодэ. И нужно, чтобы оно высохло. На это уйдет еще час. Он может пока поспать.

Она взяла одну из книг, которые принесла со старого склада, и начала читать историю камигакари, надеясь, что там найдет еще подсказки насчет правильности руководства каннуши. Ее ладони крепче сжали книгу. Если завтра все пройдет хорошо, ей не нужно будет искать дальше, ведь Изанами расскажет ей, что ее ждет в день солнцестояния. А если это все правда? Сможет ли Эми принять свою судьбу и ждать неотвратимой гибели? Или будет молить kami пощадить ее? Сможет ли она? Хоть ее вели сюда и ложью, могла она отвернуться от своего долга?

Не желая думать об этом, она оглянулась через плечо на Широ. Она минуту смотрела на его мирное сонное лицо, а потом повернула стул, чтобы видеть его было проще. Это был неплохой шанс привыкнуть к виду отчасти раздетого мужчины. Ей нужно лишь привыкнуть. Она смотрела на него только поэтому.

Повторяя это себе, она склонилась над книгой, стараясь не отрывать взгляд чаще, чем через один-два абзаца.

ГЛАВА 14:

Переминаясь с ноги на ногу, Эми старалась не выглядеть виноватой.

Она стояла посреди группы посетителей во дворе храма. В субботние вечера приходили люди из города. Некоторые приходили помолиться, другим нравилось выходить в люди.

Дети играли, бегали к взрослым и от них, подростки сидели на лавочках под священным деревом, обсуждая коллекционные карточки.

Эми шла среди них, стараясь не выделяться. Его длинные волосы были стянуты в плотный пучок, она была в серой вязаной шапке. Она укрывала от снега, падающего с неба, хотя было тепло, и снежинки таяли на камнях под ее ногами.

Она сменила кимоно и хакама на немного не сочетающийся костюм из юбки в складку, части ее старой школьной формы, простой белой блузки, логотип школы она убрала с нее ночью, и шарфа, закрывающего шею и плечи. Получилось только так, ведь в храмах у нее из современной одежды была только школьная форма. Под рукой она несла большую тканевую сумку. Лямки впивались в ее плечо, но она старалась не показывать неудобство.

День угасал, с каждой минутой она нервничала все сильнее. Она отправила Катсуо на выдуманное поручение, Фуджимото был в кабинете, но Нанако ответственно встречала и помогала посетителям. Она стояла у тории и кланялась входящим и уходящим людям. Эми прикусила губу. Ей нужна была толпа, чтобы выйти незамеченной. Почему никто не уходил?

Она нервно поправила сумку. Из нее раздалось низкое рычание.

— Тише ты, — прошипела она и тревожно огляделась, надеясь, что никто не заметил, что она говорит с сумкой.

Она заглянула внутрь. В мешочке были монеты, которые она украла ночью из коробки для пожертвований. Она бы чувствовала вину за то, что украла у Фуджимото и Нанако, но украсть у Аматаэрасу она могла. Ее ками была перед ней в долгу.

Из сумки на нее смотрел рубиновыми глазами белый лис, его уши были прижаты к голове.

— Ты сам сказал мне понять, как отсюда выйти, — прошептала она, стараясь не двигать губами. — Хватит жаловаться из-за того, что тебе не нравится.

Он зарычал снова. Она зажала верх сумки локтем, чтобы никто не заметил, что там лис. Она могла вынести Широ с земель храма, но так его можно было спрятать в поезде.

Она посмотрела на тории. Нанако еще была там. Она нахмурилась в сторону мико и заметила знакомое лицо. Эми выпрямилась и повернула голову.

— Мияко?

Девушка обернулась, хвостик покачнулся. На миг она растерялась, а потом просияла.

— Эми! Я тебя не сразу узнала. У тебя выходной.

— Я... да, у меня выходной.

— Круто! Идешь в город? Я уже помолилась, — она нахмурилась. — Не уверена, что правильно. Ладно. Хочешь, я пойду с тобой?

— О. Да, это было бы отлично.

Она говорила, а большая семья, включая шумных детей, игравших до этого, пошла к тории. Эми огляделась, схватила Мияко за руку и потянула за собой.

— Идем! — она просияла, надеясь, что это не выглядит наигранно.

Громкая группа едва влезала в тории, взрослые улыбались и кланялись Нанако. Эми склонила голову, она шла так, чтобы Мияко шла между ней и Нанако. Они прошли тории, поклонившись, а Нанако уже приветствовала другую семью. Только добравшись до низа лестницы, Эми расслабилась.

— Ты уже была в городе? — спросила Мияко.

— Еще нет.

— Я могу показать тебе его! Там особо нет достопримечательностей, но ты ведь его

вообще не видела, верно?

Эми нервно огляделась, они прошли вторые тории. Она была снова вне земель храма, но впереди была большая группа болтающих людей, и она не очень переживала о ёкаях.

— Ты очень добра, — ответила Эми. — Мне нужно посетить Кигику сегодня. Покажешь мне, где здесь вокзал?

— Не думаю, что на выходных есть поезда в Кигику, — Мияко вытащила телефон, не увидев страх на лице Эми. Ее пальцы задвигались по сияющему экрану. — Посмотрим... Нет поездов, но есть автобус. Отправление через полчаса.

— О, автобус! — она выдохнула с облегчением. — Это подойдет.

— Я могу показать тебе остановку, но с одним условием! — она вскинула палец.

Эми моргнула.

— С каким условием?

— Я тоже хочу поехать! — она улыbnулась. — В Кигику мой любимый музыкальный магазин. Я хотела туда поехать уже несколько недель, но не хотела ехать одна, а друзья не могут тратить весь день на поездку.

— О. Кхм. Мне нужно будет встретиться с родственниками, так что обратно я сегодня не поеду.

— Ничего. Я могу уехать на автобусе сама.

— Я... — она не могла придумать причину, чтобы помешать Мияко. И ей было страшно ехать на автобусе в незнакомый город одной. С Широ, да, но он не считался. — Звучит отлично.

Мияко просияла и принялась подробно описывать гитару, на которую копила со дня рождения. У нее все еще не хватало денег купить ее, но она хотела побывать в магазине и еще полюбоваться ею.

Пока она говорила, Эми кивала, а внутри нее все сжималось от тревоги. Она сбежала из храма, но теперь она была ближе к встрече Изанами и получению правды.

Городок Кироибара устроился меж гор, там было около пяти тысяч человек. Там были две главные дороги, Эми и Мияко пришлось пересечь почти весь город до нужной остановки. Мияко заполняла тишину веселой болтовней, указывала на дома знакомых и другие достопримечательности. Маленькие потрепанные домики обрамляли тихие улицы, но, несмотря на поношенный вид зданий, их владельцы убрали весь снег.

Сесть в автобус было просто, хотя Эми смутилась, заплатив за билет большой пригоршней монет. В автобусе Мияко прошла к длинному сидению в конце. Несколько минут спустя автобус поехал, громко гудел двигатель. Другие пассажиры смотрели в окна или на экраны своих телефонов.

— Фух, — отметила Мияко, расслабившись на своем месте и вытянув ноги в сапогах. — С трудом успели.

— Ага, — Эми осторожно опустила сумку рядом с собой, борясь с желанием проверить Широ. Она отклонилась удобнее. — Как все идет с парнем... Ясу?

— Хмм? О, он пригласил мою подругу, — она вздохнула. — Не важно. Если ему не интересно, я настаивать не буду.

— О, — Эми не знала, как ответить. — Тебе, кхм, не нужен такой парень, — такой ответ считался правильным?

Тихое фырканье из ее сумки почти заглушил шум автобуса.

— Это точно, — Мияко села прямее. — Я думала, что нравлюсь ему. Знаешь ведь, как

парни умеют смотреть в глаза, пока говорят с тобой, хоть и говорят они при этом о ерунде?

— Угу, — знала ли она? Похоже, порой так делал Катсуо. Значит... она ему нравилась? Она считала его внимание желанием добросовестно выполнять долг сохэя и его добротой.

— Ясу всегда так делал. Похоже, я придавала этому много значения, — она убрала волосы с лица. — Не будем о парнях. Как тебе первая неделя здесь?

— Неплохо, — соврала Эми. — Горы красивые и...

Водитель ударил по тормозам. Мияко и Эми дернулись вперед, Эми не успела поймать сумку, она упала на пол, и Широ вылетел с воплем. Эми застыла.

Мияко вскрикнула. Водитель извинился за внезапную остановку, несколько пассажиров обернулись на шум. Их рты раскрылись. Эми скривилась и потянулась за Широ.

— Ого! — просияла Мияко. — Это самая милая собачка в мире!

Эми снова застыла. Собака? Он все еще выглядел как лис с рубиновыми глазами.

— О, милашка! Она не злая? — Мияко схватила Широ и прижала к груди. — О, кто здесь милашка? Да, это ты.

Она села рядом с Эми, крепко сжимая лиса. Широ смотрел на Эми, прижав уши к голове. Она беспомощно смотрела на него.

— Как ее зовут? — спросила Мияко, глядя его по голове. — Она така-а-ая милая!

— Эм, это мальчик...

— Оу, малыш? И как *его* зовут?

— Широ, — вяло сказала она. — Он скромный. Может, я...?

Она потянулась к Широ, боясь, что Мияко не отпустит его. Но девушка мило надулась и дала Эми забрать лиса.

— Какой он породы? — спросил мужчина средних лет в нескольких сидениях от них, глядя на них. Автобус набирал скорость, город остался позади. — Я никогда не видел такую собаку.

— Тут... смешалось несколько пород. Я не знаю точно, — она подхватила сумку.

— О, не нужно его прятать, — сказал пассажир с вежливой улыбкой. — Водитель не против. Ты же не против, Такахаши? — крикнул он на весь автобус.

— С животными нельзя, — отозвался водитель поверх шума двигателя. — Но пока он ведет себя нормально...

— Эм, — пробормотала Эми. — Спасибо...

Широ вырвался и ее рук и прыгнул на сидение рядом с ней. Он сидел, прижавшись к ней боком, и смотрел на других пассажиров, уши то быстро вздрагивали, то прижимались недовольно к голове. Каждый миг он недовольно смотрел на нее.

Мияко и пассажир средних лет обсуждали любимые породы собак, а Эми прислонилась к спинке сидения, пытаясь расслабиться. Хорошо, что никто не понял, что Широ — ёкай, лис. Они или не знали, как выглядят лисы, или он не выглядел для них так, как для нее. Для нее ками и ёкай были реальнее, чем популярные программы, о которых говорили остальные. Но для обычного человека ками были лишь именами, связанными с храмами, где они порой молились, а ёкай были мифами и сказками древности.

За окнами автобуса пейзаж сменился с полей на лесистые горы. Эми напряженно жевала губу. В этот раз ее отсутствие в храме точно заметят. Она оставила записку в комнате, где объяснила, что у нее есть важное дело, что она вернется как можно скорее, но Фуджимото и Нанако — и, конечно, Катсуо с Минору — будут в ярости. А завтра еще и прибудет Ишида...

Мияко вытянула руки над головой, зевнула и повернулась к Эми.

— Я слишком много говорила о своей любви к гитарам. А ты? Как ты развлекаешься, когда не исполняешь работу мико?

Эми вздрогнула.

— Я... толком ничего такого не делаю.

Мияко растерянно моргнула.

— У тебя нет увлечений? Совсем?

— С детства я тратила много времени на дела в храмах, — сказала Эми, осторожно подбирая слова. Широ сидел рядом с ней и, скучая, смотрел на проносящиеся горы, но одно ухо повернулось к ней.

— Но у тебя же есть выходные, как сегодня, — возразила Мияко. — Ты точно что-то делала.

— Обычно я практиковалась... — она замолчала, щеки пылали от смущения. В прошлом ее отказ от всего, что отвлекало ее от дел камигакари, вызывал гордость. Теперь она была растеряна.

Мияко поправила сумку на плече.

— Я не знала, что мико так...

— Не все, — отметила Эми. — Но моя семья тесно связана с храмами, так что мое детство было другим.

Это было не полной ложью, но она меняла правду, чтобы скрыть некоторые опасные факты от Широ.

— Что ж, теперь ты можешь расширить горизонты, — улыбнулась Мияко. — Что тебе интересно?

— Не знаю.

Мияко нахмурилась, задумавшись.

— Как тебе нравится проводить время? В доме или снаружи? Шумно или тихо? Приключения или отдых?

— Я... не уверена, — она бы сказала, что тихо отдыхала в доме, но с этим она была знакома. — Думаю, снаружи мне нравится больше.

Широ тихо фыркнул, не соглашаясь.

— Тогда ты можешь сделать так много! — сказала Мияко, радуясь, что у Эми есть хоть какое-то мнение насчет возможных интересов. — В Кироибара есть красивые парки с дорожками для бега и велосипедов, и я знаю ребят из группы скалолазов. Одному моему другу нравится следить за птицами, а еще можно поехать верхом на лошади. О, и рыбалка. Ты пыталась когда-нибудь рыбачить? Я не люблю, а моему брату нравится.

Эми постаралась управлять выражением лица, пока вяло говорила:

— Это звучит мило.

Дорожки для бега, скалолазание, велосипеды... она даже не знала, как кататься на нем. Она никогда не рыбачила. Всех этих простых вещей в ее жизни не было. Ее грудь пронзила боль. Как она могла так долго мириться с тем, сколько всего упускала, будучи камигакари? Столько простых радостей она так и не познала. У нее даже не было возможности свободно гулять вне земель храма.

Она отвернулась от Мияко и поправила край юбки на коленях. Она еще многого не испытала, но вопросы Мияко еще и озарили ее внутренний конфликт. Эми жаловалась, что никто не видит в ней человека, только камигакари, но она не понимала, что и сама так себя

вела. Она так привыкла думать о себе, как о камигакари, что теперь осознала нечто ужасное: она не знала, кем была.

Эми-камигакари она знала хорошо, но девушка Эми была ей не знакома. Что ей нравилось? Чего она хотела? Какими были ее интересы? Что ее беспокоило?

Она не знала. Она смогла лишь сузить круг словом «снаружи». Что это такое? Может, она не многое потеряет, когда Аматаэрасу заберет ее тело, она давно отбросила себя, чтобы стать камигакари.

Они вышли из автобуса в центре Кигику, их окружили высокие здания с офисами и широкие тротуары. Кигику был меньше, но напоминал ей Шион — город, где она провела первые семь лет жизни камигакари. В городах была энергия, которой, к ее удивлению, ей не хватало. Проносились мимо машины, постоянно шумя, люди шли по тротуарам, создавая коллаж из меняющихся цветов под яркими огнями вывесок.

Мияко уверенно вела их. После восхищений и нескольких замечаний от других пешеходов, что Эми стоит вести собаку на поводке, она сунула Широ в сумку и понесла. Эми смотрела на прохожих — рабочих мужчин в костюмах и женщин в строгих юбках и на стучащих каблуках, учеников в одинаковой форме, но порой с дикими прическами причудливых цветов, мам с маленькими детьми, спешащих по переходу.

Ей было интересно, какая жизнь у каждого из них, что их тревожило, что радовало. Каким был мир без ками, ёкаев и камигакари?

Музыкальный магазин устроился между кафе и обувным магазином. Мияко потащила Эми по рядам инструментов, и они остановились у стены с гитарами. Она указала на тонкую электрогитару с сияющими серебряными частями и красной основой, темнеющей почти до черного к краям.

— Разве она не прекрасна? — пропела девушка. — Если тетя заплатит мне за покраску комнаты в следующем месяце, а мама даст мне денег вместо подарка на Рождество, то я смогу купить ее в январе вместо моей простенькой гитары.

Эми смотрела на инструмент, восхищаясь фактурой дерева под сияющей красной краской.

— Красивая.

— Это ты ее еще не слышала! Она невероятная. Тона просто... ах, крутые. Намного лучше, чем у моей гитары. Она хорошая для начинающих, но...

Мияко принялась сравнивать два инструмента, а Эми с трудом сохраняла улыбку на лице. Она не сможет услышать, как играет на новой гитаре Мияко в январе, потому ее не будет, в ее теле будет жить ками. Будет ли Аматаэрасу ее ушами слушать красивую музыку? Будет ли пробовать вкусную еду, ощущать нежное прикосновение утреннего солнца на человеческой коже? Будет ли Аматаэрасу ценить мелочи, которые Эми потеряет, или то, что она так не попробовала? Или она будет слишком занята делами Аматасуками, чтобы думать о глупых занятиях смертных?

Мияко предложила пойти в соседнее кафе для ужина, Эми густо покраснела и сказала, что ей не хватит денег. Мияко настояла, что она угостит ее, не слушала отказов и потащила ее внутрь. Возмущения Эми, что Мияко нужно копить на гитару, никто не слушал, и она сдалась.

Эми старалась сохранять бодрый вид, не желая, чтобы Мияко подумала, что она неблагодарна. Она не была в ресторане с детства, с момента, когда Аматаэрасу отметила ее. Она долго разглядывала меню, пытаясь выбрать что-то безопасное, подходящее для ее диеты

камигакари, но выбрала гамбургер в западном стиле. Одно нарушение ограничений не повредит ей, в этом она была уверена, так почему бы не попробовать?

Когда еду принесли, Эми минуту разглядывала еду и вдыхала ароматы. Было уже странно держать еду руками, и Мияко рассмеялась при виде лица Эми, когда та попыталась изящно откусить первый кусочек. Мияко доела раньше Эми, но весело общалась, порой давая кусочки еды Широ, сидящему под столом.

Долг и честь требовали от Эми исполнить ее судьбу камигакари, несмотря на свои потери, несмотря на ложь и обман. Но, пока она медленно жевала каждый кусочек, наслаждаясь новыми вкусами, она надеялась сильнее, чем когда-либо раньше, что правда, которую она услышит от Изанами, сделает груз потери на ее душе легче.

* * *

Темнота укутала город Кигику час назад. Эми шла по улице, Широ бежал рядом с ней в облике лиса. В городе не было столько снега, как в Кироибара и храме Шираюри, осенние листья местами лежали на сухих улицах. Через равные промежутки стояли фонари и озаряли тротуар теплым светом.

Она с тревогой задумалась, в правильную ли сторону они идут. Она не спросила у Мияко направления, когда они расстались после ужина, ведь боялась, что девушка решит пойти с ней, но прохожие, у которых она спрашивала, указали ей в эту сторону.

— Разве мы не должны были уже прийти? — пробормотала она.

Уши Широ дернулись, но он не замедлился. Нервы покалывало, она была готова кричать от напряжения. Несмотря на ее бесчисленные молитвы Аматаэрасу, она никогда не говорила с ками до этого. Она и не видела ками во плоти.

— *Кар.*

Эми подняла голову. Из тьмы вылетела ворона и приземлилась на фонарь, склонила голову. Эми нахмурилась. Юмей использовал ворон, чтобы следить за ними? Она ускорила шаги, оставила ворону позади, а та полетела, обогнала их, опустилась вдали и ждала.

Напротив фонаря, где сидела ворона, стояли четыре огромных красных тории друг за другом, отмечая земли храма. За ними поднималось несметное количество ступенек, поднимающихся по холму среди парка с множеством деревьев. Каменные фонари на столбиках озаряли тропу.

Она заметила краем глазом вспышку света. Широ изменил облик и размял плечи, словно у него затекли мышцы.

— Что ты делаешь? — прошипела она. — Кто-нибудь тебя увидит!

— Люди видят только то, что хотят, — отмахнулся он. — Потому они видели собаку, а не лиса в автобусе. Ты меня видишь таким, какой я есть, потому что твои глаза открыты духам.

— Но... — она тревожно огляделась, но тихая улица была пустой. Но она не видела причины задерживаться тут. Она прошла к первым тории, низко поклонилась и прошла под ними. Теплая сила коснулась ее ног, покалывая. Она тревожно посмотрела на ноги, не зная, нормально ли это. Может, в храмах, где присутствовали ками, ощущения отличались.

Сила угасла, другая волна поднялась уже в ней. Горячая сила пульсировала в груди, звенела в ней, как колокол. Предупреждение гремело в ее голове. Она прижала ладонь ко лбу, сердце сбилось с ритма. Внезапный страх... был не ее. Ощущение было таким, как странное предупреждение Аматаэрасу, которое она ощутила во время молитвы в первую ночь в храме Шираюри. Аматаэрасу пыталась ее предупредить?

Или пыталась запугать, чтобы она ушла? Может, Амагэрасу не хотела, чтобы она знала правду. Она мрачно пошла по ступенькам. Широ беззвучно следовал за ней.

— Как люди терпят запах? — проворчал он.

Оглянувшись, она заметила, что он озирается, морща нос.

— Какой запах?

— Выхлопные газы, химия и мусор. Я чувствую запах даже среди деревьев. Города людей прогнили.

Она вскинула брови и пошла дальше по лестнице.

— Я не думала, что ёкаям нравятся города.

— Обычно не нравятся. Хотя большие парки не так и плохи. Ёкаи, которым нравится простая добыча, часто там бывают, — он улыбнулся ей, но скорее для того, чтобы показать острые клыки, чем выражая эмоции. — Люди не так часто ходят вглубь лесов, так что голодные ёкаи идут к ним.

Она не дала отвращению проступить на лице, не желая радовать его.

— Ты часто ешь людей?

Широ не успел ответить, это сделал другой голос:

— Только низшие из нашего вида едят человеческую плоть, — тихий голос без эмоций донесся из темноты.

Она застыла и огляделась. Юмей вышел из теней на ступеньки выше нее, его черные косодэ и хакама сливались с ночью.

— Те, у кого есть своя сила, — продолжил он, — не нуждаются в поглощении людей, чтобы поддерживать свою ки с помощью их энергии.

— Потому ёкаи едят людей? — спросила она, не позволяя себе убежать от Тэнгу. При виде него зажившая шея болела. — Вы едите и их ки?

— Нам не *нужно* есть людей, — сказал сзади Широ, — но любой ёкай может сделать исключение ради такой чистой ки, как у тебя.

Не слушая его, она спросила Юмея:

— Зачем ты здесь? Я думала, ты не придешь.

— Он здесь, чтобы убедиться, что я не обману его, не оплатив долг, — сказал Широ и прошел мимо нее к Юмею. Он взглянул на нее, его глаза вспыхнули на свету алым. — После того, как ты снимешь оненджу.

Она подозревала, что Юмей здесь, чтобы убедиться, что он снимет оненджу, как и обещала. Несмотря на его слова, Широ явно знал, что Тэнгу будет здесь. Еще одна ложь, но она не хотела на это указывать. Если ей повезет, она расстанется с обоими ёкаями через час.

— Как только закончится моя встреча с Изанами, я сниму оненджу, — сказала она Широ. — Так покончим с этим?

Он пошел по ступенькам рядом с Юмеем. Она смотрела, идя сзади, как его уши вздрагивают от любого мелкого звука, и подозревала, что он напряжен не меньше нее. Если она снимет бусы с его руки, его судьба изменится. Может, ей стоит попросить у Изанами защиты. Она не думала, что Широ нападет на нее, как только она снимет с него оненджу, но она не была уверена. Она не забыла, что он обманул ее, соврал ей и дал Юмею ранить ее. Но она не могла представить, что ёкай, который нес ее домой, дал покормить себя и уснул в ее спальне, убьет ее в конце сделки.

Еще одни тории возвышались над ступеньками. Широ и Юмей замерли перед ними и подвинулись, открыв ей проход между ними. За тории виднелся храм — комплекс

соединенных зданий с красивыми изогнутыми крышами. Храм был не таким впечатляющим, как храм Аматэрасу в Шионе, но не сильно уступал.

Она прошла мимо ёкаев к тории и остановилась, низко кланяясь. Глубоко вдохнув, она прошла еще одни ворота. Ноги снова окутала покалывающая сила, а за ней вспыхнул страх в метке камигакари. Она не обратила на это внимания и обернулась.

Широ и Юмей стояли на ступеньках ниже тории, красные и серебряные глаза смотрели на нее.

— Ждите здесь, — она сняла шапку и шарф и бросила Широ. — Я вернусь, как только поговорю с Изанами.

— Точно? — слова были тихими и опасными.

— Да, — сказала она, выдержав испытывающий взгляд. — Я приду. Я выполню свою часть сделки, Широ.

Он изучал ее взглядом, а потом кивнул. Она повернулась ко двору.

— Эми?

Она оглянулась на него, удивившись странной ноте в его голосе.

Он посмотрел на зал поклонений.

— Осторожнее. Ками обманывают лучше, чем ёкаи.

Она моргнула.

— Я... буду осторожна. Спасибо.

Нервно облизнув губы, она еще раз посмотрела на него и Юмея, а потом пошла по двору. Замерев у фонтана, она с помощью отполированного бамбукового черпака вымыла руки и ополоснула рот. Ее шаги стали неуверенными, когда она подходила к залу. Фонари висели под крышей, озаряя пустой двор. Она миновала большие статуи кома-ину, поднялась по ступенькам, истоптанным тысячами ног, и посмотрела на рисунок на дереве, где была Изанами — красивая женщина с длинными черными волосами, горы поднимались вокруг нее. Изанами земли.

Она прошла мимо коробки с подношениями и колокольчиком, где молились посетители. Высокие двери за ними выглядели как часовые.

Двери никогда не открывали, это делали только каннуши и мико храма. Она огляделась, ожидая, что ее остановят. Приоткрыв дверь, она заглянула в темную комнату. Она нервно прошла внутрь.

Темная и пустая комната во все здание терялась в тенях. Оставив дверь приоткрытой, чтобы впустить немного света, она нерешительно прошла внутрь. Ее обувь стучала по деревянному полу. Изанами была здесь. Эми не нужен был Юмей, чтобы убедиться в этом, божественная сила ками исходила от каждой поверхности, от земли и деревьев, от пола и стен.

Тени закрывали дальний конец комнаты, но, когда она приблизилась, свет из открытой двери словно дотянулся туда. Она постепенно увидела возвышение. Искусно вырезанный храм был во всю стену, в центре было большое овальное зеркало — шинтай, через который Изанами могла передавать силу, когда ее здесь не было.

Эми отвела взгляд от зеркала и увидела то, чего не было миг назад: фигура в тени сидела неподвижно на возвышении перед этим храмом.

— Кто пробрался в храм Изанами, Аматсуками земли?

Властный голос раздался слева. Она застыла, а тени зашевелились, и она увидела человека у стены перед возвышением. Другой человек стоял напротив говорящего, тоже

одевший в черный наряд каннуши.

Она взглянула на фигуру на возвышении, та безмолвно смотрела, была лишь темным силуэтом в тенях. Опустившись на колени, Эми склонилась.

— Прошу меня простить, — сказала она, дрожащий голос отражался эхом по комнате. — Я пришла просить встречи с Изанами.

— Кто ты, чтобы требовать такое? — рявкнул говорящий.

— Я... Кимура Эми, мико Аматэрасу. Я пришла...

— Как смеет мико Аматэрасу пробираться в чистый внутренний храм Изанами?

Эми скривилась, все еще кланяясь.

— Ты не имеешь права быть здесь, — строго сказал каннуши. — Ты...

Он замолк. Эми медленно подняла голову. Фигура на возвышении подняла руку, прерывая каннуши.

— Подойди, Кимура Эри, — прошептала фигура.

Эми поднялась и прошла вперед. Свет снова переменился, тени пропали. Она застыла.

Человек, сидящий на подушке, скрестив ноги, облаченный в официальное кимоно, смотревший на нее темными понимающими глазами, не мог быть Изанами. Изанами была женщиной, а там сидел мужчина.

ГЛАВА 15:

— Вы... не Изанами, — сказала она. Ее голос дрогнул на имени Аматсуками, разочарование было так велико, что она чуть не рухнула.

— Я Коянэ, — сказал мужчина. Сила дрожала в каждом слове, отдавалось трепетом в ней. — Я — подданный госпожи Изанами и занимаюсь ее делами, когда она отсутствует.

— Вы ками?

— Да, — он тепло улыбнулся. Его лицо было гладким, без морщин. Длинные черные волосы были стянуты высоко на затылке, гладкий хвост ниспадал на спину. Слои официальной одежды — кимоно, хакама, длинная хаори — оттенков бордового и коричневого лежали на возвышении вокруг него. Она смотрела на него и понимала, что смотрит на человеческое тело, занятое ками. Если руководство каннуши не врало, человек, на которого она смотрела, уже не существовал, его место заняла ками. — Подойди, дитя, и скажи, что привело тебя из храма Аматэрасу сюда.

Она медленно подошла к возвышению, опустила на колени перед ступенькой, скрестила руки на коленях. Она жалела, что не взяла форму мико, ее современная одежда казалась неуместной. Взглянув на Коянэ, она опустила голову, было неприлично смотреть в глаза ками.

— Я пришла поговорить с Изанами, — медленно сказала она. Хотела ли она узнать правду от нег? Предательская мысль осталась в ее голове с тех пор, как она озвучила свою просьбу Широ: если Аматсуками подтвердит, что она погибнет в день солнцестояния, она будет просить спасти ее? Она еще не решила, хочет ли просить о таком. Если она попросит, будет понятно, что она не такая благородная, какой хотела быть, что она слишком эгоистична, чтобы пожертвовать своей жизнью. Пока она не спросила, она еще могла держаться за надежду, что все не будет так плохо.

— Скажи, что тебя тревожит, дитя, — прошептал нетерпеливо Коянэ. Когда она подняла голову, он снова тепло улыбнулся.

— Я... — она замолчала, посмотрела на двух каннуши, безмолвно глядевших на нее.

— Это мои подданные, — сказал Коянэ, понимая ее замешательство. — Они действуют только так, как я хочу.

Каннуши тоже были ками? Может, слабыми ками, она не ощущала от них силу так, как чувствовала ее от ки Коянэ, как жар от огня. Его присутствие затмевало всех, как солнце, его нельзя было игнорировать, оно отличалось от всех ёкаев, каких она видела, но было похоже с силой, что наполняла ее, когда она молилась.

Тревога наполнила ее изнутри. Предупреждение Аматаэрасу билось в такт с ее пульсом в голове, но она не обращала внимания.

— Я — камигакари Аматаэрасу, — сказала она. — Я пришла к Изанами в поисках правды о камигакари.

Тишина в комнате была давящей. Ки Коянэ окружила ее и утихла. Присутствие Аматаэрасу в ней тоже притихло, словно Аматаэрасу ждала того, что скажет Коянэ.

— Правды? — настороженно повторил он.

Эми зажмурилась. Ее голос дрожал от едва сдерживаемых эмоций.

— Я посвятила всю жизнь Аматаэрасу даже до того, как стала камигакари. Я оставила все — семью, друзей, свободу, независимость — чтобы быть лучшей камигакари для Аматаэрасу, потому что думала, что, когда она спустится, мы разделим мое тело, и мы будем жить дальше вместе.

Она открыла глаза и посмотрела на Коянэ.

— Недавно я узнала, что разум и душа камигакари будут разрушены, когда спустится Аматаэрасу. Мне нужно знать. Это так?

Он смотрел на нее без удивления. Ее сердце сжималось в груди, лед сковывал его.

— Печально, что слуги Аматаэрасу решили обмануть тебя, дитя, — сказал тихо и сочувственно Коянэ. — Мне жаль это говорить, но ты узнала правду.

Отчаяние заставило ее склонить голову и бороться со слезами.

— Это трагическая необходимость, — прошептал ками. — Если бы мы могли избавить наши сосуды от такой судьбы, то так и сделали бы. Жертва камигакари велика, и не знать, на что ты подписываешься... тебе точно обидно, дитя.

Она кивнула безмолвно, стараясь держать себя в руках. Коянэ подтвердил ее худший страх, она не знала, что делать. Надежда, что книга была с ошибкой, поддерживала ее в эти дни. А что теперь? Принять судьбу? Молить о пощаде?

— Осталось лишь несколько недель, — задумчиво сказал он. — Как печально.

Он поднялся на ноги, длинная хаори зашуршала по полу за ним. Сойдя с возвышения, он жестом попросил ее встать. Она в смятении поднялась, колени дрожали из-за эмоций внутри нее.

— Дай мне увидеть метку камигакари, дитя.

С растущим смятением она расстегнула верхние пуговицы блузки и открыла ее. Черная метка выделялась на коже. Она пыталась не краснеть, пока он смотрел на ее грудь. Она вздрогнула, когда он протянул руку, но он просто подцепил пальцем шнурок омамори. Он поднял талисман, чтобы он завис над ее грудью.

— Омамори, чтобы скрыть ки? Конечно. Умно. Прости, дитя, но я не могу ощутить присутствие Аматаэрасу, пока на месте этот талисман, — одним пальцем придерживая шнурок, он вытер большим пальцем слезу с ее щеки, она не понимала, что плачет. — Ты очень страдала, да, дитя? Пройти из Шиона, надеясь, что Изанами откроет тебе другую

правду.

— Не так, — пробормотала она, застегнув пару пуговиц, хотя он все еще держал омамори. — Я была в храме Шираюри в Кириобара.

Он медленно и задумчиво кивнул.

— Маленький храм, где тебя и не подумали бы искать, — пробормотал он. — Слуги Ааматэрасу поумнели.

Отпустив шнурок, дав талисману упасть на ее грудь, он нежно обхватил пальцами ее подбородок.

— Умные, но не осторожные. Позволили такому уязвимому сокровищу убежать от их защиты.

Тревога теперь уже принадлежала ей, окутала ее, как зимний ветер.

— Сколько страданий и боли, — он вздохнул и повернул ее голову в сторону. — Ты была такой смелой, дитя. Хочешь освободиться от судьбы камигакари?

Она застыла. Освободиться? Она не хотела спрашивать. Когда он подтвердил правду, вопрос сдавил ее горло, но она подавила его, отрицая. Трусость и эгоизм появятся в ее жизни, если она оставит долг.

Но теперь он предлагал освободить ее, и желание выжить вспыхнуло в ее теле.

— Я вижу это в твоих глазах, — заявил он. — Ты хочешь свободы, Кимура Эми. Я выполню твою просьбу, хоть ты и слишком смелая, чтобы озвучить ее.

Слезы лились по ее щекам, но она не знала, родились они от страха или облегчения.

— Я... не...

Он нежно улыбнулся, крепче сжал ее подбородок. Свет ярко вспыхнул под его пальцами, сила прошла по ней, обжигая, как огонь. Она уже не лепетала, рот раскрылся в беззвучном крике. Она была парализована.

— Ты милая, камигакари, — сказал он, пока она стояла, застыв. — Чистая и невинная.

— Что... — выдохнула она с хрипом, горло не слушалось. — Что... вы...

— Что я делаю? — он погладил пальцами ее щеку, и она не могла даже отпрянуть. — Я исполняю твоё желание, дитя. Освобождаю от судьбы камигакари.

Он склонился так близко, что она ощущала его дыхание на своей щеке.

— Метка камигакари связана с твоей ки. Чтобы исполнить твоё желание, я должен погасить твою ки. Ты будешь свободна от всего.

Ее кровь стала ледяной. Погасив ки, он погасит и ее жизнь. Он говорил, что убьет ее. Он собирался этим освободить ее!

— Н-нет! Я не хочу...

Его ладонь сжалась на ее челюсти, заставляя поднять голову. Она заметила, как его черные глаза пылают в предвкушении.

Тепло покалывало к ней, собиралось в груди. Ее метка пылала. Сила пронзала ее, будто ток бежал по ее крови. Сила ревела в венах и вылетала из нее голубыми молниями.

Коянэ отлетел от нее. Без его хватки она смогла двигаться. Ее руки поднялись сами по себе. Сила окружила руку и полетела к нему еще одной молнией. Он вскинул руки и создал мерцающий щит, отразивший ее атаку.

— Ты не спасешь ее, Ааматэрасу! — проревел Коянэ, вставая на ноги.

Пальцы Эми двигались, рисуя странные узоры в воздухе. Ветер ворвался в комнату, завывая, разрывая все вокруг, Эми стояла в центре бури. Коянэ пошатнулся и упал на колени,

двое каннуши отлетели в стены. Эми повернулась, не управляя собой, и побежала к дверям.

Белый свет озарил комнату, слепя после тьмы. Сияющий круг вспыхнул, путь ей преградил барьер. Эми застыла и развернулась. Коянэ стоял на краю круга, начерченного на полу, его не было видно до этого из-за полумрака.

Он улыбнулся.

— Давно не виделись, Аматаэрасу.

Руки Эми снова поднялись, божественная ки обжигала ее, пылая в крови. Коянэ хлопнул ладонями по еще одной линии на полу.

Зажегся второй круг, полный незнакомых узоров, — маругата. Линии вокруг нее пылали белым. Сила лилась из круга в нее. Она закричала, сила терзала ее и ки. Тело выгнулось, ноги поднялись над полом, а чары растекались по ней. Маругата был для сдерживания ками.

Коянэ встал, сдержанно улыбаясь. Линии ярко сияли вокруг и внутри нее. Он прошел в круг, и ему он не вредил.

— Аматаэрасу, — он вздохнул. — Как тщетны были твои попытки последние сто лет. И ты позволила своей камигакари пойти на верную смерть за пару недель до твоего нисхождения? Ты всегда была самой слабой и глупой среди Аматасуками. Удивительно, что ты смогла применить столько силы руками этой жалкой девочки.

Она стиснула зубы, несмотря на боль. Жаркое присутствие Аматаэрасу угасало, его сжигал маругата.

— Но ты мне сильно помогла, — продолжил ками, его голос стал шепотом. Голодное предвкушение проступило на лице. — Этот сосуд полон твоей ки... я чувствую энергию в ее венах.

Его пальцы снова сжались на челюсти Эми, поднимая ее голову, пока она не увидела его черные глаза.

— Я уже могу ощущать вкус, — прошептал он.

Он опустил голову, пальцы впивались в ее щеки, он накрыл ее рот своим.

На миг она запаниковала, подумав, что он поцелует ее. А потом он вдохнул.

Ее дыхание покинуло легкие. Боль пронзила все внутри, будто он отрывал душу от ее тела. Он вытягивал из нее дыхание и ки, выпивал жизнь из ее тела.

Ее терзала агония. Она погибала, дух угасал, жизненная сила уменьшалась с каждой секундой. Она не могла двигаться, дышать, кричать. Слабость растеклась по телу. Онемение сковало ноги. Боль стала сильнее, и все перед глазами угасало, сияние маругата тускнело.

Вокруг нее вспыхнули оранжевые огни.

Коянэ отпустил ее, чары, удерживающие ее на месте, разрушились. Боль пропала, сменилась невероятной тяжестью, и она рухнула. Руки обхватили ее раньше, чем она ударилась об пол, прижимая ее к теплой груди.

— Ёкай? — прорычал Коянэ. Пауза, и он рассмеялся. — Кицунэ! Ты пришел умирать, дурак.

Она была в руках Широ, на нее давила невероятная тяжесть. Что именно? Почему он так не страдал? Она не понимала. Ах. Тяжестью было ее собственное тело. Такое тяжелое. Она не могла двигаться. Руки и ноги онемели. Легкие едва удавалось наполнять воздухом.

Широ выпрямился. Ее голова дернулась, а глаза были открытыми только потому, что на их закрытие требовались силы. Все было размытым, она не могла сосредоточить взгляд. Все силы уходили на дыхание.

— Удивительный поворот судьбы. Ёкай вынужден спасти мико от ками, — отметил

Широ. — Что ты за дух на самом деле?

— Такие жалкие существа, как ты, не достойны моего гнева, даже если пытаются оскорбить, — Коянэ поднял руку. — Умри, гадкий зверь.

Энергия сорвалась с его ладони к Широ вспышкой света. Мир вокруг Эми завертелся. Широ отскочил. Приземлившись, он прыгнул к дверям, она висела, обмякнув, в его руках.

— Убейте его! — рявкнул Коянэ двум своим подчиненным. — Девчонку оставьте мне.

Двое ками побежали на Широ, Коянэ шагнул, подняв руки для атаки.

Ки ёкая искажала воздух, в комнате стало темнее. Тени вокруг них ожили, трепетали по углам, как черный огонь на сильном ветру. Ками замешкался.

Огромная черная тень пролетела над головой Широ. С оглушительным криком большой ворон бросился на Коянэ, вытянув когти. Ками схватил лапы ворона руками, остановив когти недалеко от своей груди. Белый свет вылетел из его ладоней, черный огонь — из лап ворона. Две силы боролись вспышками.

Широ прыгнул, пол, где он стоял, разбился. Ближайший подчиненный ками выхватил меч из ножен на бедре, лезвие сияло белым.

Ворон издал еще один резкий крик. Черные крылья развернулись в трепещущей тьме, вороны из тени появлялись, вспыхивая красными глазами. Они окружили двух ками, хоть были и не плотными, они ранили лица и руки ками.

Широ развернулся и побежал к двери. Он вырвался во двор и помчался, мимо проносились деревья. Его руки были железными оковами вокруг нее, крепко сжимали ее. Она хотела, чтобы у нее были силы сказать ему ослабить хватку. Было так сложно дышать.

Она не понимала, сколько прошло времени. Она не знала, прошла минута или час, когда он остановился, тяжело дыша. Он опустил ее на землю, опавшие листья зашуршали под ней. Ее тело было тяжелым, не шевелилось. Его лицо появилось над ней, размытое и в тенях.

— Эми? Ты меня слышишь? — безумная нота в его голосе удивила ее. — Эми, ответь.

Он коснулся ее щеки. Его рука казалась огненной на ее холодной коже.

Воздух засвистел, тени мелькнули перед глазами. Появился Юмей. Он склонился над ней с другой стороны.

— Он украл ее ки, — от гневного рычания Широ она задрожала бы, если бы у нее были силы. — Зачем он это сделал?

— Ками хотят силы, — Юмей коснулся ее горла, прижал пальцы к пульсу. — Он забрал слишком много. Ее жизнь угасает.

Сожаление вспыхнуло в Эми. Ах, так она умирает? В ее теле не хватало ки, чтобы поддерживать жизнь. Почему Коянэ так поступил с ней? Какая глупая смерть. Ей стоило дожидаться солнцестояния. Широ говорил, что ёкаи поглощали людей ради их ки, но она не представляла, что ками решит украсть ки, да еще и из живого человека, с таким видом, будто это было невероятно вкусно.

— Она не может умереть, — прорычал Широ.

— Мы найдем другой способ разрушить проклятие оненджу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тишина.

— Я искал годами. Она — моя единственная надежда.

— Если хочешь, чтобы она жила, — сухо ответил Юмей, — то возмести ее ки своей.

Решай. Ками идут.

Ее грудь болела, пульс оглушал уши. Ее глаза закрылись. Время снова не ощущалось.

— Ты мог бы... — начал Широ.

— Не буду. Делай это сам, или она умрет.

Широ зло зашипел.

— Я никогда не давал ки человеку. Сколько...

— Лишь прикосновение. Перегнешь, и твоя ки ёкая разрушит ее. Медленно. Смертные выдерживают меньше, чем ты думаешь, — пауза. — Они близко.

— Задержишь их?

Юмей фыркнул. Быстрые шаги зашуршали листьями и утихли. Рука Широ скользнула под нее, подняла за плечи с земли, он уложил ее на свои колени. Теплая рука поддерживала ее шею, подняла голову.

— Я не дам тебе умереть, — прошептал Широ, его голос был очень близко. — Прости.

Он повернул ее лицо к себе, его осторожное дыхание согревало ее ледяные губы. Он осторожно прижал губы к ее губам, его прикосновение было нежным, отличалось от того ками. Он не забирал ее жизнь. Он вдыхал в нее жизнь.

Тепло и сила следовали за его дыханием. Было слишком жарко. Ки пронеслась по ней. Она замерла от боли, вскрикнула в его губы. Его рука на ее шее удерживала ее на месте, он снова вдохнул в нее свою ки. Вторая волна была мягче, не так сильно обжигала. Тепло расходилось по телу, согревая онемевшие конечности. Тяжесть становилась все меньше, давление на грудь ослабевало.

Жизнь снова наполнила ее, тень смерти, подобравшейся так близко, рассеялась. Она была жива.

Его губы были теплыми и нежными. Она не знала, как это случилось, когда это случилось, но он уже не передавал ей силу, от прикосновений его губ в ней появился другой жар, который растопил все внутри нее и заставил сердце быстро колотиться.

Его губы нежно двигались поверх нее. Из ее головы пропали мысли, кровь бежала по венам, в ней вспыхнуло желание. Она могла лишь висеть в его руках, затерявшись в этом странном и чудесном ощущении, пока он целовал ее. Ее рука сама поднялась и коснулась его волос. Боясь, что он остановится, она запустила пальцы в его волосы и притянула его голову чуть ближе.

Он сильнее прижался к ее губам, поцелуй стал глубже, голодным. Жаркое желание пульсировало в ней, она безумно дышала в его рот, крепче сжимала его волосы рукой.

Он отпрянул и вскинул голову. Она растерянно моргала.

Юмей появился из теней, десяток ворон пролетел мимо него, хлопая крыльями.

— Я задержал их, — сухо сказал он, — но они решительно настроены. Меньшие ками слабы, но их лидер так силен, что его так просто не одолеть. Нужно уйти в безопасное место.

Широ подхватил ее на руки.

— Куда?

— За мной.

Юмей побежал в деревья так быстро, как и его вороны, хоть он был без крыльев. Широ бросился за ним. Эми держалась за его плечи, в ее голове запутались мысли, вскоре сменившись бессловесным гудением. Адреналин от ее возвращения угас, оставив неприятную слабость. Ее голова покачивалась от каждого его шага, пока она не уткнулась лицом в его плечо.

Она сильно устала. Ослабла. Она не могла держать глаза открытыми.

Лес угас, Широ еще бежал.

ГЛАВА 16:

Голоса доносились неразборчиво сквозь туман сна.

— ...точно не был Изанами, — говорил Широ. — Но он был силен.

— Он может быть подчиненным Изанами, — ответил Юмей тихо, слова были едва шепотом. — У Аматсуками много генералов и слуг. Даже у Кунитсуками порой есть подчиненные, хотя обычно они избегают таких отношений.

Широ зарычал.

— Кем бы он ни был, зачем убивать мико другой Аматсуками?

— Может, девочка нарушила какие-то правила, — сказал Юмей, не звуча заинтересованно. — Может, ее странное желание встретить Аматсуками оскорбило его.

— Но убивать за это?

— Может, он хотел ее чистую ки. У него были проблемы с равновесием, как я ощутил.

— Красть у мико — трата сил, — возразил Широ. — Для ками ее ки должна быть каплей в колодце силы.

Они говорили, а Эми пыталась прийти в себя, ее словно тянул в океан усталости якорь.

Через миг Широ спросил:

— Тебе не любопытно? Ками убивающий мико?

— Жадность и амбиции встречаются и у ками. Мне интереснее, что мико у него спросила.

Широ хмыкнул.

Она ощущала все лучше и поняла, что лежит на чем-то теплом. А потом он чуть подвинулся, и она поняла, что это Широ. Она лежала на его ноге, как на подушке, ее рука устроилась на его колене.

— Мико просыпается, — отметил Юмей.

Она заставила глаза приоткрыться. Юмей сидел, скрестив ноги, на полу в паре футов от нее. Они были в маленькой пыльной комнате, где был лишь храм у одной стены с пыльным камнем в качестве шинтаи. Она села, щеки пылали. Она не могла смотреть на Широ. Она отодвинулась и прислонилась к стене. Она почти спала на его коленях. А до этого... Она прогнала мысль и изучала взглядом пол.

— Где мы? — прошептала она.

— В храме Инари на окраине города, — ответил Широ. — Ками вряд ли будут искать здесь, а вороны Юмея сторожат нас.

Ее пронзила тревога, Эми вскинула голову. Храм Кунитсуками был не лучшим местом для камигакари.

— Здесь безопасно? Я м-мико Аматсуками, а Инари...

— Здесь нет силы Кунитсуками, — перебил ее нетерпеливо Юмей. — Присутствие Инари давно угасло, защищает это место лишь жалкий офуда человека-каннуши. Но репутация отгонит ками.

— О, — слабо сказала она и прислонила голову к стене. Она прижала запястье ко лбу. — Мне не хорошо.

— Ками выпил почти всю твою ки, — сказал Широ, звуча почти сочувственно. — Было опасно давать тебе еще больше, чем я дал.

Ее щеки вспыхнули от воспоминания.

— Долго я буду восстанавливаться?

— Не знаю. Пару дней? — он с надеждой посмотрел на Юмея, но Тэнгу пожал плечами.

Эми подавила вздох и закрыла глаза. Мышцы казались слабыми, дрожали, каждый сантиметр тела болел, словно у нее была высокая температура. На восстановление уйдут дни?

Но она была благодарна Широ. Ки ками и ёкаев была не совместима. Он не знал, что Эми месяцами, а то и годами, привыкала с ки ками. Если бы Коянэ не выпил всю ки Аматэрасу из ее тела... она не хотела знать, что тогда сделала бы с ней ки Широ.

Тихое потрясение проникло в ее утомленные мысли. В ней текла ки ёкая. Странно, что ее жизнь поддерживала жизненная сила Широ.

Несмотря на ее попытки не думать об этом, она вспомнила, как он делился с ней силой. То, как прикосновение его губ к ее из необходимости переросло в нечто большее. То, как он целовал ее, и нежность переходила в голод. И желание, что он пробудил в ней. Такого она еще не ощущала. И от этого она чувствовала боль.

Она отогнала воспоминания, не желая размышлять о логичных вопросах, которые тут же возникали. Что означал для него этот поцелуй? Что он чувствовал? Что она чувствовала? Это не имело значения. Она должна была злиться, что он воспользовался моментом и ее беспомощным состоянием, украл поцелуй, когда она не могла остановить его. Вот только она не знала, украл ли он поцелуй. Может, она могла бы его остановить. Она не пыталась.

Она, наверное, немного злилась, что ее первый поцелуй был с ёкаем. Может, это ее единственный поцелуй. Отчаяние сжало ее сердце, но она быстро подавила это чувство. Нельзя думать об этом здесь.

— Почему ками попытался убить тебя? — спросил Широ, отвлекая ее от мыслей.

Она открыла глаза.

— Не знаю. Он сказал, что, похоже, я страдаю, а он хотел «освободить меня от груза», что означало, видимо, убить меня.

— Удивительно, что подчиненный Изанами такой злобный, — отметил Широ. — Я думал, у Аматсуками должен быть хороший вкус на подчиненных.

— Стоило уйти, — пробормотала она, — как только я поняла, что он — не Изанами. Он снова нападет на меня?

— Вряд ли он продолжит охоту, — ответил Широ. — Он, наверное, думает, что ты умерла, а мы убежали есть твоё тело.

— Есть... мое...?

Он пожал плечами.

— Ками о нас ужасного мнения.

— Ох.

— Я бы отдал тебя своим воронам, — сказал Юмей без эмоций, — если бы ты умерла.

Она потрясенно уставилась на него, а потом покачала головой и прижалась к стене, у нее не было сил думать о том, как ответить на это.

— Раз храм Изанами оказался ловушкой, нужно попытаться еще раз, — Широ взглянул на Юмея. — Что думаешь? Есть еще ниточки к другим Аматсуками?

— Можно поискать, — сухо сказал Юмей. — Все Аматсуками соберутся здесь к солнцестоянию. А потом снова вернутся к себе.

— С-солнцестояние? — пролепетала она, давая панику. Они знали о церемонии камигакари?

— Они приходят на ритуал каждый год, — сказал Широ. — И если происходит нисхождение, они защищают камигакари.

Она кивнула, стараясь ничего не выдать. Юмей и Широ, казалось, еще не видели в ней камигакари Аматаэрасу. И с чего бы? Они знали, как и говорил Коянэ, что камигакари всегда жила в главном храме своей ками до церемонии, когда она впервые становилась открытой опасностям внешнего мира. Они не думали искать камигакари в маленьком потрепанном храме в неизвестном месте.

— Ты мико, — сказал сухо Юмей. — Ты не знаешь об этом?

— Я... да, я слышала. Просто не знала, что ёкаи столько знают...

— Кунитсуками тоже собираются на солнцестояние.

Она резко вдохнула.

— Правда?

— Собирались, — исправил Широ.

Она очень хотела спросить, почему Кунитсуками собирались в то же время, что и Аматасуками. Она подозревала, что они пытались убить камигакари. Зачем еще им быть рядом во время церемонии Аматасуками? Но если слишком долго говорить о солнцестоянии, можно ненароком раскрыть слишком многое о себе.

— Куда могли пропасть Кунитсуками? — спросила она у Юмея, сменив тему. — Ты искал их своими воронами?

Его серебряные глаза взглянули на нее.

— Искал, но без результата.

— Сложно найти сильного ёкая, если тот не хочет этого, — сказал Широ, прислонив голову к стене и закрыв глаза. — Мы не знаем, где Кунитсуками, как они выглядят, или как их найти. Они точно умеют прятаться и скрывать свою ки, потому найти их не удастся, если они не хотят этого.

— Вы не знаете, как они выглядят? — скептически спросила она. — Ни один знакомый ёкай не встречал их?

— Я встречал всех их много раз, — сказал Юмей, — но я не помню их лиц.

— Не... помнишь? — как можно забыть лица правителей?

— Чем сильнее духовная сила, — сказал Широ, не открывая глаз, — тем сильнее ты отличаешься. Кунитсуками давно существуют в духовном царстве, сознания тех, кто слабее них, не могу просто понять их облик. Потому их сложно запомнить.

Он посмотрел на нее рубиновым глазом.

— Помнишь, люди не видели, какой я на самом деле? Они могли воспринимать лишь то, что могли понять, а остальное додумывали. Многие вскоре забудут, что видели меня. Если бы ты больше не видела Юмея, то забыла бы его лицо через пару недель. Меня тебе забывать пришлось бы дольше, потому что я слабее, и ты провела со мной больше времени. Но и меня ты забыла бы.

Забыла? Эти рубиновые глаза и раздражающую ухмылку? Вряд ли.

— Я знал всех Кунитсуками, — сказал Юмей. — Сарутахико — высокий и крепкий. Он говорил осторожно, обдумывая каждое слово. Его воля непоколебима, но он всегда честный.

— Ты помнишь все, кроме лица? — она посмотрела на ёкаев. — А Инари? Что ты помнишь о ней?

— Ничего, — ответил Юмей. — Прошло больше сотни лет с момента, когда я в последний раз видел Кунитсуками огня.

Сто лет? Когда Широ отметил, что Инари давно пропала, она не думала, что он имел в виду целый век. Конечно, Широ не мог ее найти.

Широ подавил долгий зевок.

— Ты забудешь и лицо того ками.

— Но он не ёкай, — возразила она. — У него человеческое лицо его носителя.

Юмей склонил голову и почесал шею.

— Когда ками занимает тело человека, его ки впитывается в человеческую плоть, постепенно превращая смертное тело в нечто, похожее на ками. Камигакари со временем даже становится похожим на этого ками.

Этого она тоже не знала.

— Вас беспокоит пропажа Кунитсуками? — спросила она, снова отворачивая разговор от своих секретов. — Или вы радуетесь свободе, как *они*?

Широ вздохнул.

— Ты думаешь как ками, маленькая мико. Я же говорил, Кунитсуками не правят нами так, как Аматсуками.

— Ты так говоришь, будто ёкай лучше ками.

— Не лучше, но мы хотя бы честны насчет того, чем являемся.

— Да? — она посмотрела ему в глаза, пытаясь увидеть там правду, которую он тщательно скрывал. — Тогда кто ты? Почему тебя связали проклятием такой силы, что его может снять только Кунитсуками? Кто связал тебя?

Он смотрел в ответ, не мигая. А потом улыбнулся.

— Какая настойчивость, маленькая мико. Хочешь так много обо мне знать?

Ее щеки пылали. Она опустила голову и сжала кулаки. Зачем он поцеловал ее? Чтобы снова обмануть?

— Отсутствие Кунитсуками, кстати, оказалось опасным, — прошептал Юмей. Его тихий голос был без раздражения, вместо этого в нем было напряжение, удивившее ее.

Его серебряные глаза смотрели, казалось, сквозь стены комнаты.

— Их сила тает на этой земле, и все от этого страдают. Леса уменьшаются без питающего присутствия Узумэ. Горы рушатся. Пылают огни. Дождь уже не идет долго, а снег выпадает раньше времени. Мы слабеем, сила ками проникает на наши земли, в воздухе ощущается вкус страха. Где они? Почему они бросили нас?

Он пришел в себя и поднялся на ноги.

— Ночь короткая. Я верну тебя в храм Аматэрасу.

Она смотрела, как он выходит за дверь, ее кожу покалывало. *В воздухе ощущается вкус страха.* Пропажа Кунитсуками была так плоха? Не только для ёкаев, но и для всего мира? Ками и ёкай уравнивали друг друга, мир не будет существовать без них. И хотя она любила солнце, бесконечный день был бы таким же разрушительным, как и бесконечная ночь. Ками знали это? Им было до этого дело? Аматсуками стоило забыть об амбициях и силе и понять, что миру нужны Кунитсуками.

* * *

Усталость сковывала ее тяжелыми цепями.

Эми шла рядом с Широ по долгой дороге к храму Шираюри. Юмей в облике ворона оставил их в миле от храма и улетел. Когда она пожаловалась, что он не принес их ближе, Широ объяснил, что перемещение Тэнгу не было точным умением, он мог появляться в паре миль от нужного места. А когда она спросила, почему он не мог дальше отнести их старым

способом, Широ ухмыльнулся и спросил, неужели она думает, что Юмей захотел бы нести их, как пернатый мул.

После пятнадцати минут ходьбы небо начало светлеть, став из черного темно-синим. Рассвет наступит через час. Ее тревога росла с каждым шагом. Она не верила, что ее отсутствие не заметили. Фуджимото и Нанако будут в ярости, но ее пронзала вина при мысли о реакции Катсуо. Может, стоило сказать ему, что она уйдет, но тогда он бы или пошел с ней, или попытался остановить. Она не хотела этого.

Она столкнется с последствиями, как столкнулась и с правдой. Она не могла уже скрываться за жалкой надеждой, что руководство каннуши было ложью. Теперь она знала всю правду. Хоть Коянэ и пытался убить ее, у него не было причины обманывать ее. Ей уже врал всю жизнь. Она задумалась, как удивила бы правда Юмея или Широ.

В день солнцестояния ее жизнь оборвется. Сбежать и изменить будущее не выйдет. Оставалось только принять его. Отчаяние нахлынуло на нее, пытаясь столкнуть во тьму горя и страха, но она боролась. Она смирится с судьбой. Должна.

Она взглянула на Широ. Он шел рядом с ней, погруженный в свои мысли. Стоило сказать ему, что их сделка выполнена. Ему не нужно было рисковать жизнью или оказываться в долгу перед Юмеем еще сильнее, чтобы организовать встречу с другим Аматасуками. Она получила то, что ей было нужно, и она должна была исполнить свою часть сделки. Может, ей стоило сказать об этом раньше, но она не хотела делать этого при Юмее. Эта сделка началась между ней и Широ, и она хотела, чтобы так все и закончилось.

Она смотрела на него, взгляд задержался на его губах, целовавших ее. Жар медленно растекся по ее телу, зажигая щеки. Он поцеловал ее. Зачем? Она хотела верить, что это ничего не значит. Он получил шанс и воспользовался им, потому что так делают ёкаи. И все... так ведь?

— Широ?

Он посмотрел на нее, рубиновые глаза сияли во тьме.

— Эм. Спасибо. За то... что спас меня.

Уголок его рта приподнялся.

— Осторожнее выбирай слова, маленькая мико. Благодарность ведет к долгу.

— Но... я в долгу перед тобой. Ты не должен был... делать это.

— Ты нужна мне живой, чтобы завершить сделку, — он тряхнул рукой, оненджу звякнули бы, но бусины были зловеще неподвижными. — Не признавай долг, если его можно избежать.

Она знала, что он спас ее, чтобы она могла снять оненджу, так почему его слова пронзали острой болью? Может, все было из-за его шепота у ее щеки, что он не даст ей умереть. Может, дело было в нежных прикосновениях его рук, тепле его ки, нежности его губ. Может, она просто была наивной глупой девочкой, поверившей, что ему было до нее дело.

Широ, казалось, не заметил ее напряжение. Он смотрел на дорогу, шаги его стали шире, и она едва поспевала за ним, уставшие мышцы были возмущены такой нагрузкой. Она шла рядом с ним, терзая сердце холодной логикой. Он был ёкаем. Она была для него лишь способом избавиться от проклятия, как и он был для нее способом узнать правду о ее судьбе. Она должна была сказать ему, что он свою часть сделки выполнил.

— Зачем? — спросила она вместо этого, слово прозвучало враждебно.

— Что?

— Зачем тогда ты признал свой долг передо мной, когда я спасла тебя от они? — спросила она. — Если лучше его не признавать, тогда зачем ты это сделал?

Он нахмурился.

— Там было иначе. Я спас тебя, потому что ты была нужна мне живой. Тебе от моего спасения выгоды не было.

Она смотрела на него. Был он бессердечным ёкаем или нет? Почему она не могла разгадать его?

— Ты такая невинная, маленькая мико, — прошептал он, глядя на предрассветное небо. — В один миг ты думаешь, что мы — порождения зла, а в другой готова верить, что мы добрее и бескорыстнее, чем можем быть. Я тебя не понимаю.

Она сжала кулаки.

— Может, я не хочу всегда думать о худшем варианте.

— Тебе так безопаснее.

— Не ты просил меня поверить тебе, клялся жизнью?

— Я никогда не говорил, что твое недоверие глупое.

Она застыла, а потом поспешила догнать его.

— И что теперь ты хочешь сказать? Что ты плохой, но не очень? Что мне не стоит тебе доверять, но ты все же хочешь, чтобы я верила? Я тебя тоже не понимаю.

— Как думаешь, кто большее зло? — с насмешкой произнес последнее слово он. — Ками или ёкаи?

— Ёкаи.

— Даже после встречи с подданным Изанами?

— Он был исключением.

— Да? Откуда тебе знать? Ты можешь сравнить его с другими ками?

Она стиснула зубы и промолчала.

Он взглянул на нее.

— Человека предал друг, и он убил его. Другой человек соблазнил жену друга и убил его. Какой убийца хуже?

— Они оба убийцы.

— Ты не видишь разницы?

— Я... — она нахмурилась. — Думаю, человек, убивший из жадности, хуже, чем человек, убивший из мести. Но не намного хуже. А ты как думаешь?

— Для ёкая они оба не плохие, — он задумчиво провел пальцами по завитку оненджу. — За предательство человек заслужил смерть. Тот, кого предали, защищает свою честь, он не совершает греха.

— А что насчет человека, соблазнившего жену друга?

— Муж не смог защитить то, что принадлежит ему. Он слаб. А сильный в природе побеждает слабого. Смерть ожидаема. Если у тебя не хватает сил, чтобы выжить, ты или находишь сильного защитника, или погибаешь, — он взглянул на нее. — И потому кицунэ обратились к Инари, стали слугами Кунитсуками, чтобы выжить. Потому что мы слабые, но не глупые.

— Значит, для ёкаев убийство — не преступление, — она не смогла скрыть несогласие.

Он махнул рукой на горы.

— Лиса убивает зайца для еды. Она совершает преступление?

— Нет.

— Почему?

— Потому что... потому что ей нужно есть. Лисы охотятся на зайцев по своей природе.

— В чем разница между лисами с зайцами и ёкаями с людьми?

— Люди — не зайцы!

— Зайцы — не олени. Ты обвинишь волка, убившего оленя?

— Люди отличаются от животных.

— Чем?

— У... у нас есть жизни, семьи...

— Как у оленей и зайцев.

— У нас лучше развито сознание, — она сверлила его взглядом. — Мы не животные, так что не сравнивай нас с ними.

Он пожал плечами.

— Для многих ёкаев разницы нет. Юмей не видит разницы совсем, особенно, когда он говорит со зверями так же просто, как с нами. Для него люди — еще один вид животных.

Она сжимала и разжимала кулаки, пока шла, злясь, но не понимая причину.

— И ты чувствовал бы такую же вину, убив меня, как если бы убил зайца?

— Не совсем.

— Потому что я нужна тебе, чтобы снять оненджу.

Он застыл, рубиновый взгляд поднялся к тускнеющим звездам.

— Потому что ты для меня теперь нечто большее. Потому что ты хранишь секреты, как ками, и мне интересно узнать, что ты скрываешь. Потому что ты одинока и напугана, а я не понимаю, почему. Потому что ты доверяешь мне, хоть и не должна. Потому что я верю, что, когда ты говоришь, ты свое слово сдержишь.

Она смотрела на него, незнакомые эмоции сжимали ее горло. Пульс оглушал.

— Широ...

Его взгляд пронзил ее, и в алых глубинах не было тепла.

— Я не могу убить тебя без чувства вины, маленькая мико, но не заблуждайся. Если дашь мне повод, я тебя убью.

Лед полился по ее венам, а потом разбился, причиняя боль. Она отвернулась от него и пошла по дороге одна. Его слова звенели в ее голове по кругу: «Если дашь мне повод, я тебя убью». Она почти подумала, что... но нет. В его душе ёкай не было доброты. Он бы убил ее, если бы решил, что она дала повод. Может, она и была ему любопытна, но не сильнее, чем зверь в зоопарке. Она была просто интересным животным.

Почему она пыталась убедить себя, что ему было не все равно? Он поступил по доброте, лишь предупредив ее насчет того, какие ёкаи на самом деле, каким был он.

Она повернула к храму, влажные листья хрустели под ногами. Она оглянулась и заметила, что Широ идет поодаль, не глядя на нее. Ему было все равно, что он расстроил ее. Может, он намеренно ее ранил.

«Я не дам тебе умереть. Прости».

Зачем он сказал это? Зачем поцеловал?

Почему так переживал за нее?

Она покачала головой, волосы чуть не выбились из пучка. Она скажет ему, что он выполнил свою часть сделки, когда она будет так думать. Он может еще пару дней поискать Аматсуками, пока она будет восстанавливать силы. Так ему и надо.

Пройдя под первыми тории с быстрым поклоном, она пошла по ступенькам, стараясь не

дать усталости погасить ее гнев. Если она перестанет злиться, она ощутит боль. А ей уже надоело позволять ему причинять ей боль.

— Эми!

Она поднималась по ступенькам, не слушая его. Что бы он ни хотел сказать, она его слушать не собиралась. Она добралась до вершины ступенек, поклонилась и прошла под другими тории. Двор храма раскинулся перед ней, изогнутые крыши покрывал белый снег. Фонари у главного зала тускло горели и были единственным источником света. Тени не двигались.

— Эми! — завопил он.

Она замерла и оглянулась.

Широ влетел по ступенькам и врезался в нее. Схватив ее, он отскочил на ступеньки, а странный мерцающий свет разлился в воздухе. Радуга цветов преградила им путь, невидимая сила резко ударила по ним и оттолкнула во двор.

Эми ударилась о камни, боль пронзила ее колени, Широ чуть не упал на нее. Она оглянулась, чтобы понять, что напало на них. Вместо обидчика прямоугольный барьер тускло сиял от тории до храма, накрывая собой весь двор.

— Что это? — выдохнула она.

Широ слез с нее и сел на землю.

— Барьер.

— Это я вижу.

— Кто-то хочет задержать нас здесь. Уверен, мы скоро пойдем, кто это.

Она переводила взгляд с его недовольного лица на барьер, задумавшись, куда делась его тревога.

— Мы в ловушке?

— Может, выйдешь? — крикнул Широ в пустоту двора. — Или мы будем вечно ждать?

Через миг голос ответил ему:

— Мы такие нетерпеливые, кицунэ?

Из тьмы на крыльце храма выдвинулась тень. Женщина шла, и ее синее кимоно подметало землю за ней. Ее невероятные голубые волосы были собраны в сложные завитки, длинные пряди падали на спину. В ее руке был раскладной веер, который она изящно поднесла к лицу, где белая маска со странными отметками скрывала ее черты, кроме рта и подбородка.

Женщина мило улыбнулась.

— А ты красивый, кицунэ. Не верится, что мы встретились.

— Какие точные слова, — сказал Широ, поднимаясь на ноги и распутывая одну из длинных повязок на поясе.

— Я — Амэонна, хозяйка дождя. Мой питомец — Сунэкосури, — она взмахнула веером, словно ей было жарко в холодной ночи. — Мне не сказали твое имя, кицунэ.

Эми растерянно смотрела на нее. Она видела только женщину. О каком питомце она говорила? Эми взглянула на Широ. Он качнул головой в сторону крыши над сценой. Тень сидела наверху, сгорбившись, как горгулья. Ее сердце забило быстрее, страх поднимался в груди.

— Во мне нет ничего интересного, — спокойно ответил Широ. — Что же привело вас сюда, хозяйка дождя?

— Ах, кицунэ, разве не понятно? — Амэонна снова улыбнулась. — Я здесь, чтобы убить

тебя и мико.

ГЛАВА 17:

— Убить нас? — выдохнула Эми.

Амэонна покачала веером.

— Я в долгу у некого ками, иначе я бы не занималась таким скучным заданием, как убийство людей, — она направила веер на Широ. — Я согласилась убить тебя, кицунэ, но ты меня позабавил. Если согласишься стать моим питомцем, я сохраню тебе жизнь.

Эми поняла, что происходит. Женщина с голубыми волосами была ёкаем, и она заключила Эми и Широ в барьер, чтобы они не могли сбежать. Но как ёкай с намерением убить прошел через тории? Почему священные земли не отторгали ее?

— Ками? — выпалила Эми. — Вы пришли убить нас, потому что так сказал ками?

— Он довольно неприятный, — пожаловалась Амэонна. Прорези для глаз в маске скрывали ее взгляд, видно было только губы. — Я буду рада избавиться от долга перед ним. Так что, кицунэ? Согласен на мое щедрое предложение?

— Боюсь, я не очень послушный. Из меня будет плохой питомец.

Женщина улыбнулась, сверкнув зубами.

— Я научу тебя послушанию.

— Заманчиво, но я против.

Амэонна вздохнула.

— Жаль. Сунэкосури? Иди сюда.

Тень распрямилась. Мужчина спрыгнул с крыши, легко приземлился на камни рядом с Амэонной. Он был в простой черной одежде, белая маска закрывала почти все лицо. Темно-коричневые собачьи уши возвышались на его голове. Он повернулся к Амэонне, ожидая приказа, хвост покачивался за его спиной.

— Кто он? — прошептала Эми Широ.

— Инугами, — проворчал он, не радуясь собачьей версии кицунэ. — Будет больно.

— Больно?

— Ты видела много лис, одолевших собак? А та женщина еще сильнее.

Ее сердце больно билось о ребра.

— Хочешь сказать, что ты можешь не победить?

Глядя на инугами, подошедшего на пару шагов, Широ мрачно улыбнулся.

— Я говорю, что у меня нет и шанса.

— Кицунэ, — позвала женщина. — Спрашиваю в последний раз. Перейдешь ко мне?

В ответ он выступил перед Эми, повернул ладони вверх. Лисий огонь затрепетал на его ладонях, превращаясь в изогнутые мечи.

— Так тому и быть, — сказала Амэонна. — Сунэ, радость моя, убей его.

Инугами сверкнул клыками из-под маски. Он пошел к Широ, выхватывая меч. Катана сияла от ки, мечи Широ засверкали огнем в ответ.

Сунэкосури бросился на Широ. Лезвия вспыхнули в воздухе, столкнулись, звон металла разнесся по двору. Свет отбросил Широ. Он приземлился на ноги и проехал по земле. Инугами побежал за ним, их клинки снова столкнулись, Широ остановил катану своими мечами. На миг Эми задумалась, почему Широ использовал мечи вместе, а не отражал одним и напал при этом другим, как делали сохэи в Шионе.

Инугами надавил на меч, и Широ склонился, не выдерживая силу другого ёкая. Меч врага приблизился к лицу Широ, хоть тот и пытался бороться. Красные глаза блестели во тьме, он выскользнул из-под катаны и оттолкнул ее.

Ее сердце билось в горле. Другой ёкай был слишком сильны. Но Широ был быстрым, так ведь?

Кицунэ развернулся, кружа мечами. Инугами прыгнул на него, их лезвия снова столкнулись. Они прыгали в стороны, бросались друг на друга, шумели, вспыхивал свет и огонь. Они двигались так быстро, что Эми не могла уловить движения и едва понимала, что происходит.

Амэонна радостно воскликнула, хлопнула в ладоши, зажав между ними веер, широкая улыбка появилась на ее лице, пока она смотрела, как сражаются инугами и кицунэ. Эми пыталась дышать, но ее легкие не слушались от ужаса. Ёкаи бросались друг на друга снова и снова, клинки двигались слишком быстро. А потом Сунэкосури подцепил мечи Широ своей катаной и широко взмахнул ею, отталкивая Широ. Локоть инугами ударил кицунэ в грудь. Широ рухнул на спину, откатился и вскочил, меч инугами преследовал его

Широ проигрывал. Он мог умереть. Она должна была что-то сделать.

Она сунула ладони в карманы юбки и вытащила две стопки офуда. Сковывающий, барьер и очищение. Инугами был слишком быстрым, чтобы она смогла попасть по нему. Даже если бы она попала, в ней почти не осталось ки, она не сможет напитать сковывающий офуда. Что ей делать? Она сжала кулаки, сминая бумагу, пока отчаянно оглядывала пустой двор. Барьер, что сдерживал их, слабо сиял. Она могла попробовать пробить его, но сомневалась, что сможет бежать быстрее Сунэкосури или его хозяйки.

Она заметила священное дерево в пределах барьера. Его ствол обвивал канат в два дюйма толщиной, украшенный сложенной бумагой — шименава, инструмент для очищения. Шименава защищала и очищала священные места и предметы. Другая шименава, еще толще, висела над залом поклонений.

Быстро взглянув на Широ, она побежала к дереву. Амэонна сосредоточилась на бое. Она восторженно вскрикнула, Эми оглянулась, а кончик меча инугами задел грудь Широ, оставляя порез до плеча. Его кровь отлетела на камни, покрытые снегом, но он не дрогнул.

Заставляя себя не отвлекаться, Эми вскочила на скамейку под деревом и схватилась за узел каната. Он был крепко завязан, она боролась с узлом, ломая ногти. Амэонна веселилась, глядя на бой перед ней. Узел не поддавался, и Эми дернула за него. Веревка стала теплой. Защитная магия не позволяла людям снять ее?

Ее охватила безнадежность, жар вспыхнул в груди. Обжигающая сила вырвалась из метки Аматэрасу и наполнила ее тело. Ноги подкосились, и она упала на колени на скамейку, едва держась за шименаву. Аматэрасу шептала в ней, магия лилась по ее руке. Узел под ее ладонью заискрился голубым светом и распался, словно никогда и не был завязан.

Сила пульсировала в ее венах, Аматэрасу пополнила ее ки. Присутствие Аматсуками внутри нее быстро таяло, но до того, как она ушла, Эми ощутила вспышку неожиданного гнева Аматэрасу. Ками словно приказывала сражаться.

За ней громко звякнул металл, меч пролетел по камням.

— Ах! — воскликнула Амэонна, сцепив ладони. — Мой милый Сунэ!

Эми развернулась, держась за конец шименавы, и застыла.

Катана Сунэкосури торчала из левой руки Широ. Лезвие на несколько дюймов

выступало с другой стороны. Как-то он все еще держал свой меч, но второй лежал на земле в нескольких ярдах от него.

Широ оскалился. Он схватился за лезвие катаны ладонью и вытащил его. Удерживая лезвие, он ударил инугами по лицу оставшимся мечом. Инугами завыл и отпрянул.

Амэонна яростно завопила:

— Его лицо! Ты испортил его лицо! Сунэ, хватит игр. Убей его!

Инугами отклонил голову. Кровь стекала по лицу из диагонального пореза, идущего от правой щеки к левому виску. Он вернул меч в ножны, его кожа засияла белым светом. Его черты начали смягчаться, края трепетали. Он зарычал, и звук перешел в собачий низкий вой. Свет вспыхнул ослепительно ярко.

Огромная собака размером с коня выскочил из света. Ее черно-каштановый мех свисал прядями с тела, она скалилась. Слюна капала на землю, собака шагнула к Широ.

Широ смотрел на собаку и не двигался. А потом его окружили сине-красные огни, и он стал крошкой-лисом размером с голову инугами. Огромный ёкай зарычал, а Широ открыл пасть и показал язык в лисьем безмолвном смехе.

С ревом инугами бросился на Широ. Белый лис отскочил и резво побежал между лап пса и укусил его за одну из лап по пути.

Отвернувшись, Эми вытащила очищающий офуда и прилепила к шименаве. В таком облике Широ мог лишь убегать от пса, но не победить. Офуда слабо засиял, прилипнув к канату, отрицая законы природы. Она прилепила еще два офуда к шименаве и привязала один конец к середине веревки, создав петлю.

— Убей его! — вопила Амэонна. — Просто убей!

Сжав веревку, Эми повернулась ко двору. Ужасающий инугами кружился, тщетно пытаясь укусить лиса. Широ бегал между лап пса, держась вдали от его зубов. С колотящимся сердцем и дрожащими коленями Эми побежала к ним.

Инугами развернулся, челюсти злобно лязгнули, но схватили лишь воздух. Эми бежала к нему с шименавой в руках. Ей нужно было поймать его до того, как он обернется и увидит ее. Она могла сделать это. Она вытянула веревку и бежала к ним.

Пес развернулся. Вдруг она оказалась перед клыками чудовищного инугами.

Широ выбежал из-под пса и прыгнул на челюсть снизу. Голова инугами дернулась, зубы были близко к кицунэ.

Эми взмахнула шименавой. Петля зацепилась за голову пса и затянулась. Она дернула за край каната, чтобы петля стянулась сильнее.

— *Шукусэй но тама!* — крикнула она.

Вернувшаяся ки полилась из нее. Шименава и офуда вспыхнули белым светом. Инугами взвыл, ветер окружил его тело. Шименава засияла еще ярче, и с воем боли инугами упал.

Синева заполнила все перед глазами Эми — все сапфировое и белая маска. Рука Амэонны ударила Эми по лицу. Мир закружился, и она рухнула на землю, ободрав руки и ноги. Рука схватила ее за волосы, выбивая их из пучка, поднимая ее на ноги.

— Как ты смела вмешаться? Жалкий червяк, — прошипела Амэонна. — Я...

Она отпустила Эми, и та упала на землю. Женщина развернулась. За ней был Широ в человеческом облике, он стоял поверх инугами, одна нога была на шее зверя. Он выхватил меч из пса, сияние шименавы угасало.

— Сунэ! Мой милый Сунэкосури! — закричала Амэонна и бросилась к своему слуге.

Она взмахнула веером, посылая в Широ порыв ветра. Он отскочил, а она потянулась к

инугами. Широ обошел тело и оказался рядом с Эми. Она села, удивленно глядя на кровь на расцарапанных ладонях. Ее колени тоже были в крови.

Но ее нельзя было сравнить с Широ. Кровь текла из его пронзенной руки, заливая правую ладонь, и капала из пореза на левой ладони. От раны на плече косодэ окрасилась в алый. Его хакама порвались на боку с левой стороны, ткань была в крови.

— Широ, — в ужасе прошептала она.

Амэонна нежно погладила голову инугами, а потом выпрямилась и повернулась к Эми и Широ. Она прошла к ним мелкими шагами, ветер окружал ее ноги.

— Вы убили моего питомца, — ее голос стал полон льда от ярости. — Вы будете страдать. Я накажу вас за его смерть.

Рука Широ сжалась на оставшемся мече.

— Поднимайся, Эми.

Дрожа, она заставила себя встать рядом с ним, но она понимала, что ничего не выйдет.

Губы Амэонны скривились в ухмылке, она подняла веер к противоположному плечу. Ветер, окружавший ее ноги, пропал, веер засиял. Она ударила веером по резкой диагонали.

Ветер и вода превратились в трепещущее лезвие из серебряной энергии. Оно полетело к ним так быстро, что они с Широ не успели отреагировать. Пронзая воздух, как молния, лезвие попало по Широ.

Кровь полетела на камни. Он рухнул на спину рядом с ней, алые струйки текли из глубокой раны, идущей от его левого плеча до правого бедра.

Ее сердце замерло, она смотрела на него, так и не успев встать рядом с ним. Но теперь он был на земле, его кровь текла на камни. Он не двигался, голова была отвернута от нее, белые волосы закрывали лицо. Даже его грудь не двигалась, не вздымалась и опадала от дыхания. Застыв, как камень, она тоже не шевелилась и не дышала.

Он вдохнул. Резкий вдох сотряс его, и он повернул голову, приоткрыв рубиновые глаза, лицо было напряженным. Он оскалился, глядя на Амэонну. Эми протянула к нему дрожащую руку, но он уже поднимался. Как-то он смог встать на ноги, пошатнувшись в луже собственной крови.

Амэонна холодно улыбнулась.

— Наказания было мало, кицунэ?

Биение сердца оглушало Эми. Он стоял. Как он стоял с такими ранами? Как он собирался сражаться, если едва держал меч? У кого могло хватить воли сражаться, несмотря ни на что?

Улыбка Амэонны стала шире, она снова подняла веер.

Для Эми мир замер, она поняла, что нужно сделать. Поняла, что стоило сделать, едва они попали в ловушку. Амэонна накапливала силы, а Эми склонилась и схватила Широ за правую руку. Другой рукой она схватилась за нижний виток оненджу на его запястье и потянула.

Сила из бусин полилась в ее руку. На ужасающий миг бусины прилипли к нему, не желая двигаться. Жар обжигал пальцы, ки проклятия поднималась по ее венам, как раскаленная лава. Стиснув зубы, она впиалась пальцами в его руку и сорвала нижний виток бус.

Вспышка силы отбросила ее с такой силой, что она взлетела в воздух, мимо проносились деревья и здания.

Она ударилась о землю, головой задев камни. Боль пронзила череп, и она больше ничего

не помнила.

ГЛАВА 18:

Эми открыла глаза. Воспоминания вспыхивали в голове, поднималась паника. Клинок Амэонны из ветра и воды ударил Широ, его кровь залила все, но он все равно встал, чтобы сражаться. А потом она сняла еще один виток оненджу, убрала вторую часть оков. Хватило ли этого, или она опоздала?

Она нащупала землю и, оттолкнувшись, села. Но слишком быстро, двор храма закружился, вспыхивая красными огнями.

Зрение вернулось к ней. Но огонь не пропал. Участки огня пылали по всему двору, словно кто-то разлил всюду бензин и поджег. Лужи воды блестели среди огней, отражая свет и создавая иллюзию, что горит весь двор.

Широ стоял в центре, у его ног лежало тело Амэонны.

Трепещущий огонь покрывал два его меча и поднимался по рукам тонкими линиями постоянно меняющихся узоров. Около десятка парящих огненных сфер, белых в центре и голубых с красным по краям, образовывали полукруг за его спиной, вися в двух футах от него на высоте локтя. За ним виднелись три хвоста из призрачного бело-голубого огня.

Он стоял неподвижно над павшим телом врага, лишь трепетали огни и медленно покачивались призрачные хвосты.

Эми встала на ноги и прижала ладонь к пульсирующей точке над правым ухом. Ее рука оказалась в крови. Она с трудом передвигала ноги, пока шла вперед. Ухо Широ дернулось в ее сторону. Он повернулся, полукруг огней двигался с ним.

Красные метки сияли на его щеках, странный символ пылал в центре лба. Его алые глаза сияли внутренней силой. Он смотрел на нее, на пустом лице не было узнавания. Два витка оненджу сияли на руке, обвитые так крепко, как было и до того, как она сняла виток.

Она остановилась, их все еще разделяло около десяти шагов. Безумный стук сердца заполнил ее уши, когда она смотрела в его пустые алые глаза.

— Не забывай меня, Широ, — хрипло сказала она. — Тебе нельзя забывать *меня*.

Он медленно моргнул, что-то в его взгляде изменилось. Его губы изогнулись в знакомой ухмылке.

— Когда-нибудь ты меня забудешь, маленькая мико, — его голос хрипел сильнее, чем у нее, в нем слышался отголосок рычания.

— Я никогда тебя не забуду, — сказала она ему. — Я буду помнить тебя до своего последнего дня.

— Обещаешь?

Ее сердце ёкнуло.

— Да, обещаю.

Кивнув, он поднял руки — еще два символа сияли красным на его ладонях — и послал по мечам огонь. Лезвия пропали. Он опустил руки, и огненные рисунки на его руках погасли.

Через миг он покачнулся.

Бросившись к нему, Эми обхватила его, а он склонился. Он прислонился к ней, горячая кровь текла израны на груди и пропитывала ее блузку. Она пыталась удержать его, а его

хвосты из огня погасли, как потухли и сферы огня за ним. Едва удерживая его, Эми опустила Широ на землю. Он лежал на спине и быстро дышал, глаза были закрыты. Метки на лице не сияли, став простыми красными линиями на коже.

— Широ, — выдохнула она. Ее руки замерли над ужасной раной на груди. Она дико озиралась, словно могла отыскать помощь. Барьер вокруг храма слабо мерцал. — Широ, как нам выбраться из барьера?

Он молчал, кривясь от боли. Отчаяние душило ее. Он терял слишком много крови. Как он выживет с такими ужасными ранами?

Сияние барьера Амэонны затрепетало. За ними тело Амэонны дернулось и обмякло. Вспыхнув, барьер исчез.

— Эми!

Катсуо выбежал из тьмы за двором с мечом в руках. Гнев и страх исказили его лицо, он бросился к ней и беспомощному ёкаю перед ней. Его меч сиял от ки, он поднял его для смертельного удара.

Не думая, она закрыла собой Широ, защищая своим телом.

— Стой, Катсуо! Он спас меня!

— В сторону, Эми!

— Это кицунэ! — вопила она. — Успокойся и послушай! Он — не враг!

Катсуо опустил меч, взгляд скользнул от нее и Широ к двум мертвым ёкаям во дворе. Тело инугами начало таять, как лед, силуэт стал размытым. Она осторожно села, готовая снова заслонить собой Широ, как щитом.

Катсуо выдохнул и уронил меч. Он потянулся к ней поверх неподвижного кицунэ.

— Эми, ты в крови...

Она посмотрела на красное пятно на своей блузке.

— Это не моя. Это его. Дай хаори.

Он послушно снял хаори и отдал ей. Она заткнула рану на груди Широ, но кровь так остановить не получалось. Паника кружила ей голову. Он умирал перед ней, а она ничего не могла сделать. Что она могла?

— Это кицунэ? — пробормотал Катсуо. — Он еще жив?

Эми вздрогнула, словно он ударил ее, боясь, что Широ уже умер. Она протянула пальцы к его губам, ждала, пока не ощутила кожей его слабое дыхание.

— Эми, что случилось? Где ты...

— *Кар!*

Она резко развернулась, ворона слетела на камни в нескольких футах от нее.

— Юмей! — вскрикнула она, чуть не потянувшись в отчаянии к птице. — Широ нужна помощь! Он умирает!

— Ворону зовут Юмей? — с подозрением спросил Катсуо.

Она смотрела на ворону, безмолвно прося подтверждения. Юмей ведь придет? Он помогал Широ раньше. Ворона склонила голову, прощуршала крыльями и посмотрела наверх.

Эми и Катсуо вместе подняли головы к небу.

Огромная черная тень птицы скользнула по двору. Гигантский ворон, окруженный черно-красным сиянием, пошел на снижение и взмахнул крыльями у земли. Его облик затрепетал и изменился. Ноги Юмея ударились о землю, когда он закончил превращение. Воздух вокруг них стал холодным, его ки растекалась невидимым льдом, от которого

исходил гнев.

Катсуо вскочил на ноги и потянулся за мечом.

— Не смей, Катсуо, — рявкнула она, не вставая. — Это союзник.

— Я вам не союзник, — прошипел Юмей, шагая к ней. — Что ты сделала?

Она умудрилась не отпрянуть от него.

— На нас напали ёкай Амэонна и ее инугами.

Катсуо попятился от Юмея, его костяшки побелели, пока он сжимал меч. Он встал за Эми, но мудро направлял кончик меча на землю.

Юмей опустил рядом с Широ и отбросил пропитанную кровью хаори, чтобы осмотреть раны кицунэ. Широ дышал быстро и слабо, его лицо было пустым. Если бы не едва заметное движение его груди, его можно было принять за покойника.

Эми открыла рот, чтобы спросить, сможет ли он спасти его, но тут Тэнгу повернулся к ней. Его глаза сияли, зрачки были такими маленькими, что казались лишь точками в озерах серебра, обрамленных черным. Он обхватил ее запястье и притянул к Широ, одним когтем он вспорол ее кожу.

Она вскрикнула и дернула руку из его стальной хватки. Катсуо бросился к ней, взмахивая мечом. Юмей взглянул на него. Черная тень появилась из ничего и ударила Катсуо в грудь, сбила его с ног. Он упал на землю и откатился от них.

— Катсуо!

Она повернулась и попыталась высвободиться, но Юмей сильнее сжал ее руку, пронзая когтями ее кожу. Другой рукой он убрал изорванную косодэ Широ, чтобы открыть его грудь, а потом поднес ее запястье. Огромными глазами она смотрела, как ее кровь капает на кожу Широ. Когда сформировалась небольшая лужица, Юмей одним пальцем сформировал странный сложный символ кровью, все еще удерживая другой рукой ее запястье.

Нарисовав символ, он прижал ее ладонь к теплой крови, бегущей из раны Широ.

Она сжалась.

— Что ты делаешь?

Он развернул ее покрытую кровью ладонь и нарисовал на ней еще один символ.

— Ты, — заявил он, — помогаешь мне спасти жизнь кицунэ. Или есть возражения?

— Я... нет, я помогу. Что нужно делать?

Юмей отпустил ее руку и вспорол свое запястье.

— Ты будешь проводником, через который я передам ему ки, что ему нужна для выживания.

Он взял ее другую руку и прижал к темной крови, текущей по его руке. Она вздрогнула и сглотнула.

— А ты не можешь сделать это так, как он сделал со мной?

— Нет. В таком состоянии прямое попадание моей ки убьет его, — он закончил рисовать руну кровью на другой ее ладони. — Ты будешь мостом и щитом.

Он прижал ладонь к крови на ее запястье и нарисовал четвертый символ на своей ладони. Она смотрела, как он поднимает ее руку с кровью, их пальцы переплелись, чтобы символы тесно прижались друг к другу.

— Но, Юмей, — прошептала она, — что твоя ки сделает со мной?

Он взглянул на нее, глаза сияли от накопленной силы, другая его рука сжалась на другом ее запястье.

— Постарайся не умереть, — сказал он и прижал ее ладонь к кровавой руне на груди

Широ.

Жар вспыхнул под ее ладонями, странная магия коснулась кожи, пробуя ее. Через миг обжигающая сила потекла в ее руку из ладони Юмея, а потом весь мир охватила агония. Огонь, бушуя, терзал ее, сжимал легкие, слепил глаза. Сила Тэнгу рвала ее на части, пробивая путь по ее телу и выливаясь.

Все прекратилось так же внезапно, как началось.

Она рухнула рядом с Широ, мышцы дрожали, чувства медленно возвращались к ней. Ее грудь болела, метка камигакари пылала.

Катсуо схватил ее и оттащил от двух ёкаев.

— Эми? Эми, ты в порядке?

Подняв невероятно тяжелую голову, она прищурилась, глядя на Юмея, склонившегося над Широ. Ей казалось, что ее зажарили заживо на открытом огне. Сработало? Юмей смог передать Широ столько ки, сколько было нужно для заживления его ран?

Катсуо крепче обхватил ее, поднял с земли и унес дальше от ёкаев. Зрение помутнело, искажая вид Юмея, поднимающего Широ. Облик Тэнгу затрепетал, показалось, что черные крылья развернулись за его человеческой спиной. Несмотря на ее усилия, глаза закрылись, боль и усталость нахлынули на нее, унося в забвение.

* * *

Глаза Эми медленно открылись. Она увидела размытый потолок своей спальни.

Тело болело, голова ужасно пульсировала. Она коснулась лба, обнаружила на голове повязку. Бинты покрывали ее ладони, марля затыкала рану на запястье, где ее порезал Юмей.

Она смотрела на бинты и вспоминала боль, когда коготь пронзил ее кожу, ее кровь текла на грудь Широ, Юмей нарисовал там странный символ. Ее кровь и кровь Широ смешались на одной ладони, на другой — ее кровь и Юмея. Странная магия. Но она ведь сработала? Широ ведь выжил?

Она снова увидела, как Широ возвышался над поверженным врагом, бело-голубые хвосты из огня виднелись за ним, на лице и ладонях горели символы. Этот его вид был выжжен в ее памяти, она никогда не забудет его. Он был прекрасен.

«Обещаешь?».

Она зажмурилась от воспоминания. Ее слабые мышцы болели, но она села. Лучи солнца проникали в окно, судя по углу, был почти полдень. Она коснулась бинтов на руке, мысли были полны тревоги о Широ.

От шагов скрипнул деревянный пол в коридоре, звук становился все громче. Эми от нервов села прямее. Она убежала из храма посреди дня, а, когда вернулась, на нее напали два ужасных ёкая, если не упоминать двух ее «союзников» из ёкаев. Фуджимото точно в ярости.

Шаги остановились.

— Я принесла обед госпожи, — процедила Нанако за дверь.

Эми хотела ответить, но ее опередил другой голос.

— Камигакари еще спит, — холодно ответил Катсуо.

Эми моргнула. Почему он за дверь? Как давно?

— Госпожа проспала достаточно.

— Она ранена.

— Всего пару царапин, — едкий тон Нанако стал резче. — Она должна всем объяснить, зачем так поступила, и что она навлекла на нас.

— Она ничего тебе не должна, — рывкнул Катсуо. — Ты не управляешь Эми или этим храмом, Нанако.

Громко звякнули тарелки.

— Обслуживай ее высочество сам, — прошипела девушка и шумно ушла.

Когда воцарилась тишина, Эми тихо кашлянула.

— Катсуо?

Дверь приоткрылась, Катсуо заглянул в щель. Увидев, что она села, он отодвинул дверь с подносом в руке. Он вошел, окинул комнату взглядом и покраснел, ведь проник на запретную территорию. Он оставил дверь открытой, подошел к ее кровати и опустил поднос рядом с ней.

— Обед, — пробормотал он. — Как ты?

— Устала, — призналась она, глядя на накрытую тарелку. Она должна была ощущать голод, но аппетита не было. Хоть Амата́расу и пополнила ее ки, она чувствовала себя опустошенной. Она потратила ки на снятие оненджу с Широ, или дело было в магии Юмея?

Катсуо снова окинул комнату взглядом, а потом сел, скрестив ноги, рядом с ней.

— Что случилось, Эми? — тихо и напряженно спросил он. — Что было этим утром? Ты пропала из храма, оставила глупую записку, а потом появилась с двумя мертвыми ёкаями и этим кицунэ.

— Ёкаи не были мертвыми, когда я прибыла, — она вздохнула. — Не знаю, как они попали в храм. Почему тории не остановили их?

Он стиснул зубы.

— Они сломали барьер тории. Каннуши Фуджимото все утро восстанавливал его, но барьер все еще слаб.

— Сломали? Я не знала, что такое возможно.

— На такое не способны слабые ёкаи. Откуда они узнали о тебе?

Она закрыла глаза ладонью. Откуда? Амэонна возвращала долг ками. А Эми, кроме Амата́расу, из ками встречала только Коянэ.

Она сама рассказала ему, где скрывается. Он мог послать Амэонну ждать ее здесь. Но зачем? Зачем? В этом не было смысла. Широ говорил, что ками могли захотеть украсть ее ки, но это не объясняло, зачем посылать ёкаю убить ее. Почему ему было так важно, чтобы она умерла? Ёкаи должны были хотеть убить камигакари, а не ками. Коянэ должен был защищать ее, поддерживать Амата́суками, а не посылать за ней убийц.

— Вчера, — прошептала она, не убирая руку от лица, не желая видеть его реакцию, — я отправилась в храм в Кигику, чтобы поговорить с ками.

— Ты... что? Зачем?

— У меня был вопрос. Мне нужен был ответ, но от ками.

— Какой вопрос? Что можно так сильно хотеть узнать?

Она опустила руку и посмотрела на него. Тревога сморщила его лоб. Он пристально смотрел на нее темными глазами, словно мог взглядом докопаться до правды. Ее нижняя губа задрожала, и она прикусила ее.

— Я... я... — слова не шли. Она хотела рассказать, но его реакция на ее судьбу делает все слишком реальным. Ужас и отчаяние заставят и ее ощутить это, а она пока еще сдерживала их в себе.

Она покачала головой и вздохнула.

— Ками попытался убить меня. Не знаю, почему.

— Ками попытался тебя убить?

— Я сбежала, но те два ёкая поджидали меня здесь. Женщина сказала, что ками послал ее убить меня. Видимо, это все один и тот же ками.

— Ками? — потрясенно повторил он.

— Я тоже не понимаю. Почему? Разве он не должен хотеть помочь камигакари?

Катсуо прижал ладони к коленям.

— Может, этот ками что-то не поделил с Аматаэрасу.

— Возможно, — с сомнением пробормотала она. Ками, затаивший личную обиду на другого ками, слишком уж... напоминал человека.

— Ты нашла ками, и он... что? Послал двух ёкаев напасть на тебя в храме? — он помрачнел. — А те два ёкая, Эми? Давно ты с этим кицунэ?

— С тех пор, как мы принесли его в храм, — прошептала она, избегая его недовольного взгляда.

— А другой?

— Юмей... его я встретила следующей ночью.

— Он не приходил сюда, — сухо сказал Катсуо. — С такой ки он бы разбил барьер тории. Ты сама к нему ходила?

Она кивнула.

— Ты хоть понимаешь, с какими ёкаями связалась? Ворон ведь...

— Сам Тэнгу, — пробормотала она.

— Что?

— Похоже, он один такой, — она смяла в руках одеяло. — Думаю, он правит в этих горах.

Катсуо молчал. Она посмотрела сквозь волосы, ниспадавшие волной. Он прижимал ладони к лицу и глубоко дышал.

— Тэнгу и кицунэ не знаю, что ты камигакари, да? — спросил он сквозь пальцы.

— Не знают.

Он опустил руки на колени резким движением.

— Объясни мне. Объясни, что творится в твоей голове, потому что я не понимаю. Кицунэ, Тэнгу, ками в Кигику. Зачем так рисковать своей жизнью?

Как ей рассказать? Как объяснить, не рассказав о том, что случилось, едва она открыла руководство каннуши?

— Я... обещаю все тебе рассказать, — тихо сказала она. — Но сейчас я не могу. Это... сложно.

Он тяжело смотрел на нее, а потом с неохотой кивнул.

— Что случилось после того, как я ушла вчера? — она не хотела знать, но это подготовило бы ее к грядущему разговору с Фуджимото.

— Как только мы поняли, что тебя нет, мы начали поиски. Нашли записку, но каннуши Фуджимото послал меня в лес, а Минору в город на поиски. Мы искали весь день, но не нашли ни следа. Думаю, он бы заставил нас искать и ночью, но Нанако накричала на него, сказав, что мы погибнем, если будем бродить без цели по лесу в темноте.

Она виновато вздрогнула.

— Мы решили отдохнуть, а потом продолжить поиски, — рассказывал он. — Я не мог уснуть, так что пошел проверить границу земель. И тогда я обнаружил, что защита тории сломана, но я не мог ощутить рядом ёкая. Я побежал в храм и увидел барьер ёкая. Я хотел

будить остальных, но услышал твой голос, хоть и тихий. Барьер заглушал звук, и я ничего не видел сквозь него, но я знал, что ты там, так что я ждал, пока барьер падет.

Он стиснул зубы.

— Когда барьер пал, я был уверен, что увижу лишь твоё тело. Но ты была жива.

— Широ победил их. Они чуть не убили его.

— Широ — это кицунэ? Тебе повезло. В следующий раз тебя будет убивать он.

— Он чуть не умер, защищая меня.

— Потому что в долгу перед тобой? — строго спросил Катсуо. — Потому что ему от тебя что-то нужно? Он ёкай, Эми. Они не жертвуют собой. Если они помогают людям, то из выгоды для себя.

Она отвела взгляд и промолчала.

— Тэнгу забрал его до того, как прибежали Фуджимото и Минору. Я не знал, что сказать им, — он поджал губы и нахмурился. — Они решили, что я убил ёкая, и я... не исправил их.

Она взглянула на него.

— Почему?

— Я не понимал, что случилось, кто те ёкаи. Ты звала их союзниками, но... Я не знал, как объяснить другим, что на тебя напали два ёкая, а двое других защитили, так что я не упоминал тех двоих.

Слезы обжигали глаза. Катсуо соврал, защищая ее, чтобы у нее не было еще больше проблем.

— Спасибо, — прошептала она.

Он что-то пробормотал и поднял поднос, переместил его на ее колени.

— Поешь, пока не остыло.

Она вяло сняла крышку с миски и взяла ложку. Бульон, толстая лапша и кубики тофу уже остыли, но она ела, не ощущая вкуса. Мысли кружились в голове, эмоции трепетали за ними. Ее надежда умерла после визита в Коянэ, остался горький вкус пепла во рту. Ей оставалось только исполнить обещание и снять с Широ оненджу. А потом ей нужно будет пройти до предначертанного конца.

Она отодвинула поднос.

— Я... хотела бы помолиться.

— Помолиться? — повторил он.

— В храме.

— О, — он замешкался и поднял поднос. — Каннуши Фуджимото работает с барьером тории, но он скоро вернется. Если поспешим, успеем в храм первыми.

Она чуть не попросила пойти одной, но поняла, что этого не будет. Они не оставят ее одну вплоть до солнцестояния. Катсуо ждал за дверью ее комнаты не из тревоги, а потому что ему приказали сторожить. Фуджимото не мог рисковать и давать ей шанс на побег.

— Мне нужно переодеться, — сказала она ему.

Он ушел в коридор, а она подняла вялое тело с кровати и добралась до шкафа. Усталость давила на ее веки, путала мысли. Когда она переоделась в форму мико, расчесала и завязала волосы, она присоединилась к Катсуо, и они покинули дом. Солнце светило на них, пока они шли по мосту, и было теплым, день казался приятным. Но солнце не могло растопить снег, укрывавший сад, покрывавший деревья. Яркий свет, казалось, насмехался над холодными тенями, собравшимися в ней.

Эми замерла на краю двора. Лужи, оставшиеся от хозяйки дождя, и следы огня виднелись на камнях. Она смотрела на черные следы, представляя, как они попали сюда. Это сделал Широ? Он использовал огонь мало, насколько она видела, но она не знала, какие новые способности открыла у него, сняв второй виток оненджу.

— Что случилось с телами ёкаев? — спросила она.

— Пропали, — он заметил ее испуганный взгляд и пожал плечами. — Все тела ёкаев... рассеиваются. Даже крови нет, видишь? Старый сохэй рассказывал, что после смерти ёкаев поглощает царство духов. Там ки самых сильных ёкаев накапливается, пока силы не хватит, чтобы ёкай вернулся в царство живых. Он даже предполагал, что есть число ёкаев, что постоянно перерождаются. Кто-то раз в несколько лет, кто-то — каждый век.

— Когда они возвращаются, они помнят предыдущие жизни? Или это как рождение заново?

— Не знаю.

Задумавшись, она пересекла двор к фонтану, чтобы ополоснуть руки и рот. Катсуо шел в нескольких шагах позади, не шумя, а она приблизилась к главному залу и поднялась по широким ступеням. Она остановилась и посмотрела на веревку, свисающую с колокола. Она не молилась Аматаэрасу после того, как прочитала руководство каннуши.

Она потянула веревку. Дважды поклонилась, дважды хлопнула, сложила ладони и склонила к ним голову, закрыв глаза.

Слов не было. Ни мыслей, ни вопросов. Она стояла, не двигаясь, и впервые не могла ничего сказать своей ками. Она не знала, что сказать. Она могла спросить, почему ей вдали, почему не предоставили выбор. Она могла спросить, почему Аматаэрасу выбрала ее среди всех юных мико, просящих выбрать их. Она могла спросить, жалела ли Аматаэрасу о том, что получит от Эми. Она могла задать тысячу вопросов... но они не имели значения.

Шли секунды, превращались в минуты, она стояла, потерявшись во тьме разума, а потом в ее груди вспыхнуло слабое тепло над сердцем. Жар медленно растекался по ней, отгонял тени и согревал холодный лет отчаяния и горя. Теплое прикосновение Аматаэрасу разлилось по ней, в нем были мягкие эмоции, которые Эми не могла назвать, но груз на ее плечах и сердце стал меньше.

Печаль и сожаление проникли в нее, а потом присутствие Аматаэрасы угасло, оставив Эми в холоде горя.

Она простояла еще несколько долгих минут, а потом подняла ладонь к щеке и обнаружила, что та мокрая от слез. Вытерев лицо рукавом, она поклонилась. С судорожным вдохом она развернулась.

Катсуо ждал ее у ступенек, как она и думала. Но она не ожидала увидеть с ним Фуджимото и Минору. Нанакэ была в дальнем конце двора, следила за Риной и Юи. Девушки на четвереньках отмывали почерневшие камни губками и мыльной водой из ведер. Как долго она молилась?

Фуджимото выпрямился во весь не впечатляющий рост, его лицо уже было красным от злости.

— Ты молила Аматаэрасу о прощении? — спросил он обманчиво спокойным тоном.

Эми осторожно спустилась по ступенькам. Когда она добралась до последней, она низко поклонилась.

— Каннуши Фуджимото, — сказала она, говоря с землей, — прошу, позвольте извиниться за то, что я покинула земли храма без разрешения. Мне очень жаль, что я

причинила неудобства и тревогу.

Тишина была ей ответом. Она настороженно выпрямилась.

— Это все, что ты можешь сказать, камигакари Кимура? — спокойствие сменилось гневом. — Я никогда еще не слышал такого жалкого извинения.

Она вздрогнула.

— Я...

— Ты просишь прощения за часы, что мы провели в поисках? — ядовито спросил он. — За опасность, которой подвергла сохэев, пока они искали в горах? За позор, который теперь на них, как и на мне, ведь ты смогла сбежать из-под защиты храма? За намеренное непослушание, когда я приказывал тебе оставаться в доме?

Быстро моргая, она отпрянула на шагок.

— Я не...

— Ты не только покинула храм одна, но и привела за собой двух опасных ёкаев. Ты рисковала жизнями всех в храме! Ёкай сломал барьер тории, разрушил защиту храма для тех, кто приходит сюда. Ты можешь уйти, но мы будем страдать из-за опасности, которой ты подвергла нас, еще неделями!

Она сжалась от его едкого тона, его гнев бился об нее ледяными волнами.

— У тебя нет чести, камигакари Кимура. У тебя нет уважения к твоему положению, к жертвам тех, кто заботится о тебе и защищает тебя. Ты позоришь Аматаэрасу, Шион, гуджи Ишиду и меня, всех камигакари, погибших до тебя. Они умерли, пытаясь достичь солнцестояния, а ты отбросила безопасность, чтобы показать свое пренебрежение долгом.

Он направил на нее палец, лицо было красным, вены проступили на висках.

— Будущее Аматасуками в твоих руках, но какая тебе разница? Будущее мира, тысяч жизней, которые может изменить Аматаэрасу, в твоих руках, но какая тебе разница? Сто лет, Кимура! Аматаэрасу ждала сто лет и поверила в тебя. Ты предашь ее веру своим глупым непослушанием?

Эми сжалась, но вина угасла, ведь из тьмы ее горя поднялся бушующий гнев.

— Не говорите мне о предательстве, — прошептала она.

— Что ты сказала? — осведомился он.

— Не говорите мне о предательстве! — ее слова вырвались яростным криком.

Фуджимото отпрянул на полшага, потрясение вспыхнуло на ее лице, а потом вернулась ярость.

— Как ты смеешь...

— Как *вы* смеете! — ее голос превратился в дикий визг, сотня эмоций вырывалась из нее, разжигая гнев. — Как вы смеете говорить мне о предательстве! Как смеете говорить об ответственности! Разве вы не предали меня? Разве говорили правду?

Его челюсть двигалась, но он лишился дара речи.

— Разве не врали, Фуджимото? — осведомилась она, шагнув к нему. — Разве вы и другие каннуши не врете маленьким мико? Вы говорите им стать камигакари! Пусть Аматаэрасу выберет вас, и вы станете ками! У вас будет невероятная сила, вы будете с ней! Вы измените мир! — она горько рассмеялась, истерика пробралась в голос.

Фуджимото стиснул зубы, но заговорил Катсуо:

— О чем ты говоришь, Эми?

— Почему бы не рассказать ему, Фуджимото? — с насмешкой спросила она, голос дрожал. — Расскажите ему правду. Им всем, — она махнула рукой на Нанако и девушек,

застывших в конце двора и смотревших на ссору. — Вы говорите, что все жертвуют, защищая камигакари, но почему бы не рассказать им правду о том, чем жертвует камигакари?

— К-камигакари должна отдать...

— В солнцестояние, Фуджимото. Расскажите им, что происходит в день солнцестояния. Он стиснул зубы.

— Амагэрасу спустится из небесного царства, и...

— И уничтожит меня! — завопила Эми. — Она выжжет мой разум и душу, заберет себе мое тело, так ведь? Эту правду скрываете вы, Ишида и другие каннуши! Я не стану ками, не изменю мир. Меня не станет, когда она спустится. А вы говорите, что я предаю ее веру!

Катсуо смотрел на нее, в ужасе открыв рот. Лицо Минору было почти зеркальным отображением, но Фуджимото не дрогнул.

— Ты — эгоистичный ребенок, Кимура, — сказал он. — Думаешь, для мира одна жизнь важнее жизни Амагэсуками?

— Вы ввали мне! — прокричала она. — Вы все ввали мне! У меня не было выбора...

Он шагнул вперед и ударил ее по лицу.

Она выдохнула, пошатнулась и вскинула руку к щеке. Минору схватил Катсуо за руку, оттащив его, пока он не добрался до нее.

— Хватит драмы, — рявкнул Фуджимото. — Я больше не буду слушать твои истерики. Ты — камигакари, это не изменить. Повторю: ты эгоистка. Ты видишь только то, что потеряешь. Думаешь, ты так важна? Пусть страдают тысячи людей, которым Амагэрасу не сможет помочь, потому что у нее не будет проводника в этом царстве? Думаешь, твоя жизнь важнее всех остальных? Ты принесешь жертву ради общего блага, тебя будут почитать, ведь ты, всего лишь смертная, смогла сделать так много.

Он повернулся к сохэям.

— Катсуо... — он замолчал, увидев лицо Катсуо. — Минору, проводи камигакари в ее комнату и убедись, что она останется там. Гуджи Ишида и остальные придут через пару часов, — он пронзил ее взглядом. — Кимура, я жду от тебя подобающего поведения, скромного, соответствующего твоей ответственности. Я отправлю мико Нанако одеть тебя.

Он отвернулся.

— Катсуо, начинай обход. Я не жду тебя до ужина.

Эми стояла, словно приросла к месту, щека болела под ее ладонью. Катсуо с болью посмотрел на нее и пошел прочь. Нанако, Рина и Юи в конце двора стояли, не шевелясь, ничего не говоря. Рина сжимала губку, словно цеплялась за жизнь, ее глаза были огромными. Юи прижимала ладони ко рту, ее губка валялась на земле.

После долгой паузы Минору кашлянул.

— Госпожа?

Она опустила руку. Она пошла к дому по деревянным ступенькам. Ее гнев угас, оставив внутри нее лишь пустое отчаяние.

ГЛАВА 19:

Порой красота и печаль шли рука об руку.

Эми стояла в центре комнаты с отсутствующим взглядом на стену, Нанако осторожно заканчивала вязать сложный узел *оби* за ее спиной. Шелк ничего не весил, по сравнению с отчаянием в ней.

Нанако безмолвно завершала приготовления. В этот раз она прикусила едкий язык и лишь отдавала тихие указания, пока одевала Эми. Старшая мико была в чистом белом кимоно и красных хакама, ее волосы были приглажены и связаны у шеи. Эми в этот раз была не в форме мико. Она была одета как будущая ками.

Ее кимоно было вишневого цвета, шелковым, с узором из цветов по нижнему краю. За ней по полу волочился край, впереди кимоно разделялось у ее лодыжек, показывая бледно-розовый слой под ним. Широкие рукава свисали почти до пола. Оби был красным, но на оттенок темнее, обвивал ее талию, начиная под грудью и доходя до бедер. Красивый узел был на спине.

Ее кимоно было прекрасным, но она ощущала печаль. Эта красота была еще одним слоем обмана, который каннуши сплетали вокруг камигакари. Они укутывали ее в шелк, притворялись, что она станет их ками, а не будет уничтожена их ками. Неделю назад она носила бы это кимоно с гордостью, представляла бы, что скоро божественная сила будет ее — конечно, они будут делить ее с Аматаэрасу.

— Вот так, — сказала Нанако, встала перед Эми и осмотрела ее. — Готово. Выглядишь прекрасно.

— Спасибо.

Нанако поджала губы от унылого тона Эми, почти проявив тревогу. А потом она хлопнула в ладоши, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Посмотрю, готовы ли они. Жди здесь, я приду через пару минут.

Эми не двигалась, а женщина вышла и закрыла за собой дверь. Ее руки висели по бокам, шея болела от веса волос, собранных изящно на затылке, поддерживаемых двумя шпильками, украшенными паучьими лилиями из стекла, красными, как само кимоно. Рана на ее голове уже не кровоточила, и Нанако сняла повязку, но у нее и без этого было еще много бинтов.

Ишида и другие каннуши прибыли полчаса назад, она слышала гул мужских голосов. Она была рада, что не смогла различить среди гула голос Ишиды. Она не была готова к встрече с ним. Его строгое присутствие омрачало ее детство, толкало ее по пути, ведущему к ее разрушению. Его похвала когда-то вызывала у нее радость и гордость, она боялась подвести его.

Она смотрела на стену. Как-то из-за нападения Коянэ, ссоры с Широ, атаки Амэонны она совершенно забыла, что Ишида прибудет в храм. Она не подумала о том, что будет, если Ишида узнает, что она сбегала из храма, а на храм еще и напал сильный ёкай.

У нее не возникало вопросов о том, что произойдет. Ишида не позволит ей быть в такой опасности. Он заберет ее Шион и запрет, окружив самыми сильными сохэями. Храм Шион был огромным, самым крупным храмом Аматаэрасу, и каждый каннуши, сохэй и мико, живущие и работающие там, убедятся, что она никогда не выйдет за пределы своей комнаты. Ради ее защиты они заточат ее в храме до солнцестояния.

Хотя день солнцестояния еще не настал, ее жизнь закончилась сегодня. Свобода закончилась сегодня. Она проведет последние недели взаперти, ожидая конца.

Может, Фуджимото был прав. Может, она была эгоисткой. Было ли так страшно отдать жизнь, чтобы Аматаэрасу получила тело и смогла принести свою силу в земное царство? Она была готова принять это, хоть и с неохотой, пока ее глупая сделка с Широ не вселила в нее ложную надежду. Даже если ей врал, Эми была ответственной камигакари, готовила разум, тело и душу, чтобы Аматаэрасу легко проникла в нее. После сотни лет неудач Аматаэрасу займет свое место среди остальных правителей. Эми могла помочь этому случиться. Она

могла изменить мир, даже если ее роль будет не такой крупной, как она ожидала.

До солнцестояния Эми собиралась молиться Аматаэрасу, чтобы рассказать ей о пропавших Кунитсуками. Если Аматаэрасу найдет их, то Широ сможет попросить Инари снять два последних витка оненджу.

Она содрогнулась и сжала кулаки. Почему было так больно понимать, что она не сможет сама снять оненджу, как обещала? Почему было так больно знать, что она больше его не увидит? Почему в груди была боль? Она не могла выкинуть из головы его вид, когда он был без сознания, в крови, и отпечаток ее ладони был на его груди. Он должен был выжить. Она не вынесет, если он умер из-за нее.

Она не сможет даже поблагодарить его за помощь, за спасение жизни... еще раз. Она не сможет рассказать ему правду. Он может убить ее, стоит ему узнать правду, что она — камигакари, но часть ее не была в этом уверена. Его было сложно предсказать.

«Потому что ты одинока и напугана, и я не понимаю, почему».

Почему только он это видел? Даже до того, как она прочитала руководство каннуши и узнала правду о своей судьбе, страх и одиночество постоянно были с ней. За формой мико и обликом камигакари она всегда боялась, но никто не видел этого. А если и видели, им было все равно.

«Обещаешь?».

Она зажмурилась, борясь со слезами. Да, она будет помнить его до последнего дня. У нее не будет времени забыть его, ведь ее последний день наступит скоро.

Шаги прозвучали возле ее комнаты, ее сердце сжалось. Пора. Как только она выйдет из комнаты на встречу с Ишидой, ее судьба окажется вырезанной на камне.

— Катсуо, — прогудел голос Минору за дверью. — Каннуши Фуджимото отправил тебя в патруль до вечера.

— Мне нужно поговорить с Эми, — заявил Катсуо. — Всего минутку, Минору. Прошу.

— Катсуо...

— Мне нужно только поговорить. Ты знаешь, что другого шанса не будет.

Минору вздохнул.

— Я за водой. Вернусь через пять минут.

Ее дверь открылась, она повернулась, а в комнату зашел Катсуо. Он застыл, огромными глазами он смотрел на ее наряд и лицо.

— Э-Эми, — пролепетал он. — Ты... выглядишь невероятно.

— Как ками? — пробормотала она.

— Я не... — он тряхнул головой и закрыл дверь. — Эми, это правда? То, что ты сказала во дворе? Каннуши Фуджимото отмахнулся, когда я спросил.

Она опустила плечи.

— Я нашла информацию в книге из кладовой... В руководстве каннуши описывалось, что случается с камигакари, когда спускается ками.

Он побледнел.

— Так ты... ты просто...

— Исчезну, — сказала она, почти улыбаясь с горечью, ведь она ненароком повторила его ответ на ее вопрос о телах ёкаев. Она заломила руки, кривясь, ведь задела бинты. — Я хотела рассказать тебе, Катсуо, но я просто...

— Понимаю, — он прижал два пальца к виску. — Что будешь делать? Гуджи Ишида хочет забрать тебя в Шион сегодня. Я слышал его только что. Он сильно разозлился. Он

требовал от Фуджимото объяснений, откуда ты все узнала.

Она понимала, как злится Ишида. Она видела его злым в день, когда умерла Хана, и это зрелище было ужасным.

— Что будешь делать? — повторил Катсуо и шагнул к ней. — Стоит тебе попасть в Шион, и все кончено. Ты застрянешь там до церемонии, а потом будет слишком поздно.

— Уже слишком поздно, — прошептала она, не выдержав его отчаянный взгляд. — Я не могу перестать быть камигакари, потому что не хочу этого. Даже если меня не радует грядущее, я не могу отвернуться от своего долга.

— Что? — выдохнул Катсуо. — И все? Ты просто примешь это? Позволишь им убить тебя? Твоя жизнь тоже ценна, Эми! Ты не вызывалась на это. Как можно сдаться?

Она увидела перед глазами Широ, кровь текла по его груди, он пытался встать и заслонить ее, сражаться, хоть он и знал, что не победит.

Она тоже не могла победить. Она не знала, как бороться со своей судьбой. И не была уверена, хочет ли этого.

— Мы убежим, — заявил он. — Мы спрячем тебя где-то, пока не пройдет солнцестояние.

— Мы? Но, Катсуо, твоя работа...

— Плевать на это! Твоя жизнь важнее всего!

Ее грудь сдавили эмоции.

— Не сработает. Амаэрасу найдет меня в этот день, где бы я ни была. Церемония — лишь формальность.

— Мы что-нибудь найдем, — он обхватил ее руки, заставляя выпрямиться. Она и не понимала, что поражено горбилась. — Не сдавайся, Эми. Пока еще не сдавайся.

В его глазах горели такие же ярость и решимость, как было и в глазах Широ. Как и кицунэ, Катсуо боролся бы, какими бы ни были шансы. Если Широ смог встать после того, как его ранила Амэонна, то Эми тоже сможет сразиться... но как? Чего она хотела? Она не была уверена, но понимала, что не хотела этого — чтобы каннуши увезли ее в Шион и заперли в комнаты на оставшиеся два месяца, ведь тогда последние недели она потратит зря. Даже если она не могла изменить судьбу, она хотела чего-то еще, чего-то большего. Чего она хотела?

Она вспомнила, как Широ смотрел рубиновыми глазами на звезды, обхватывая проклятые бусы на руке. Она заключила с ним сделку. Нет, не просто сделку. Она обещала. И ее обещание снять проклятые оненджу означало не только возвращение его силы, но и возвращение его жизни, его сущности. Проклятие многое в нем сковало, и она не могла оставить его таким.

«Потому что я верю, что, когда ты обещаешь, ты свое слово сдержишь».

Она хотела сделать это до того, как покинет этот мир. Ей нужно было вернуть ему жизнь.

— Ты прав, — сказала она, дрожа из-за того, что задумала. — Я не могу уехать с гуджи Ишида.

Катсуо просиял.

— Уйдем отсюда, и тогда мы сможем...

— погоди, — сказала она. Там, куда она собралась, Катсуо идти не следовало, она не могла так рисковать им. — Я... хочу попросить тебя кое о чем. Об услуге.

Он все еще обхватывал ее руки, забыв или пренебрегая запретом трогать камигакари.

— Какой?

— Катсуо... — ее сердце забилося быстрее. — Можешь... поцеловать меня?

Он отреагировал не сразу. А потом его рот раскрылся.

— Ч-что?

— Поцелуешь меня? Я... не знаю, что будет, но не хочу уйти, так и не... — она слабо улыбнулась. — Ты обещал помочь мне с новым опытом, верно?

— Но... так нельзя... — он замолчал. — Ты уверена?

— Да, прошу.

Он сплотнул, щеки пылали. Она подняла голову, руки дрожали. Он окинул взглядом ее лицо, а потом осторожно склонился. Она закрыла глаза.

Его губы легонько коснулись ее, лишь задев. Он отпрянул, а потом прижался губами к ее губам. Его ладони гладили ее руки, лаская ее, а она переживала. Не было жара, голодного желания, головокружения. Но постепенно из глубины поднялось тепло, незнакомые чувства. Вместо огня и страсти она ощутила притяжение всего, что привлекало ее в Катсуо. Его доброта, сострадание и честность окутывали ее, прогоняя все сомнения и боль, терзавшие ее душу.

Он отпрянул, его лицо было розовым. Она слабо улыбнулась.

— Спасибо, Катсуо, — прошептала она и сунула ладони в рукава кимоно. Ее пальцы коснулись краев тонких листиков бумаги. — Спасибо, что относился ко мне не только как к камигакари. Спасибо, что защищал меня и был моим другом. Спасибо за все.

— Эми...

Она прижала ладонь к его груди.

— Я никогда не смогу отплатить тебе за доброту, но я не могу рисковать твоей жизнью. Я того не стою. Прости, Катсуо.

Он нахмурился.

— Эми...

С болью и сожалением она прошептала:

— *Сотей но шинкетсу.*

Офуда под ее ладонью вспыхнул жаром. Синее свечение влетело в Катсуо, сковывая сиянием все его тело. Она сморгнула слезы. Человек не мог сковать другого человека офуда, но Коянэ показал, что ками способны на большее. Ее ки, на которую повлияла ками, была способна на то, чего не могли даже сильнейшие сохэи или каннуши.

— Прости, — выдавила она и отошла от застывшего Катсуо.

Офуда не ранил его, действие не будет длиться долго. Если она собирается сделать это, нужно спешить, пока он не освободился и не побежал за ней, пока не вернулись Минору и Нанако.

У нее не было времени переодеться. Она спешно оббежала Катсуо и направилась к двери. У порога она заметила блеск металла. В углу стояли лук и шесть стрел, которые она забыла вернуть в кладовую. Она схватила их и отодвинула дверь. Ее ноги в носках скользили по полу, пока она бежала к выходу. Сунув ноги в сандалии, она вырвалась наружу и побежала по ступенькам.

Снежинки летели на нее. Солнце было видно на горизонте на западе как оранжевое сияние среди облаков. Она повернула на тропу и побежала к северным горам, к землям ёкаев. Раньше это место было для нее самым опасным, теперь это было единственное укрытие.

ГЛАВА 20:

Снег тихо падал с небес, а она бежала.

Пастбище и тории остались далеко позади. Тропа вела к горе, маня за собой. Снег поглощал ее шаги, кимоно тянулось за ней. Она сжимала лук и стрелы. Ноги немели от холода, белые носки и сандалии подходили для теплой комнаты, а не для холодной горной тропы.

Когда земля стала ровнее, она замедлилась и оглянулась. Как долго еще будет скован Катуо? Как скоро вернется Минору и поймет, что она ушла? Ее следы на снегу приведут их к ней, а Минору умел бегать быстрее, чем она.

Выбора не было. Она свернула с тропы и побежала в лес. Деревья окружали ее, ветви елей с хвоей и кривые ветви дуба почти закрывали небо. Она бежала, огибая павшие деревья. Ветки били по ней, тянули за волосы и рукава кимоно. Узкая ветка ударила по узлу ее оби и развязала его. Края пояса развевались за ней, как красные флаги. Она бежала.

Широ сражался, несмотря ни на что. Она бежала, пока горло не стало гореть, а ноги — болеть. Она, тяжело дыша, замедлилась, прижав руку к груди. Впереди среди деревьев была небольшая полянка. Темные тени и золотой свет последних лучей солнца сложились в полосы на ровном слое снега. Она вышла на полянку и остановилась в центре.

— Юмей! — ее зов разнесся среди деревьев. — Юмей, где ты?

Она выждала минуту.

— Юмей!

Он ответит или оставит ее в лесу?

Она ждала, а свет солнца угасал. Ее план состоял лишь в побеге и поиске Широ. Ей нужно было покинуть храм раньше, чем Ишида заберет ее в Шион, но просто побега в лес не хватало. Она стояла одна в лесу и жалела, что не взяла с собой Катуо, но не могла вести его на верную смерть. Широ и Юмей оставляли ее в живых по причине, но Катуо от них ничто не защищало.

Она посмотрела на темнеющее небо, надеясь увидеть силуэт темных крыльев. Придет ли Юмей? Следил ли он через глаза одной из своих ворон? Ей стало интересно, как она выглядит с неба. Одна в белом лесу, она стояла в красном кимоно, окружающем ее, как лужа крови. Сколько крови пролилось на снег за эту неделю? Эта зима была полна боли и крови, эта зима была алой.

Огромный ворон не появился в небе. И вороны не звали ее с веток. Она была одна, и она не могла ждать, пока ее догонят. Она прикусила губу, не зная, что делать. Идти дальше в лес без припасов и одной? Ночь не была очень холодной, но она все равно могла замерзнуть. И на нее мог напасть ёкай, когда она замерзнет.

Она потеряла немые ладони друг о друга, дышала на них, чтобы согреть. Что делать? Она зря бежала в лес? Нет, она не вернется. Нужно идти дальше. Она сдержит обещание.

Вздыхнув, она пересекла поляну, двигаясь на север. Пока она шла среди веток, прутьики запутывались в ее волосах. Она резко отпрянула, и одна из стеклянных шпилек вылетела из прически. Она стукнула ее по плечу и упала в снег. Эми замерла, глядя на дыру, что шпилька оставила в снегу. Ее прическа начала разваливаться с каждым движением. Эми выхватила и другую шпильку и бросила на землю.

Заржала лошадь.

Эми развернулась. Черный конь с одной белой ногой стоял посреди поляны и смотрел на нее, насторожив уши.

— Торнадо? — выдохнула она.

Конь снова заржал и тряхнул головой. Его уздечка и поводья пропали. Грязь и листья укрывали его бока, но он выглядел целым и невредимым. Боясь напугать его, она прошла на поляну и протянула руку к нему. Он ткнулся носом в ее ладонь.

— Торнадо, — прошептала она, глядя его голову. Она окинула его взглядом. Ей нужно было убежать подальше от храма, пока Минору и остальные не догнали ее. Конь мог ей в этом помочь.

— Торнадо, ты прокатишь меня? — прошептала она. Оглядевшись, она заметила бревно на краю поляны.

Закинув лук за плечо, она сунула стрелы между слоев пояса на спине. Хотя в прошлый раз поездка не удалась, у нее не было вариантов.

Она положила ладонь на шею Торнадо, он охотно пошел за ней к бревну. Терпеливо ожидая, он позволил ей забраться на спину. Она устроилась там, поправила кимоно. Нежный шелк не мешал ему, конь был фестивальным, обученным носить каннуши и мико в замысловатых костюмах. Эми запустила ладони в гриву коня, подозревая, что она сошла с ума. Она не могла управлять лошадью без поводьев.

Она не успела ничего решить, а Торнадо повернулся и побежал. Эми подпрыгивала, едва оставаясь на спине, а он мчался целеустремленно, словно знал, куда бежать. Он огибал деревья, миновал кусты, а она держалась за его гриву и закрывала лицо от низко свисающих веток. Вскоре они уже поднимались по склону горы.

Их окружила ночь, конь нес ее все дальше в горы. Падал снег, едва заметный в полумраке. Она держалась за Торнадо, радуясь его теплу в пустом лесу. Хотя тьма и окутала их, он не дрогнул. Шли минуты, Эми старалась не упасть. Ноги болели, как и спина, от постоянного подпрыгивания на его твердой спине. Воздух стал холоднее, ее лицо немело.

Она постепенно ощущала на себе взгляды. Она заметила первую ворону: та сидела на низкой ветке и смотрела на Торнадо. Темные точки среди ветвей указывали на остальных птиц. Вороны были здесь, значит, и Юмей следил за ней. Он знал, что она бредет по его территории.

Она задумалась. Разве они просто брели? Торнадо покачивал головой, пока бежал между деревьев. Он двигался решительно, не замедляя ход.

Тэнгу мог говорить с животными. Разве Широ не это говорил ей? Для Юмея люди и животные были одинаковыми. Она крепче схватилась за гриву Торнадо. Вороны летели рядом с ними с дерева на дерево, в темноте было видно лишь трепещущие крылья и темные тени.

Торнадо остановился. Эми села прямо и вгляделась в темноту. Эта часть леса не отличалась от прошлых нескольких миль. Почему Торнадо остановился? Устал, или это был конец их поездки? Эми огляделась, что-то замерцало. Она посмотрела в ту сторону, но ничего не увидела. Стоило отвести взгляд, и краем глаза она уловила свечение. Она взглянула туда, и свет снова пропал.

Она смотрела на ту точку, сосредоточившись.

Медленно, неохотно мерцание света обрело форму. Барьер тускло сиял, красный свет переплелся с черным — цвета ки Тэнгу. Юмей поставил барьер. Свет его магии озарял десятки ворон, сидевших на деревьях. Они с любопытством смотрели на нее с обеих сторон

барьера.

Она съехала со спины Торнадо. Ноги болели и чуть не подкосились, и Эми прижалась к коню, пока ее ноги не смогли держать ее.

— Спасибо, Торнадо, — сказала она, погладив его шею.

Кивнув, он отошел, разгребая носом снег в поисках травы. Она осторожно подошла к барьеру и протянула руку. Как только пальцы коснулись света, он вспыхнул ярче, источая странный холод. Красная энергия, холодная, как жидкий лед, ударила по ней. Эми отдернула руку.

— Юмей? — позвала она. — Впусти меня.

Вороны безмолвно смотрели на нее. Барьер не изменился.

Она нахмурилась. Он знал, что она идет, у него было время открыть барьер, чтобы выпустить ее. Он играл с ней? Она стиснула зубы. Развернувшись, она прошла десять шагов. Встав лицом к барьеру, она убрала волосы с плеч, сняла лук и вытащила стрелу.

Если он не впускает ее, она сама откроет проход.

Она вложила стрелу и подняла рук. Натянув тетиву до щеки, она призвала силы и сосредоточилась на барьере из магии ёкая. Тепло растекалось в груди.

— *Шукусэй но тама!*

Она выпустила стрелу. Та пролетела по воздуху и вонзилась в барьер, вспыхивая. Жаркий воздух ударил по Эми ветром, а за ним последовал холод. Барьер треснул и рассеялся. Магия Тэнгу был поглощена ее очищающим заклинанием.

Закинув лук за плечо, она прошла в лес за барьером. Крылья били по воздуху, вороны следовали за ней, некоторые летели впереди, указывая путь.

Она двигалась среди деревьев, а кожу покалывало. Чужая сила гудела в этом месте, жалила ее пятки с каждым шагом. Она поежилась от странного ощущения, будто магия пробовала ее. Так было от кровавой магии Юмея. Лес стал тише, только слышались ее шаги и хлопанье крыльев ворон. Она оглянулась. Торнадо не пошел за ней. Она обхватила себя руками, чувствуя невероятное одиночество.

Деревьев становилось все меньше, впереди одиноко и величаво стоял огромный дуб. Ветки тянулись к небу, смешивались с тьмой. Смешавшись, все вороны полетели туда, исчезли среди спутанных ветвей, и она осталась одна. Сглотнув, Эми подошла к огромному дубу и посмотрела наверх.

Высоко на толстой ветке стояла фигура, прижавшись плечом к стволу. Серебряные глаза Юмея блестели.

Она взглянула на него. Через миг она поняла, как странно то, что она его видит. Было очень темно.

Но темнота как-то изменилась и позволила ей видеть, несмотря на нехватку света.

Их взгляды пересеклись, она поняла: он не впустил ее в барьер, он и не спустится к ней. Она сама должна прийти.

Она отошла от дерева и в отчаянии оглядела его. Ствол могли окружить четыре или пять человек, нижние ветки были над ее головой. Она пожевала губу и отмерила десять шагов назад. Она снова взяла лук.

Вытащив стрелу, Эми прицелилась и выстрелила. Стрела со стуком вонзилась в ствол. Она вытащила вторую стрелу и выстрелила снова. В третий раз она выпустила стрелу. Вернувшись к дереву, Эми осмотрела свою работу. Три стрелы пронзили кору по диагонали.

Оставив лук и стрелы возле ствола, она поставила ногу на нижнюю стрелу, проверяя ее.

Стрела выдержала ее вес, Эми обняла дерево и поднялась, схватившись за вторую стрелу, чтобы была на несколько футов выше первой. Эми осторожно забиралась по стрелам, дотянулась до нижней ветки и залезла на нее.

Сердце колотилось, она боролась с желанием посмотреть вниз. Вместо этого она подняла голову и посмотрела наверх. Юмея отсюда видно не было. Выпрямившись на ветке, она потянулась к следующей. Шаг за шагом, ветка за веткой, она поднималась все выше. Земля пропала, и Эми окружали только дрожащие ветки и осенние листья в снегу.

Она схватилась за последнюю ветку, втянула себя и села. Тяжело дыша, она посмотрела на Юмея, стоящего рядом с ней. Он взглянул на нее без эмоций на лице. А потом он протянул руку, на пальцах сияли черные когти.

Она потрясенно смотрела на него, а потом нерешительно вложила ладонь в него. Он легко поднял ее. Она покачнулась, а ствол был слишком далеко, чтобы она могла удержаться. И все же она попыталась высвободить руку, ей не нравилось касаться его. Его хватка стала крепче, другую ладонь он прижал к коре, серебряные глаза взглянули на Эми.

— Я не впускаю тебя одну.

Под его ладонью дерево стало размытым. Сияющие красные линии побежали от его ладони, рисуя узоры на коре. Свет вспыхнул и пропал. Открылась дверь, ведущая во тьму.

Эми отпрянула и чуть не упала с ветки.

— Что... что это...

— Боишься войти в Тсучи, человек?

Не дав ей ответить, он шагнул во тьму и потянул Эми за собой. Она сопротивлялась, боясь тьмы. Было страшно ступить в Тсучи, земное духовное царство — часть мира людей и нет, мир, существующий в ее мире, но отделенный от него. Место рождения ёкаев.

Неужели она шла так далеко, чтобы теперь отвернуться?

Сдавшись, она шагнула за ним. Тьма окутала ее холодом. Чужая магия, которую она ощущала, приближаясь к дубу, пронзала ее холодом и жаром. Она толкала ее в лес мира людей, но Юмей тянул ее за руку.

Она сделал шаг, и тьма пропала. Эми увидела комнату, озаренную светом свечи, почти круглую, без окон. Стены были из дерева без стыков. На выступях на стенах стоил свечи, воск медленно таял от огня. Странные предметы — камешки, свитки, деревянные шкатулки, расписная чашка, сломанный меч — покрывали низкий столик в углу, вокруг него лежали подушки. В другом конце были беспорядочно расставлены другие шкатулки и предметы.

А на пустом месте, у дальней стены, лежал Широ на одеялах, укрытый шерстяным покрывалом. Его белые волосы мерцали в трепещущем свете свечей. Не думая, она побежала к Широ. Опустившись на колени, она осмотрела его лицо. Красные символы все еще были на его щеках. Она осторожно убрала волосы, открывая символ в центре его лба.

— Он... будет в порядке? — спросила она, оглянувшись.

Юмей опустился на подушку у стола. Он уткнулся локтем в поверхность стола и подпер ладонью подбородок.

— Видимо, да.

Повернувшись к Широ, она подняла одеяло и заглянула под него. Его косодэ сняли, белые бинты покрывали его грудь и плечо. Она подоткнула одеяло под него и села, радуясь, что он жив. После долгого пути в холодной ночи, тепло все же наполнило ее тело, хоть воздух и остался прохладным, и она потирала ладони.

— Хозяин, вы принесли угощение?

Голос прохрипел рядом с ее левым плечом. Она оглянулась и подавила крик.

Рядом был ёкай. Он был размером с ребенка с темной потрепанной кожей и тощими конечностями, отчасти закрытыми изорванной косодэ. Черный клюв торчал из его лица вместо носа и рта, хохолок черных перьев виднелся на его лысой голове, подчеркивая его длинные заостренные уши.

— Пахнет вкусно, — ёкай склонился ближе к ней. Она отпрянула.

— Оставь ее, — сказал Юмей, не отрывая взгляд от свитка, который поднял со стола. — Она принадлежит кицунэ.

Эми застыла. Ёкай щелкнул клювом с недовольством и отошел к трем похожим ёкаям, сидящим среди сундуков и бочек у стены. Существа смотрели на нее глазками-бусинками.

Отведя от них взгляд, она снова осмотрела комнату, отмечая круглые стены из дерева без стыков.

— Мы внутри дуба? — удивленно спросила она. Комната была намного больше ствола дерева.

— И да, и нет, — сказал Юмей, раздражение пробралось в его голос, он оторвал взгляд от бумаги. — Тсучи отражает твой мир, но не идеально. Или ваш мир неидеально отражает наш.

— Так здесь живут ёкаи?

— Некоторые из нас.

— Я думала, сюда приходят ёкаи, когда они умирают.

— Наш дух возвращается в Тсучи, да, но это не мир мертвых, — он опустил свиток. — Подойди, мико.

Приказ не предполагал возражений. Она встала и пересекла комнату, опустилась в лужу красного шелка на одну из подушек. Она дрожала. Она была в мире ёкаев. И вернуться можно было только через дверь, полную странной тьмы. Если она попытается уйти сама, отпустит ли ее магия этого места? Или Эми будет здесь, пока Юмей не отпустит ее?

— Расскажи про нападение ёкая дождя и инугами.

Она моргнула, не ожидая этого. Эми сбивчиво описала облик Амэонны и бой с инугами. Пока она рассказывала, выражение лица Юмея оставалось без эмоций и нечитаемым.

— Опиши, каким был кицунэ, когда ты проснулась.

— Широ? Он... — перед глазами возникла картинка. — У него были три хвоста из белого огня, шары синего и красного огня парили позади него полукругом.

— *Кицунэби*, — сообщил он. — Это лисий огонь.

— На его руках были линии огня, и они меняли узоры. А символы на его лице сияли красным, — она посмотрела на спящего Широ. — Символы остались.

— Это все?

Она кивнула, глядя на Широ.

— Я не знала, что он будет таким сильным. Три хвоста... — и оставалось еще два витка оненджу.

Она читала в мифах и сказках, что кицунэ получали новый хвост каждую сотню лет, и с каждым хвостом они становились сильнее. Величайшими кицунэ были *кьюби но кицунэ*, девятихвостые лисы, такие сильные, что по опасности были близки к драконам.

Она повернулась к Юмею и посмотрела на его нечитаемое лицо.

— Почему ты помогаешь Широ? Ты не знал, что он так силен. Так почему помог тогда?

— Кицунэ пришел ко мне, потому что я понимаю язык зверей.

Широ в лисьем облике приходил к Юмейю, чтобы попросить о помощи у того, кто может его понять, но...

— Это не объясняет помощь.

Юмей безмолвно смотрел на нее.

— Почему ты называешь его «кицунэ», а не Широ?

— Потому что это не его имя.

— Как тогда его зовут?

— Не знаю, — он пронзил ее взглядом, как клинком. — И он не знает.

Ей стало не по себе.

— Ч-что?

Юмей взглянул на маленьких ёкаев в другом конце комнаты.

— Уйдите.

Они вскочили на ноги. Со вспышками черной магии они превратились в ворон и вылетели в дверь, исчезая за зловещим занавесом тьмы, наполнявшим проем.

Тэнгу снова посмотрел на нее, его глаза сияли, зрачки стали точками в озерах серебра.

— Перед тем, как говорить о том, кто и что кицунэ, — сказал он, голос стал тихим и опасным, — поговорим о тебе, мико.

Он поднял руку, коготь уткнулся в ее грудь, прямо над сердцем.

— Или правильнее говорить... камигакари.

ГЛАВА 21:

Она выдохнула и отпрянула. Ужас нахлынул на нее льдом.

Он отклонился, не собираясь резко нападать. Но серебряные глаза смотрели на нее, будто он был волком, следящим за добычей. Она хотела бы рассказать правду Широ, но не Юмейю. Тэнгу ее щадить не станет.

Она посмотрела на дверь. Успеет она добежать до того, как он ее остановит? Но что делать снаружи? Она на его территории, она не могла сбежать так, чтобы ее не догнали его вороны.

— Говори, камигакари, — сказал Юмей. — У меня заканчивается терпение.

— Что мне сказать? — испуганно спросила я. — Ты уже все понял. Если хочешь убить меня, делай это.

— Я не собираюсь обрывать твою жизнь... пока что.

Она сглотнула, пытаясь подвить панику.

— Что ты хочешь знать? — спросила она уже спокойнее.

— Почему ты не в Шионе?

— На меня напал в парке у храма ёкай. Они решили, что мне будет безопаснее в неприметных местах. Потому последние три года меня прятали в маленьких храмах.

— Почему ты ищешь других Аматсуками?

— Я... узнала кое-что о церемонии солнцестояния, — она запнулась, отогнала эмоции, чтобы он не увидел их. — То, что я камигакари, означает, что я погибну, когда спустится Аматэрасу. Мне нужно было узнать, так ли это, ждет ли меня... И я попросила Широ найти Аматсуками, чтобы узнать ответ.

— И прошлой ночью? Ты получила ответ?

— Да... это правда.

Он не был удивлен и не сочувствовал.

— И ты сказала ему, что ты — камигакари Аматаэрасу.

Она кивнула. Уголки его губ опустились, он несколько минут молчал. А потом взглянул на нее.

— Ты можешь снимать оненджу из-за ки Аматаэрасу.

— Это я поняла, — согласилась она. — Но я не понимаю, почему так получается.

— Подозреваю, что ки Аматасуками сплело проклятие.

Ее рот раскрылся. Ей казалось, что сила бусин знакомая, когда она впервые ощутила ее. Если Аматасуками создал проклятие, то только она или другой Аматасуками могла влиять на него.

— Зачем Аматасуками проклял его? — потрясенно спросила она.

— Действительно, — пробормотал Юмей. — Зачем тратить столько сил на простого кицунэ?

Она посмотрела на Широ, помня, как он выглядел, когда понял, как призывать мечи.

— Он не помнит своего имени, да? — прошептала она. — И не знает, кто он?

— Верно.

Эми оторвала от него испуганный взгляд.

— Он помнит, почему его прокляли?

— Нет. Незначительные воспоминания и осколки знаний вернулись, когда ты сняла первый виток. Когда он проснется, мы узнаем, что еще он вспомнил после снятия второго витка.

Она прищурилась.

— Почему тебя так волнует его амнезия? Ты явно не из тех, кто помогает просто так.

К ее удивлению, на его губах появилась тень улыбки после ее грубого замечания. Она быстро попала, он посмотрел на Широ.

— Я не знаю его, но лес его помнит. И Тсучи помнит его присутствие... и приветствует его.

Эми поежилась, вспомнив чужую силу, которую ощутила, проходя сюда.

Юмей постучал когтем по столу, это беспокойство было непривычным, обычно он вел себя сдержанно.

— Когда пропала Инари, все кицунэ ушли на ее поиски. Один за другим они пропадали, пока не осталось никого. Я не видел никого из их вида веками, пока не пришел он.

— Думаешь, он знает что-то об исчезновении Инари? — шепотом спросила она. Если Широ ушел искать Инари с другими кицунэ, но вернулся, может, он что-то узнал. И кто-то хотел, чтобы он это забыл. Но почему его прокляли, а не убили?

— В его памяти скрыты секреты, — сказал Юмей. — Если он вспомнит их, может, мы сможем раскрыть тайну исчезновения его госпожи.

— А потом Инари сможет найти других Кунитсуками, — закончила Эми. Она рассеянно разгладила рукава кимоно. Широ, казалось, был расстроен из-за пропажи Инари. Он думал, что Инари оставила мир по своему выбору, или подозревал, что Кунитсуками пропала не просто так? Говорил ли Юмей об этом с Широ, или...

Она смотрела на свои ладони, вспоминая силу Аматасуками, вырвавшуюся из бусин, когда она убрала виток.

— Если Широ был проклят оненджу, чтобы скрыть возможные секреты об исчезновении Инари, почему оненджу созданы из ки Аматасуками?

Юмей молчал.

— Думаешь, Аматсуками как-то связаны с исчезновением Кунитсуками? — она недовольно фыркнула. — Это невозможно. Может, Аматсуками и не нравятся Кунитсуками, но они бы не стали так поступать. Они понимают, что это нарушит равновесие.

— Ты считаешь, что они хотят сохранить равновесие. Ками не уравнивают силу, они жаждут ее.

Она покачала головой, но не спорила. Тошнотворный страх впивался в нее. Если он думал, что Аматсуками были виноваты в пропаже Кунитсуками, то тогда он захочет помешать Аматэрасу спуститься и добавить сил Аматсуками. Она была жива только потому, что могла снять с Широ оненджу. А потом он убьет ее. Он уже говорил это.

Не видя или игнорируя ее страх, Юмей встал.

— Я должен восстановить барьер. Оставайся здесь, — в его голосе зазвучало предупреждение. — Не пытайся уйти, камигакари. Мои *карасу* охраняют вход. Ты далеко не уйдешь.

Он пошел к двери из тьмы плавными шагами.

— Юмей? — она подавила дрожь в голосе. — Как ты узнал? Что я камигакари?

Он замер у порога и оглянулся.

— Я не был уверен, что только сила ками может снять оненджу, но человек не смог бы пробить мой барьер.

Он шагнул вперед и пропал во тьме, оставив ее в комнате с Широ.

Она потерла лицо руками. Юмей использовал Торнадо, чтобы принести ее к барьеру, а потом сел и ждал, чтобы увидеть, как она с этим разберется. И что она сделала? Показала во всей красе свою ки. И теперь самый опасный ёкай гор знал ее секрет и намеревался убить, как только она перестанет быть ему полезной.

Горький смешок сорвался с губ. Она убежала от людей, которые убедились бы, что ее жизнь оборвется в день солнцестояния, чтобы попасть к ёкаю, который убьет ее раньше. Она была обречена, как ни крути.

Поднявшись, она пересекла комнату и опустилась рядом с Широ. Она знала, что у него были проблемы с памятью — он забыл о мечах, не помнил жизнь до проклятия — но он не понимала, насколько серьезные. Она даже не знала своего имени. Как давно он бродил по миру, запертый в облике лиса, не знающий, кто он и что с ним случилось?

Она следила, как вздымается и опадает его грудь. Она пришла снять оненджу, но теперь Юмей знал ее тайну. Она жила, потому что он позволил, потому что она обещала снять с Широ оненджу. Юмею нужны были воспоминания Широ, чтобы продолжить поиск пропавших Кунитсуками, и если она снимет бусы, Юмей тут же убьет ее.

У нее не было выбора. Ей нужно было тянуть время. Юмей знал, что магия не сработает, если она не захочет. Он не мог заставить Эми. Если все продумать, можно сделать так, чтобы она сняла оненджу там, где ее не достанет Тэнгу.

Подняв край одеяла, она раскрыла руку Широ, обвитую оненджу. Как ужасно было не помнить, кем ты был? Не помнить, кто проклял тебя и оставил беспомощным на годы?

Она провела пальцами по оненджу и ощутила шепот их силы. Кончики ее пальцев скользнули мимо бусин на черную ткань, обвивающую его руку. Она поймала себя на том, что проводит пальцами по его коже, огибает бицепс, плечо, линию ключицы до впадинки. Ее пальцы нашли пульс на его шее, она задержалась там, успокаиваясь медленным ровным ритмом. Она так боялась, что он умрет.

Ее взгляд скользнул по его лицу, задержался на губах, приоткрытых во сне. Щеки вспыхнули от смущения, она вспомнила, как попросила Катсуо поцеловать ее. Но ей нужно было сделать это. Нужно было понять, были ли ее чувства, когда Широ целовал ее, реакцией на поцелуй или реакцией на него.

Вот только сработало все не совсем так. Поцелуй Катсуо был совсем другим — нежным, похожим на успокаивающие объятия, а не на страстный поцелуй. А ее сердце билось быстрее от одной мысли о губах Широ на ее губах. Почему? Она не понимала. Может, она так реагировала из-за запрета.

Она смотрела на него, ее пальцы скользнули по шее к его челюсти. Потому что это запрещено. Касаться его было запрещено. Целовать его было запрещено. Хотеть его было запрещено.

Ее пальцы коснулись его губ, от теплого дыхания ладонь покалывало, по руке побежали мурашки.

Она отдернула руку и прижала к груди, словно она была не под ее контролем. Что с ней такое? Трогать его, пока он спит? Она была не лучше его, целующего ее, пока она была без сил. Теперь они были квиты. Она отклонилась к стене, строго отчитывая себя за такое поведение.

Отклонив голову, она закрыла глаза. В голове вспыхнуло изображение Катсуо, скованного ее силой, вина терзала ее. Она была испугана и одинока, ее окружали те, кто хотел ее смерти — люди, ёкаи, ками. Был ли хоть кто-то, кроме Катсуо, кто не хотел, чтобы она погибла?

«Если дашь повод...» — даже Широ обещал убить ее, если до этого дойдет. Слезы обжигали глаза. Усталость растекалась по ней, давали о себе знать болящие мышцы. Она спала лишь пару часов. Несколько минут отдыха не навредят. Юмей говорил ей оставаться здесь.

Она быстро уснула.

* * *

Она бежала, под ногами проносилась земля, укрытая снегом.

Впереди среди темных деревьев мчался маленький белый лис. Его пушистый хвост двигался в стороны с каждым прыжком. Она бежала за ним, ледяной воздух терзал легкие. Она хотела позвать его, чтобы он остановился, но не хватало дыхания.

Он бежал быстро, отрывался от нее все сильнее. Его белый мех появлялся и исчезал, деревья и кусты закрывали его от нее. Она побежала быстрее, тяжелое кимоно задерживало ее, тянулось по снегу алыми волнами шелка. Лес становился темнее, тени словно танцевали, словно ожили.

Кицунэ пропал за деревьями. Тяжело дыша, она шла по его следам на снегу. Он появился снова, за ним мерцали три хвоста. Он был размером с волка, сияющие шары огня трепетали вокруг него, поспевая за ним.

Ей стоило бояться, но она думала лишь о том, что нужно его поймать. Ей нужно было сказать ему... что-то. Но он убежал от нее.

Тьма потекла по земле толстыми щупальцами, приближаясь к ним. Боль пронзала ее грудь, ноги гудели. Кицунэ бросился вперед, завернул за угол и скрылся за кустами. Тьма сгущалась, поглощая все, пока не остались только следы его лап на снегу, ведущие ее вперед.

Она обогнула деревья и столкнулась с жаром, как от адского пламени.

Ее ожидал чудовищный дух. Его огромное тело было из плоти и огня, мех мерцал белым

пламенем. Он заполнял поляну, был ужасно большим. За ним развевались девять хвостов. Огонь бушевал под его огромными лапами, снег таял, превращаясь в лужи воды.

Перед ним жался кицунэ с тремя хвостами, что размером напоминал волка.

Великий кьюби но кицунэ опустил голову, пылающие чисто алые глаза смотрели на кицунэ, стало видно клыки. Алые метки сияли на его лице и лбу. Зверь издал низкое рычание. Огонь окружил его, девять хвостов полыхали. Зверь собрался, раскрыл пасть.

Эми прыгнула к нему, вытянув руку, крича имя.

Он бросился на кицунэ волной раскаленного белого пламени, она видела лишь огонь, а потом уже ничего не могла разглядеть.

Она открыла глаза, и кьюби но кицунэ пропал. Ее охватило облегчение. Сон. Всего лишь сон. Она все еще была в доме Юмея, тени трепетали на стенах, комнату озаряла лишь одна свеча. Здесь не было чудовища из огня.

Но она все еще ощущала жар пламени.

Она взглянула на Широ. Метки на его щеках сияли, лицо напряглось, дыхание было быстрым и резким. От него исходил жар. Он подрагивал, мышцы сокращались, хотя его глаза были закрыты. Не только ей снились кошмары.

— Широ, — громко сказала она. — Широ!

Он не слышал ее. Она оттолкнулась от стены и протянула к нему руку, замерев, когда она ощутила жар.

Воздух вокруг него искрился. Огоньки превращались в шары, разгорались, становились горячее, пока увеличивались. Один из них пролетел над ее головой, чуть не подпалив ее волосы. Она пригнулась и потянулась к нему.

— Широ! — завопила она, схватила его за плечо, пытаясь разбудить.

Стоило ей коснуться его, глаза Широ раскрылись. Он резко сел, покрывало отлетело, и в следующий миг ее спина врезалась в стену, ноги неудобно растянулись на полу.

Он склонился над ней, одной рукой с силой сжимая ее плечо. Другую он занес перед ее лицом, согнутые пальцы были с когтями из красного огня. Его три хвоста трепетали за ним, кицунэби медленно танцевали вокруг него.

Он смотрел ей в глаза, и его глаза были пустыми безднами сияющей красной ненависти.

— Широ? — пролепетала она.

Он моргнул. Рука немного опустилась, он моргнул еще раз и посмотрел на ее лицо. Он отпустил ее и огляделся, сияние в глазах угасало. Он уставился на парящие кицунэби и растерянно нахмурился. Он повернулся к Эми и окинул ее взглядом. Все в ней затрепетало, и лицо запылало.

— Почему ты так одета? — спросил он.

Она нахмурилась.

— Это твой первый вопрос?

— Мне нужно спрашивать что-то еще? — вернулась ухмылка, и она ощутила облегчение, ведь он стал собой.

— Может, стоит спросить, что случилось после того, как ты почти умер?

— Случилось это?

Она прижалась к стене. Он сжал ее ноги, не давая ей отпрянуть, и он был так близко, что она едва могла дышать.

— Ты не собираешься сдвинуться? — возмутилась она.

— Вы будете ее есть? — прохрипел голос.

Они с Широ вздрогнули. Он схватил ее за плечи и оттащил от говорящего, не понимая, что сидел на ее кимоно. Они рухнули, и он оказался на ней. Воздух вылетел из ее легких.

— Хозяин сказал, что человек принадлежит вам.

Лежа на полу, они с Широ посмотрели на ёкая-ворону, идущего к ним на тонких ножках, его глаза-бусинки смотрели на нее.

— Поделитесь? — спросил он с надеждой и склонился к ней.

— Я не делюсь, — четко сказал Широ. — Уходи.

Плечи ёкая опустились. Недовольно щелкнув клювом, он превратился в ворону, пролетел по комнате и вылетел с громким карканьем.

Эми взглянула на Широ в тот же миг, когда он повернулся к ней, их носы разделяли сантиметры. Она вдруг осознала, что он лежит на ней, его тело было теплым и тяжелым. И он был без косодэ, только в бинтах. Ее сердце ёкнуло, она прижалась к полу, но сбежать не могла.

Его рубиновые глаза прожигали ее, разбивали защиту, проникали до костей, и она не могла ничего скрывать.

— Боишься? — его голос был смесью льда и огня, тон понять не получалось.

Ее сердце безумно колотилось, желудок исполнял сальто. Боялась ли? Да, но не того, что он ранит ее. Она не знала, чего боялась.

— А должна? — прошептала она.

— Я — ёкай. Ты всегда должна меня бояться.

Она облизнула губы.

— А если я не боюсь?

— Тогда ты глупая.

Ни одно слово не смогло бы описать ее в этот миг. Она была прижата к полу сильным и опасным ёкаем, не знала его намерений, была в доме другого ёкая, еще более сильного, который хотел убить ее, и все это было в опасном царстве ёкаев. Но она не боялась за жизнь.

— Похоже, мне уже все равно, — выдохнула она едва слышно.

Он замер.

— Тебе все равно, если я раню тебя? Если убью тебя?

— Какая разница? — она закрыла глаза и отвернулась от него. — Юмей все равно хочет убить меня, как только я сниму с тебя оненджу.

— Разве?

— И если он не сделает этого до солнцестояния, я все равно погибну.

— Солнцестояние, — сухо повторил Широ.

Она вздрогнула. Не стоило этого говорить. Отчаяние бушевало в ней, пытаюсь захватить ее.

— Что с солнцестоянием, маленькая мико?

Открыв глаза, она выдавила сухой смешок, сердце колотилось, а кровь похолодела от страха. Оказавшись под ним, она была ужасно уязвимой.

— Неужели не ясно, Широ, почему жалкий человек может снять проклятие, созданное ки Аматсуками?

Он смотрел на нее, на лице не было ничего, но не от смятения, а от подавляемых эмоций. Его пальцы коснулись ее кожи ниже ключицы. Он провел пальцами ниже, убирая ее кимоно. Она напряглась, а он опустил взгляд на ее грудь. Она знала, что он видит: на ее

коже была четкая метка Амагэрасу.

Он убрал руку от ее кожи, закрыл глаза и опустил голову. Он не двигался, закрылся в себе. Он пытался заставить себя убить ее? Или прогонял чувства, чтобы нанести смертельный удар? Он говорил, что не сможет убить ее без чувства вины. Будет ли все так же, когда он узнал, что она — камигакари? Было ли убийство важнее снятия оненджу?

Она не двигалась, но ее грудь вздымалась, она дышала все быстрее. Напряжение сковало мышцы, она не могла ждать, зная, что грядет. Почему она рассказала ему? Что за безумие?

— Успокойся, — пробормотал он. — Я не могу думать.

— Ч-что?

— Я пытаюсь вспомнить, — он вздохнул. — Метка напоминает мне о... я не уверен.

Она моргнула, сердце забилося медленнее.

Он поднял голову, и она удивилась, увидев его ухмылку.

— Ты же не подумала, что то, что ты камигакари, избавляет тебя от нашей сделки?

— Я... нет... Ты не хочешь убить меня?

— Ну, твоя ки... — он склонил голову и провел носом по ее челюсти, медленно вдыхая, — заманчивая, но нет. Я такого не планировал.

— О... значит, ты хочешь просто съесть меня, как тот ёкай-ворона.

— Не как карасу, — прошептал он, низкие нотки его голоса заставляли ее трепетать. — И ты так и не сказала, почему так одета.

— Я... — она пыталась подобрать слова, отвлекаясь на его теплое тело и дыхание у своего уха. — Я должна была встретиться с гуджи Шиона, но сбежала.

Он вскинул голову, и она пожалела, что сказала это.

— Ты сбежала? Я думал, тебя принес Юмей.

— Нет, я пришла сама.

— Да? — он склонил голову на бок. — Зачем?

Она знала, что он хотел спросить, зачем было поступать так глупо.

— Потому что они собирались запереть меня в Шионе до солнцестояния. Я бы не могла...

— Что?

— У нас сделка, — прошептала она. — Если бы они заперли меня, ты так и остался бы с оненджу.

Он смотрел на нее, странные тени двигались в его рубиновых глазах. От его взгляда ей было сложно дышать.

А потом он вскинул брови, вернулась его кривая улыбка. Он постучал пальцем по ее щеке, напоминая этим, что он все еще был поверх нее.

— Так я оскверняю чистоту камигакари своим грязным прикосновением?

— Не важно, — ответила она, не подумав.

— Нет? — его голос стал тише, он словно урчал. Его палец скользнул по ее щеке, как перышко. — Хочешь, чтобы я слез?

Она смотрела в его глаза, зачарованная. Хотела ли она? Да. Стоило так ответить. Стоило прогнать его. Ее сердце колотилось, жар медленно растекался по ней, его жар смешивался с тем, что вспыхивал внутри нее. Это был единственный правильный ответ.

Но слово не сорвалось с губ. Она не могла двигаться, не могла говорить.

Он склонился. Его губы замерли над ее, так близко. Она приоткрыла рот, глядя, как его зрачки расширяются. Она закрыла глаза и сдалась тому, что будет дальше.

Его теплое дыхание коснулось ее кожи, а потом его губы легонько задели ее.

Пол загудел под ними.

Широ вскинул голову. Дерево содрогалось, чужая магия кружила в воздухе ледяным ветром. Широ вскочил на ноги, его стойка была напряжена.

— Широ, что такое? — спросила Эми, поднимаясь и поправляя верх кимоно.

— Тсучи злится... или Юмей. Не уверен, — он оглядел комнату, пол перестал дрожать, но магия все еще искрилась в воздухе. — Но все это плохо.

Он прошел к разномастной коллекции предметов на стене и схватил сверток черной ткани. Он встряхнул его и развернул добротную косодэ, надел и пошел к двери.

— Оставайся здесь, — бросил он через плечо.

— Нет, стой!

Он уже пропал во тьме на пороге. Она не успела подумать о том, как это глупо, и бросилась за ним в черную бездну. Холодная магия обхватила ее на удар сердца, пробуя ее кожу, ее душу, а потом вытолкнула Эми в ее царство.

Холодный воздух ударил ее в лицо, тысяча кричащих голосов обрушилась на уши. Она вылетела из проема, размахивая руками, и врезалась в Широ. Он схватил ее раньше, чем она смогла упасть с ветки. Она прижалась к нему, дико озираясь.

Ветки огромного дуба скрипели вокруг них, были полны ворон, и все они кричали с нескрываемой яростью.

ГЛАВА 22:

Стая разъяренных ворон беспрестанно каркала, они били крыльями по воздуху, черные глаза пылали в темноте.

— В чем дело? — Эми перекрикивала ужасный шум.

Широ, прижав уши к голове, чтобы заглушить шум, обхватил ее за талию и спрыгнул с ветки. Эми вскрикнула, они полетели вниз, и Широ приземлился на другую ветку. Он прыгал так, пока не попал на нижнюю, а потом на снег.

И тут вороны затихли. В ушах звенело от внезапной тишины.

Магия трепетала над землей, скользила по коже Эми ледяными когтями, проникая холодом и силой глубоко в нее. Воздух казался ужасно тяжелым.

Широ закрыл ее собой, от него исходило напряжение.

— Оставайся за мной и *не двигайся*, пока я не скажу.

Она открыла рот, чтобы спросить, что происходит, но магия в воздухе превратилась в бурю из вспышек. Эми схватилась за косодэ Широ и прижалась к его спине.

Красный свет вспыхнул в небе. В вихре магии огромная крылатая тень промчалась мимо деревьев. Черные крылья не были плотными, за ними развевались ленты красной магии. Чудовищная птица опустилась на снег перед ними.

Эми прижималась к Широ и боялась двигаться. Огромный ворон возвышался над ними. Он напоминал Юмея... но был *намного* больше.

Ленты красной магии образовывали странные символы, мерцая за ним, смешиваясь с живыми тенями, трепещущими на нем. Его ки окружила их, терзая Эми, и она хотела кричать.

— Что происходит, Юмей? — спросил Широ спокойно, словно спрашивал о погоде.

Серебряные глаза ворона вспыхнули яростью.

— Они убивают моих ворон, — клюв не двигался, но рычащий голос эхом разносился среди деревьев. Древняя сила и ледяная ярость обволакивала каждое слово, и Эми поняла, что до этого не осознавала, как стар и силен Тэнгу.

— Кто убивает их?

Как мог Широ звучать так спокойно перед гневом огромного ворона?

— Ками. Ками, посмевшие войти в мой лес, убивают моих карасу.

Широ резко вдохнул.

— Что ками делают здесь?

— Не знаю. Я уничтожу их, — серебряные глаза ворона пылали силой. — Тсучи не безопасно. Забирай камигакари в ее храм и жди.

Вороны, что молчали с момента прибытия хозяина, снова яростно закричали. Крылья Тэнгу развернулись, магия пронзала атмосферу невидимыми молниями. Ворон полетел в небо, огромные крылья били по воздуху, во все стороны летел снег. Сотни ворон слетели с ветвей, теневая магия окутала их крылья, они последовали за Тэнгу.

Широ обхватил ее запястье и пригнулся, заводя ее себе за спину. Она обвила руками его шею, а ногами — пояс, и он встал. Не оглядываясь на огромный дуб, он сорвался с места, быстро унося их прочь.

— Широ, мы не можем вернуться в храм, — выдохнула Эми. — Там гуджи. И тебя попытаются убить...

— Там безопаснее, чем здесь, — перебил ее Широ, звуча уже не так спокойно, как было при разговоре с Тэнгу. — Нам нельзя находиться поблизости, когда Юмей начнет убивать ками.

Она сжала в руках его косоде.

— Тэнгу был стражем этих гор тысячу лет, — рычал он. — Эти ками — дураки, раз пришли на его землю. Чтобы победить его здесь, потребуется Аматасуками.

— Но зачем ками вообще пришли сюда?

— Подозреваю, твой приятель Коянэ все еще охотится на тебя.

Ее глаза расширились. Коянэ все еще пытался убить ее? Зачем?

Тихий лес не мог ответить. Они с Широ были единственными живыми существами среди неподвижных деревьев. Животные, птицы и ёкаи пропали. Они ощущали гнев Тэнгу, его скапливающую силу? Она хотела бы тоже укрыться до того, как разразится буря.

Широ решительно бежал, порой замедляясь, чтобы перевести дыхание, а потом ускорялся. Воздух был слишком холодным и заряженным. Она не знала, было ли это ее воображением, но она ощущала враждебность, исходящую от деревьев, от земли.

С каждой милей храм становился все ближе. Она не могла вернуться, пока не снимет с Широ оненджу. Она не могла дать кому-нибудь из храма увидеть его. Они попытаются убить его, не будут ее слушать. Она должна защитить его. Поможет ли ей Аматаэрасу?

Широ замедлился. Терзающий холод воздуха и гнев Тсучи, покалывающий ее кожу, почти пропали.

— Как далеко храм? — спросила она, Широ ослабил хватку, чтобы она могла съехать с его спины. — Гуджи мог послать сохэев искать меня в лесу.

— Если здесь есть люди, они уже мертвы.

В ее голове вспыхнуло лицо Катсуо. Ишида не дал бы Катсуо искать ее. Он должен оставаться в храме. Должен.

Холодный ветер ударил в них, отбросил назад волосы Эми, потянул за ее кимоно. Широ

вскинул голову, шевеля ушами. Он подхватил ее на руки и сорвался на полной скорости с места и не в ту сторону.

Эми увидела, от чего он убегал. Среди деревьев стоял мужчина.

Он был в одежде сохэя, в руке был меч, но лицо было слишком красивым для человеческого, черты были идеальными, как у Коянэ. Их взгляды встретились, и Kami улыбнулся ей. А потом он пропал, не попытался преследовать Широ, уносящего ее прочь.

— Из какого Йоми они пришли? — рычал Широ, прижимая ее к груди, пока поворачивался к храму. — Твой гуджи сможет тебя защитить?

— Н-не уверена. Возможно...

Он вдруг врезался ногами в снег, отчаянно пытаясь остановиться. Впереди между деревьями висела шименава, увешанная офуда, на уровне пояса. Широ не успел остановиться и перепрыгнул ее, но приблизился ко второй веревке на уровне груди.

Шименава сорвалась с деревьев и обвила их, как удав. Они рухнули на землю, связанные, веревка затягивалась, сияя от силы. Парализующая магия сковала ее, и Эми могла лишь беспомощно дергаться. Они перестали катиться, Эми оказалась боком на Широ, а тот тоже страдал от таких оков.

Она боролась, едва дыша, магия пронзала ее огненными иглами. Такое чувствовали ёкаи, когда офуда сковывал их? Зажмурившись, она ушла вглубь себя на поиски ки Kami, что спала внутри. Жар растекся по ней, сталкиваясь с магией шименавы. Ее мышцы дрожали. С трудом она придвинула руку к ближайшему витку веревки и обхватила шименаву пальцами.

— *Шукусэй но тама*, — выдохнула она.

Ее ки полилась в веревку, очищая ее и разрушая чары.

Шименава ослабла. Широ вдохнул, и Эми успела задуматься, как его сдерживали чары, а потом он вскочил на ноги, потянув ее за собой.

В лесу двигались тени.

Kami, которого она видела в лесу, появился из темноты. Эми попятилась и врезалась в Широ. Тот не пятился, а развернулся, вокруг него вспыхнул огонь. Эми заметила еще трех «сохэев», появившихся из-за деревьев за ними.

Первый Kami улыбнулся ей во второй раз. Он поднял руку, направленную на нее, она не успела отреагировать, а яркий свет сорвался с его ладони.

Все было белым, ее терзала боль. Магия обжигала кости, превращала мышцы в дрожащее желе. Мир пропал, и она ощущала только странный пульсирующий жар в груди.

Она ощутила, как падает, и не могла никак помешать этому.

* * *

Яркий свет вспыхнул за ее веками.

Ее мысли постепенно становились связными. Как долго она была без сознания? Минуты? Часы? Она вспомнила приглушенные голоса, ее несли, но боль от магии Kami затуманила ее воспоминания. Она была беспомощная, тело и разум парализовало.

Боль пропала. Пульсирующий жар в груди угас. Ей было холодно, она онемела, ее окружала тишина.

Она приоткрыла глаза и прищурилась от яркого света. Ее щека лежала на деревянных половицах, на них были нарисованы сложные символы и фигуры. Она с трудом подняла голову. Она лежала посреди ярко сияющего маругата.

В нескольких футах от круга неподвижно стоял Широ. Трое Kami ждали вокруг него, их сияющие мечи зависли у его горла.

Их окружали четыре стены, комната была пустой. Эми пыталась поднять тело с пола, она заметила, что в конце комнаты двери открыты. За ними в маленькой комнате был красивый резной храм, дерево сияло в свете маругата. Но пьедестал был пустым, на полу вокруг него были осколки зеркала.

Они были в зале поклонения храма Шираюри, осколки зеркала были тем, что осталось от шинтай Аматэрасу, предмета, через который она передавала храму свою силу.

Эми приподнялась на локте, прижала ладонь к груди. Метка камигакари была холодной, безжизненной, ее связь с Аматэрасу была перекрыта. Из-за маругата? Она встретила взглядом с пылающими рубиновыми глазами Широ.

Он посмотрел на камни перед собой.

Огонь вырвался из него. Кицунэби вспыхнули быстрее, чем она могла уловить, и ударили трех камней в грудь. Они упали с дымящимися дырами в телах. Широ развернулся и бросился к кругу, протягивая ей руку.

На один миг, задержав дыхание, она подумала, что они сбегут.

Магия ворвалась в комнату порывом ветра. Пол искривился под ногами Широ, и тот подскочил в воздух, как испуганный кот. Половицы треснули.

Из дыры вырвались извивающиеся черные змеи. Они схватили Широ в воздухе и обвили вокруг него, как тентакли, сдавливая его. Он схватился за ту, что скользнула по его шее, не давая змее задушить себя.

Не змеи. Это Эми поняла, пока пыталась подняться. Корни. Темные корни деревьев обвили вокруг него.

— Кимура Эми.

Тихий женский голос пронзил ее, невыносимая сила пригвоздила Эми к полу.

Женщина стояла на пороге, за ней были осколки шинтай. Ее кимоно было из прекрасного черного шелка, с вышитым золотой нитью драконом, свернувшимся кольцами. На ее тонкой талии был подходящий золотой оби. Ее лицо было невероятно красивым, сияло потусторонней силой, а ее черные волосы ниспадали почти до пола, две трети их длины были перевязаны золотой лентой. Черные, как ночное небо, глаза смотрели на Эми с этого красивого, но почему-то безжизненного лица.

Позади слева от женщины стоял Коянэ, сунув ладони в противоположные рукава коричневого кимоно. При виде ужаса Эми он улыбнулся.

С болью она села на колени, но не было сил, чтобы встать. Все тело болело от онемения. В нескольких шагах Широ опутывали корни, и он боролся с тем корнем, что пытался задушить его. Огонь трепетал на полу от его предыдущей атаки, но он не призывал другой огненный заряд. Он знал, что атака будет тщетной, или его ки подавила сила камней, заполнившая комнату?

Она подозревала, что верно последнее, воздух становился тяжелым, было сложно дышать. Женщина была не просто камнями.

Это могла быть только Изанами, Аматсуками земли.

Женщина прошла в комнату, Коянэ следовал за ней. Она встала у края круга и смотрела на лицо Эми, не замечая мертвых камней на полу.

— Камигакари Аматэрасу, — сказал Коянэ своей госпоже, — как и было обещано.

— Не подлизывайся, Коянэ, — ответила Изанами тихо, но холодно. — Твоя ошибка была исправлена случайно.

Коянэ стиснул зубы, но взял себя в руки. Аматсуками повернулась к Широ. Она окинула

его взглядом.

— Так это ты, — сказала она, вздохнула и приблизилась. — Я подозревала это, когда Коянэ заговорил о кицунэ, но надеялась, что ты пропал навеки.

— Как мило, — пропыхтел Широ, борясь с корнем у шеи.

— Не можешь освободиться? Как сильно ты пал, — ее слова звучали почти печально. Она коснулась пальцем оненджу на его руке. — Камигакари вмешалась, как вижу. Я это исправлю.

Она прижала палец к его груди поверх косодэ. Свет сиял под кончиком пальца.

— Так было необходимо, пойми. Все мы действуем согласно долгу. Хотя твоя верность достойна уважения, я не могу позволить тебе вмешаться.

Широ оскалился, красные метки на его лице засияли. Воздух искажался, он не успел ничего сделать, а ее палец ловко нарисовал на его груди странный рисунок над сердцем. Яркий свет вспыхнул, Широ выгнулся в хватке корней, он издал сдавленный звук. Широ обмяк и повис в корнях.

— Широ! — закричала Эми, попыталась броситься к нему, но рухнула на колени, дрожа от слабости. — Что вы с ним сделали?

Корни ожили, убрались под землю. Широ упал на пол и не двигался. Изанами вернулась к кругу Эми и снова взгляделась в ее лицо.

— Амагэрасу многое отдала этому сосуду, — прошептала Амаксуками. — Кузина играет в опасную игру.

— Что вы сделали с Широ? — осведомилась Эми. Она попыталась встать, но ноги не слушались. — Где все из храма? Вы убили их?

— Убили? — повторил с недоверием Коянэ. — Думаешь, госпожа так плохо думает о жизни людей? Она просто отослала их, чтобы найти тебя без помех.

— Н-найти меня? Зачем? — она взглянула на Широ, он не двигался, как и тела убитых ками. — Зачем вы все это делаете? Прошу, отпустите нас. Мы уйдем и не будем вас беспокоить.

Коянэ издал смешок.

— Ты ничего не понимаешь, да, девочка? Отпустить тебя, когда мы годами на тебя охотились?

Изанами холодно посмотрела на него.

— Не насмехайся над дитем, Коянэ. Она невинная жертва, так что ее не нужно унижать.

Ками закрыл рот, на его лице отразилось нечто, похожее на боль и сочувствие. Эми смотрела на них, смятение и страх смешивались в ней. Они охотились на нее? Почему тогда Изанами назвала ее невинной жертвой?

— Хотя я сожалею о том, что должна сделать, — прошептала Изанами, — требования долга ясны. Знай, ты не совершила ничего плохого, Кимура Эми, и ты умрешь сегодня только из-за верности своей ками.

Половицы трещали и раскалывались под Эми. Корни выползли из трещины и обвили ее руки, подняли ее в воздух, и ее ноги уже едва касались пола. Она извивалась, но онемевшие конечности плохо слушались.

Изанами подняла тонкую руку. Коянэ вложил в ее ладонь нож, стальное лезвие сияло, рукоять была украшена плетеной черной тканью.

— Мне нужно забрать твою жизнь, чтобы не дать Амагэрасу спуститься в этот мир, — сказала Изанами, обхватив рукоять. — Я заберу твою жизнь своей рукой в уважение твоей

жертве. Ты умрешь благородно.

Эми билась в панике в хватке Корей. Изанами ступила в круг легко и уверенно, магия ее маругата не действовала на нее. Она повернула нож, и свет вспыхнул на лезвии. Эми тщетно боролась, оружие приближалось к ней.

Изанами сделала еще шаг, сокращая расстояние между ними, и вытянула руку. Странное давление ударило Эми по животу, вытолкнуло воздух из легких.

Нож появился снова, на стали блестела кровь, Изанами отпрянула. Эми опустила голову. Кровь расцветала из разрезанного шелка оби под ее грудной клеткой. Перед глазами все раскалывалось, кровь превратилась в линии и углы, словно ее разум не мог смириться со зрелищем. Сердце колотилось, адреналин бежал по венам и вытекал из нее вместе с кровью. В глубине расцветала боль, она ощущала ужасное давление, словно агония выворачивала ее внутренности наизнанку.

Корни отпустили ее руки, и она рухнула на сияющие линии круга. Ее руки невольно зажали живот, горячая кровь вытекала между пальцев.

— Благородная смерть, — повторила Изанами, вернув нож Коянэ, — хотя, может, не заслуженная. Подумай пока о жизни, Кимура Эми, чтобы уйти в мир иной с чистым сердцем.

Аматсуками взглянула на Коянэ.

— Оставайся здесь, пока она не умрет, а потом сожги. Не помогай ей умереть, — она указала на дверь, пара ками-сохэев прошла оттуда и остановилась рядом с Широ. — Внесите его в круг.

— Разве не стоит заключить его, а не сковывать? — спросил Коянэ. — Теперь стало ясно, что оненджу можно снять, и если он сможет восстановиться, чтобы искать...

— Я сделаю так, чтобы так просто бусы не сняли, — ответила Изанами, ками подняли Широ. — Как только он будет скован полностью, его можно будет безопасно убить.

Последние слова звенели в ушах Эми, Аматсуками покидала комнату. Ками-сохэи следовали за ней, тащили обмякшего Широ, и странная метка все еще сияла на его груди.

Половицы прижались к щеке Эми, она смотрела на осколки стекла за дверным проемом.

Убить его.

Слова повторялись снова и снова в ее голове. Изанами свяжет Широ оненджу, а потом убьет, когда он будет слабее всего. Эми понимала, почему. Сильные ёкаи могли возродиться из Тсучи, если у них останется достаточно ки после смерти, но слабый ёкай этого не мог. Сковав Широ, Изанами убеждалась, что он не вернется.

Ее сердце с болью трепетало в груди, она прижала руки к животу, пытаясь удержать кровь в себе. Она должна помочь Широ. Должна спасти его. Она привела его сюда, к Изанами, Аматсуками, которую ему не победить.

Он умрет по ее вине.

ГЛАВА 23:

— Уже закончила умирать, камигакари?

Голос Коянэ доносился издалека. Эми моргнула, комната стала четче. Как давно она лежала на полу, истекая кровью?

— Изанами милосердна, — продолжил он скучающим тоном. — Я бы не был так добр.

— Убийство — милосердие? — поразилась Эми, слова царапали сухое горло.

— О, ты еще в сознании? — он опустил перед ней вне круга. — Да, она милосердна. Ей пришлось убить тебя, но она позволила тебе умереть достойно. Вообще-то, ты должна была пронзить свой живот в ритуальной смерти, но она знала, что для тебя это будет сложно.

— Зачем ей убивать меня?

— Я же говорил: метку камигакари нельзя убрать, если она привязана к твоей ки. Твоя смерть — способ убедиться, что Аматаэрасу не спустится и не вмешается, — он постучал пальцем по полу. — Изанами исполняет долг, но нежная и обманутая Аматасуками ветра хочет ее остановить. Аматаэрасу даже попыталась защитить Кунитсуками. Какое опасное поведение.

— Кунитсуками? — прошептала она, собираясь с мыслями, хоть перед глазами то все было четким, то размывалось.

— Изанами приходилось убивать каждую камигакари Аматаэрасу уже сто лет, — продолжил он, не звуча безрадостно. — Она жалеет, что забирает невинные жизни, но Аматаэрасу пытается захватить новых камигакари, зная, что они умрут. Твоя судьба, дитя, это ее деяние, а не Изанами.

— Изанами была...?

— У нее не было выбора. Долг требует этого, — он звучал так, словно его госпожа была невероятно самоотверженной. — С того дня, как Инари убила Аматаэрасу, отправив ее в Такамахара, Изанами решила следить, чтобы Аматаэрасу не могла вернуться в земное царство и вмешаться.

Инари убила Аматаэрасу? Носитель умер, а дух и сила Аматаэрасу вернулись в Такамахара — небесное царство ками. И сто лет после этого Изанами убивала всех камигакари Аматаэрасу?

Сто лет. Разве Юмей не говорил, что Инари нет уже сто лет?

— Сначала было просто, — отметил Коянэ, не замечая ее ужаса. — Нам нужно было лишь сообщить местному ёкаю о внешности и местоположении новой камигакари, и он делал за нас работу. Тебя после неудавшейся атаки на Шион мы найти не смогли.

Она была потрясена, гнев пробивался через туман в голове. Она приподнялась над полом, зажимая рукой живот, скалясь, но рука не удержала ее, и Эми рухнула на пол, боль пронзила все внутри.

— Атака на Шион? Вы это устроили? — выдохнула она. Смерть Ханы. Это была ее вина.

Он вскинул брови.

— Ты явно не размышляешь о своей короткой жизни, дитя. У тебя осталось мало времени, чтобы обдумать свои грехи.

Остатки силы пропали, она обмякла. Струйка крови заполнила трещину между половицами и потекла к краю сияющего круга, где мерцал огонек, оставшийся после атаки Широ. Все перед ее глазами расплывалось по краям.

— Интересно, что такое смерть, — прошептал Коянэ, голос был то громче, то тише. — Но я и не узнаю, конечно...

Двери за ними распахнулись.

Огромная птица из теней и трепещущего красного света ворвалась в комнату, крылья врезались в стены. Время застыло, Эми приподняла голову, чтобы разглядеть существо. А

Коянэ рядом с ней застыл от шока.

Голова ворона резко опустилась. Он схватил Коянэ в клюв и отбросил в стену.

Беспомощно лежа на полу, Эми едва дышала, старалась не терять сознание, пока ки Юмея давила на нее. Ворон повернул голову к ней, но круг вспыхнул, не пуская его. Он открыл клюв и зло закричал.

Ослепительный белый свет полетел к Юмею. Корчащиеся тени сорвались с его крыльев, формируя темный щит. Две силы столкнулись и взорвались, отбросив ворона к двери. Магия терзала Эми, она могла лишь прижиматься к полу.

— Думаешь, меня так легко победить, ворон? — прорычал Коянэ, он стоял на ногах и был без заметных ран.

Он прошел по комнате, клинки из света появились в его руках. Юмей на пороге расправил огромные крылья и яростно завопил, тени окружили его.

— В этот раз сразишься со мной? — насмешливо сказал Коянэ, сияющая синяя сфера окружила его. — Как давно достойный противник не пробовал мою силу!

Со смешком Коянэ выбежал из здания за вороном. Земля задрожала, когда их силы снова столкнулись.

Внутри с потолка сыпалась пыль. Эми лежала в сияющем круге, боролась с тьмой, пытающейся закрыть ей глаза. Слезы уже не подчинялись ей и текли по лицу.

«Вернись, — хотела она крикнуть Юмею. — Вернись и освободи меня!» — но у нее не было на это сил.

Стены дрожали от боя снаружи. Она могла лишь лежать в луже своей крови и ждать смерть. Где-то Изанами снова сковывала Широ оненджу, а потом она убьет его. Юмей сражался с Коянэ. Как долго он будет добираться до Широ? А если он не успеет?

Она боролась с тяжестью век, смотрела на огонь, оставшийся после Широ. Почему-то он еще горел, неспешно поглощая половицы. Лежа щекой на полу, Эми смотрела, как огонь подбирается к кругу. Пламя лизнуло сияющую линию, белый свет затрепетал. Эми не двигалась, не дышала, смотрела на огонь, движущийся по линии, оставляя черный след за собой.

Сияющий маругата погас, огонек разорвал круг. Онемение покинуло ее, на миг Эми смогла дышать.

Раскаленный жар пронзил ее грудь, словно ударила молния.

Ее рот открылся в беззвучном крике. Она билась в конвульсиях, держась за грудь. Сила лилась в нее, наполняла вены жидким огнем. Ее ладони, испачканные кровью, безумно пытались разорвать кимоно на груди.

Метка камигакари пылала яркой белой силой.

— Нет! — выдохнула она.

Кожа сияла, жар трепетал под ней. Метка становилась все горячее. Сила продолжала наполнять ее, давила и душила, присутствие наполняло ее тело, отгоняло разум. Ветер ударял по ней сияющим вихрем.

— Нет! — слово вылетело приглушенным всхлипом. Слезы текли по лицу. Хоть она и знала, что умирает, хоть и знала, что жизнь оборвется, паника и отрицание заглушили всю логику в голове. — Нет, еще рано!

«Ты умираешь, Эми».

В голове прошептал голос, нежный и полный тревоги.

Сила бушевала в ней, ее было слишком много. Она горела внутри, сжигала ее плоть и

душу. Она собиралась в ее животе, огонь пронзал живот болью. Эми кричала, сжималась комочком, сдавливала живот и все время дрожала.

Боль в животе стала слабее, смешивалась с жаром пытки, которую причиняла ки Аматэрасу. Ее руки и ноги двигались сами, оттолкнули ее от пола, пока она не встала, шатаясь.

— Это еще не ваше тело, — плакала Эми, борясь с ногами, а они пытались сделать шаг вперед. — Вы не должны были прийти раньше солнцестояния!

«Это лишь доля моей силы, — прошептала в ее голове Аматэрасу. — Столько, сколько нужно, чтобы тебя спасти, помочь тебе. Я не могу пересечь расстояние между нами, но мы можем успеть спасти его».

— Спасти его? — повторила она, едва дыша.

«Он не должен умереть, иначе у нас не будет надежды».

Эми взяла себя в руки.

— Мы спасем его вместе?

«Вместе».

Повернувшись к разбитым дверям, Эми ощутила, как сила Аматэрасу наполняет ее дрожащие конечности. Она выбежала, спотыкаясь, из двери и по ступенькам.

Во дворе Коянэ стоял перед тории. Шар синей энергии окружал его, он держал обеими руками огромный сияющий меч. Странная радость исказила его красивое лицо.

С криком огромный ворон бросился с неба и ударил по шару вокруг ками когтями. Черно-красная сила вырвалась из него, смешиваясь с синим светом Коянэ, пока торнадо магии не скрыл их.

«Где круг, Эми?».

Она отвела взгляд от сражения и попыталась сосредоточиться. Круг. Изанами говорила отнести Широ в круг. Какой круг? Не к ней, не в простой круг. Где...

В голове вспыхнула картинка: Катсуо держит ее за локоть, она споткнулась о камни, скрытые под снегом. Древний круг на земле, используемый раньше каннуши храма. Конечно.

Она развернулась и побежала, не обращая внимания на боль от силы Аматсуками. Ее живот уже не болел, но она не замедлялась, чтобы проверить его. С каждым шагом ее воля все сильнее соединялась с разумом Аматэрасу, их мысли сцеплялись, как кусочки пазла в движении.

Не слушая треск дерева и грохот камня, доносящиеся со стороны боя Юмея и Коянэ, она бежала к деревьям за кабинетами храма.

Впереди вспыхнул свет, почти ослепляя ее. За деревьями в небо поднялась колонна света. Эми бросилась туда, еще сильнее ускорив шаги.

Ками вышел из-за толстого ствола дуба, поднял лук с сияющей стрелой, готовый стрелять.

Управляемая Аматэрасу, рука Эми вскинулась, горячая ки пролетела по ней. Порыв ветра ударил ками, отбросил его в дуб с невероятной силой. Его череп ударился о кору, он съехал на землю.

Вернув власть, Эми забрала у ками лук со стрелой. Не смея задерживаться ради других стрел, она побежала к свету за деревьями. Эми обогнула куст и увидела то, что было впереди.

Ками убрали снег и листья с центра круглой поляны, на пустом пространстве круг из

плоских потертых камней образовывали рамку для колонны света. Внутри кольца камней переплетались и кружились линии, сияющие как солнце, и вонзались в гладкую землю.

В круге в воздухе висел Широ, откинув голову, руки были по бокам, ноги — над землей. Паря в колонне божественного света, он почти казался умиротворенным, словно спал в небесных объятиях.

Изанами стояла перед кругом. Эми побежала к ним, а ками протянула руку к свету и обхватила руку Широ. Оненджу вспыхнули красным среди белого света. Изанами обхватила бусины.

Эми замерла в двадцати шагах, среди деревьев. Она вложила стрелу в лук и натянула тетиву до щеки. Ее губы двигались, шепча слова, которые она не знала, но в стреле накапливалась магия. Белый свет вспыхнул на ней, ветер с лентами белой силы окружил ее ноги.

Изанами оторвала взгляд от руки Широ и посмотрела на нее.

Эми выпустила стрелу. Сила окружила ее, пока стрела летела по воздуху, снаряд убийственной ки Аматасуками. Изанами развернулась, но руки поднялись слишком поздно, чтобы остановить ее.

До удара из тени выскочил ками и бросился между госпожой и стрелой. Она вонзилась в грудь и взорвалась, разорвав его на части.

Эми бросила лук. Ее руки раскинулись, сила накапливалась в них снова. Мерцающий меч из воздуха появился в ее руках. Она занесла его, приближаясь к Изанами, и ударила лезвием.

Изанами призвала черную катану, два меча столкнулись. Ветер боролся с трещащей магией, волосы ми отлетели назад, кимоно развевалось за ней.

— Аматаэрасу, — процедила Изанами.

— Изанами, — нежный тон Аматаэрасу пропал. Лед превратил ее голос в острое лезвие, ее гнев пылал в Эми. — Предательница!

— Я никого не предавала, — холодно ответила Изанами, свет маругата трепетал на ее лице. — Я лишь исполняю долг.

— Ты предала нас всех, — Аматаэрасу говорила губами Эми, давила мечом из ветра на катану Изанами. — Ты обманула нас с Инари, чтобы мы уничтожили друг друга. Ты убивала моих камигакари. Ты пленила других Кунитсуками.

— Кунитсуками не позволили бы мне исполнять долг. Я способна видеть ясно, Аматаэрасу, не обращая внимания на свои желания.

— Не притворяйся. Я знаю, что ты ищешь силу для своей выгоды.

Глаза Изанами вспыхнули гневом.

— Ты смеешь принижать мою жертву? Я не ищу ничего такого, я должна так делать. Ты так слаба и мягкосердечна. Я — Аматасуками земли, я спасу ее, как бы ни пришлось действовать.

— Ты не спасешь этот мир. Ты его разрушишь!

Возмущение пропало с лица Изанами, она снова стала холодной.

— Говорить с тобой всегда было бесполезно. Я и не думала, что ты поймешь жертву ради долга, ведь ты всегда была подвластна эмоциям.

Впившись в оружие, Изанами бросилась с мечом, отталкивая Эми. Земля содрогалась. Корни выходили из-под земли, летели копьями в ее спину. Ветер налетел, превратился в

мерцающие лезвия, вспорол корни, когда она взмахнула мечом.

Изанами вскинула меч, их клинки встретились. Белый свет и порывы ветра разлетелись в стороны. Изанами оттолкнула ее. Эми отскочила, ведомая Амагэрасу, и вскинула меч. Оружия лязгнули, запели в воздухе, вспороли его и снова столкнулись. Они танцевали так по снегу, вокруг боролись корни деревьев и кружащиеся клинки воздуха.

— Ты не можешь одолеть меня половиной силы, Амагэрасу, — Изанами отбила удар и подняла другую руку. Белая сила с воем сорвалась с ее ладони и ударила по мечу Эми, отбрасывая ее назад. Ветер поймал ее, и она приземлилась на ноги.

— Я не могу победить тебя, — сказала Амагэрасу через Эми. — Но я не одна.

Глаза Изанами расширились, Эми повернулась к сияющей колонне света, что была близко после того, как Изанами толкнула ее к ней. Широ все еще висел там без сознания. Изанами бросилась к ним, корни вылезали из земли, а Эми взмахнула мечом из ветра.

Лезвие вспорол свет, пронзило линии на земле, разрывая круг.

Свет угас, Широ рухнул на землю. Эми развернулась. Ветер собрался под ней, подбросил ее в воздух, десятки толстых корней разбили землю, где она стояла. Эми приземлилась на снег, Изанами бросилась к ней с черной катаной наготове. Сила бурлила в Эми, сияла под кожей.

Изанами врезалась в нее, отгоняя. Деревья трещали и стонали, их ветки били, а корни вырывались из-под земли. Эми развернулась, стараясь защититься, Изанами ударяла снова и снова мечом. Земля дрожала под ногами, разбивалась и заставляла Эми терять равновесие. Только ветер защищал ее, пока она сражалась.

Корень дерева толщиной с ее талию полетел в нее. Эми прыгнула в воздух, ветер поднял ее, чтобы избежать атаки. Ветки хлестнули в ее сторону, обхватили запястья и потянули за руки. Она призвала ветер, чтобы разрезать их, но еще больше веток обвивало ее, тянуло конечности в стороны. Изанами подпрыгнула, корень вырвался из-под земли и стал для нее платформой, откуда она прыгнула, нацелив меч в сердце Эми.

Из ниоткуда в лицо Изанами ударил огонь.

Она отпрянула, корни под ее ногами не дали ей упасть. Она повернулась и чуть не попала под удар двух мечей Широ, бросившегося на нее. Огонь пылал на его руках, мечах, три огненных хвоста развевались за ним. Шары кицунэби парили вокруг него.

Ки вспыхнула в Эми, вихрь вырвал ее из веток. Ветер собрался под ее ногами, она побежала по воздуху.

Изанами взмахнула мечом и послала волну силы, откинувшую Эми и Широ. Широ пролетел по воздуху, но упал на один из корней. Он вскочил и оружие Изанами использовал как лестницу, чтобы побежать за ней. Огненные шары полетели в Изанами, но корчащиеся корни разбили их. Кицунэби взорвались, но через миг вернулись.

Эми бежала по ветру, чтобы напасть на Изанами с другой стороны. Ее черный меч танцевал в воздухе, деревья и корни атаквали их, отгоняя Эми и Широ. Земля загудела, гейзер грязи вырвался в небо. Широ вовремя отскочил. Он падал, кицунэби появились под ним, и он коснулся их одной ногой и прыгнул. Шары огня летели впереди него, и он прыгал с одного шара на другой, словно это были камни.

Подняв руку, Эми призвала ветер. Он пришел с воем, срывая золотые листья с деревьев, торнадо приближался к ним. Широ толкнул к вихрю кицунэби, они стали стеной огня. Эми направила меч, и пылающий вихрь двинулся к Изанами.

Изанами взмахнула, и сотни корней деревьев вырвались, закрывая ее куполом. Огненная

буря ударила по барьеру, в стороны отлетели щепки.

Купол корней снова открылся, и Изанами поднялась из него на столбе земли. Она подняла руки, ее сила трещала в воздухе, она готовилась к атаке.

Безмолвным потоком тьмы огромный ворон бросился с неба на спину Изанами.

Она соскочила со столба земли в последний миг. Ворон попал по нему, разлетелись куски земли и камней. Эми бросилась вниз с Широ, побежала к земле. Изанами падала, длинные волосы развевались перед ней. Земля загудела, там открылась трещина. Изанами улетела во тьму.

Страх Аматаэрасу пронзил Эми. Она схватила Широ за руку, ветер подхватил их и поднял, а трещина захлопнулась, содрогнувшись, как при землетрясении. Они с Широ рухнули на землю, мир задрожал и застыл.

Эми встала на ноги, глядя на неровный след от трещины. Широ стоял рядом с ней, ворон опустился неподалеку, стряхнул землю с крыльев. Они смотрели на трещину и ждали, когда появится враг.

— Изанами сбежала, — пробормотала она. — Три противника не дали ей победить с легкостью.

Слова вылетали изо рта Эми, но она уже не знала, кто говорит. Грани между ее мыслями и Аматаэрасуками размылись, и она не знала, где кончалась сама, а где начиналась Аматаэрасу. Ки горела внутри нее, она почти забыла о боли.

Жар пронзил ее, сила текла по ней, но в этот раз она была направлена наружу. Болело так, что жгло каждый нерв.

«Я должна уйти до того, как уничтожу тебя, — спешно прошептала Аматаэрасу, мысли ками отделялись от ее. — Ты должна освободить Кунитсуками, Эми. Понимаешь? Нужно найти их и освободить. Только они могут остановить Изанами. До солнцестояния ты должна...».

Голос Аматаэрасу угасал, слова смешивались в голове. Эми шаталась на ноге, растерянная тем, что Широ смотрел на нее и пяtilся. Она подняла руку и увидела, что та сияет белым. Все расплылось перед глазами.

«Держись, Эми, — тихие слова Аматаэрасу доносились издалека. — Скоро я уйду».

— Как мне найти их? — пробормотала она, качаясь, как деревце на ветру.

«Они в ловушке... знаки... не сбегут без...»

Голос ками утих. Или это Эми угасала, исчезала вместе с ки Аматаэрасу. Ками покинула ее тело и тянула Эми за собой. Они были слишком связаны, их разумы и ки переплелись.

Слезы текли по ее щекам, когда она увидела огромные глаза Широ. Она подняла дрожащую руку к нему, боясь, что это ее последнее мгновение, что когда Аматаэрасу уйдет, ее разум тоже исчезнет.

Мир потемнел, тени приблизились к ней. Она помнила только, как падала к Широ, и он протянул руки, чтобы поймать ее.

ГЛАВА 24:

Кто-то тыкал ее руку.

Она нахмурилась, сон пытался утащить ее обратно. Тык, тык, тык. Сонная голова не очень усердно пыталась думать связно. Она лежала на спине на твердой кровати. Воздух охлаждал лицо, но остальному телу было тепло.

Тык, так. Что-то острое тыкало ее в плечо, она вскрикнула.

— Я же говорил не трогать ее.

Шаги прозвучали по полу. Раздался стук и вскрик.

— Но она вкусно пахнет, — проскулил хриплый голос.

— Тронешь ее еще раз, и я съем *тебя*.

Голос снова проскулил, послышались спешные шаги. Открыв глаза, Эми прищурилась в тусклом свете. Над ней появилось лицо Широ, рубиновые глаза сияли, пушистые лисьи уши склонились к ней.

— Проснулась, маленькая мико?

— Наверное, — сказала она, голос был хриплым, во рту пересохло. Она с усилием сглотнула. — Долго я спала?

— Почти два дня.

Она резко села. Кровь отлила от головы, она пошатнулась и схватилась за пол, раскачивающийся под ней.

— Два дня?

Широ сидел рядом с ней, скрестив ноги. Круглые стены дома Юмея в дубе озарял трепещущий свет свечи. Она сидела на той же грудке одеял, где спал Широ, когда она впервые попала сюда. Они были одни, только мрачного вида ёкаи-вороны сидели на коробках. Один из них потирал ухо и сверлил Широ взглядом.

— Амагэрасу чуть не убила тебя, — ровно сказал Широ. — Но, судя по количеству крови, что мы нашли на полу храма, ты бы умерла без ее помощи. Вот так-то.

Она прижала ладонь к животу. Боли не было. Она посмотрела на живот и только теперь заметила, что она в незнакомом белом хлопковом кимоно, а не в своей одежде. Жар прилил к ее лицу.

— Ты меня переодевал? — выдохнула она.

— Не я, — он криво улыбнулся. — Юмей сказал, что мне не доверяет. Ты была в грязи и крови, так что у него не было выбора.

Ее плечи опустились, она отвела взгляд, не в силах скрыть румянец. Она снова ощупала живот.

— Раны нет, — сказал он. — Исцелилась полностью, даже шрама не осталось.

Она взглянула на меня.

Он, сдаваясь, вскинул руки.

— Юмей сказал. Я сам не видел. Я же говорил, что он меня не пустил, помнишь?

Она с подозрением посмотрела на него и покачала головой.

— Как такое возможно?

— Он сильнее меня.

— Не это. Как могла пропасть рана?

Он фыркнул, радуясь тому, что раздражал ее.

— Амагэрасу — единственная Амагэсуками, способная исцелять. Узумэ тоже так может. Только они могли тебя спасти.

Желудок сжался от нервов, она была на волосок от смерти.

— Изанами сказала, что даст мне умереть благородно, чтобы я успела обдумать жизнь перед своей смертью.

— Прекрасно.

— Вы с Юмеем не видели людей в храме? — спросила она, желудок сжался сильнее

при мысли, что могло случиться с Катсуо и остальными, когда в храм попали Изанами и Коянэ.

— Мы быстро огляделись. Похоже, они в спешке собрались и ушли. Следов боя нет, — он пожал плечами. — Похоже, они ушли сами. Если Изанами сказала им уйти, им пришлось послушаться.

Она выдохнула с облегчением.

— Изанами вела себя так, словно знает тебя. И она сказала что ты верен кому-то... наверное, это она об Инари?

— Наверное. Не помню. Она хотела, чтобы я не мешался, значит, я знаю что-то важное, — он скривил губы. — Если бы я только помнил.

— Это я могу исправить, — сказала она и отодвинула одеяла. — Дай руку.

— Что? — он отдернул руку. — Ты еще не восстановилась, Эми. Это может подождать несколько дней.

— Может, не подождет, — сказала она. — Амагэрасу сказала, что мы должны найти Кунитсуками и освободить их до солнцестояния. Изанами как-то пленила их.

Он застыл.

— Пленила? Всех? Как она смогла?

— Не знаю, но Амагэрасу сказала, что только Кунитсуками могут остановить Изанами, и они должны сделать это до солнцестояния.

— Остановить? — настороженно спросил он.

Ее охватила тревога.

— Амагэрасу сказала, что Изанами хочет разрушить мир, но я не знаю, что это значит.

Широ смотрел на нее, и что-то опасное вспыхивало в ее глазах. Он отклонил голову и посмотрел в потолок, взгляд был рассеянным.

Через минуту он пробормотал:

— Я почти вспомнил... что-то. Когда ты сказала это, я ощутил... думаю, Амагэрасу права.

Она обхватила его правую руку и притянула к себе.

— Тогда снимем это с тебя, и ты вспомнишь то, что тебе нужно знать.

Он отдернул руку и вскочил на ноги.

— Тебе нужно восстановиться.

— Я в порядке, — заявила она, встала и поправила кимоно. — Не хочешь снять оненджу? Я могу хоть попытаться.

Она протянула руку, его уши прижались к голове. Он попятился, пряча руку с оненджу за собой.

— Широ, — недовольно начала она, но слова умерли в горле, пока она смотрела на его лицо. Ее гнев испарился. — Широ... ты боишься?

Отпрянув еще на полшага, он отвернулся.

— Не стоит себя так терзать.

Ее наполнило сочувствие.

— Широ...

Они долго стояли в тишине. Он смотрел на стену, стиснув зубы. Она ждала, зная, что давлением ничего не добьется, хоть и не знала, что еще делать.

— А если ты снимешь их, — пробормотал он, — а я ничего не вспомню?

Ее сердце сжалось. Она сцепила пальцы, чтобы не трогать его.

Его ладонь обхватила другую руку над оненджу.

— А если я вспомню, и это... а если я не смогу...

Она шагнула ближе и коснулась места, где он обхватил руку.

— Не узнаешь, пока мы не снимем их. Хуже, чем не знать, кто ты, уже не может быть, да?

Он взглянул на нее, в его глазах были тени.

— А если ты снимешь их, и я все забуду?

Ее ладонь крепче обхватила его руку.

— Думаешь, ты сможешь забыть меня? — спросила она с фальшивым высокомерием и улыбнулась. — После всего, через что мы прошли?

Он нахмурился, а потом улыбнулся.

— Будет сложно забыть, как же раздражало носить тебя всюду.

— И спасти все время мою жизнь.

Он выдохнул и протянул руку.

— Сделай это.

Она просунула пальцы под нижний виток. Обхватив его руку, она глубоко вдохнула и задержала дыхание. Ее пальцы сжались на бусинах, сила лизнула ее кожу. Она заглянула в его рубиновые глаза и потянула.

Бусины прилипли к его руке, не двигались. Она потянула их, напрягаясь всем телом. Сила покалывала кожу, ки пронзала руку. Стиснув зубы, она потянула сильнее. Молния затрещала на неподвижных оненджу, а потом взорвалась в ее лицо.

Она отлетела и врезалась в стол, разбила чашку и чуть не рухнула на сломанный меч. Кривясь, она поднялась.

Взрыв силы отбросил Широ в стену с деревянными ящиками и сундуками. Они упали на него, отчасти скрыв. Ёкай-вороны сменили в панике облик и летали под потолком, хлопая крыльями, громко каркая.

Эми слезла со стола, еще больше вещей упало на пол, она подбежала к Широ. Она отбросила три ящика, чтобы помочь ему, и упала рядом с ним на колени. Она погладила его лицо и ощутила жар, исходящий от кожи. Так было, когда Юмей попытался — и не смог — снять оненджу.

Его веки затрепетали, он открыл глаза. И прищурился, глядя на нее.

— Не сработало? — пробормотал он.

— Прости, — непрошенные слезы жалили глаза, она быстро провела ладонью по лицу. — Прости, Широ. Я не могла их снять. Не знаю, почему.

Он сел, кривясь, и убрал волосы с глаз.

— Я же говорил, что твоя ки еще не восстановилась. Амаэрасу забрала почти все силы, оставив тебя.

— Значит, не хватило ки Аматаками?

— Видимо, да.

— Ее ки вернется, — сказала она напряженно. — Она снова будет проникать в меня, чтобы Амаэрасу могла занять мое тело в солнцестояние. Я скор смогу их снять.

Он кивнул, не глядя ей в глаза. Она ощутила сомнения, вспомнив, как с трудом сняла второй виток, когда у нее было много силы Амаэрасу. А если ей не хватит сил на третий виток?

— Широ, — он схватил его за плечо, пока он не посмотрел на нее. — Я сниму

оненджу. Что бы ни случилось, обещаю, я спасу тебя от проклятия.

Он впился в ее взглядом, проникая в душу. Его рука поднялась, он коснулся ее челюсти двумя пальцами, скользнул ими к уху. Ее кожу покалывало.

— Ловлю на слове, маленькая мико.

Вороны громко закаркали, заставив их с Широ вздрогнуть. Тьма в дверях затрепетала, в нее прошел Юмей. Он скользнул взглядом по комнате, глаза расширились.

— Что вы тут делали? — процедил он. — Я оставил вас на пару часов, и вы разрушили мой дом?

Эми вздрогнула и отодвинулась от Широ, оглядела комнату. Широ встал на ноги и потянулся.

— Спокойно, Юмей, — протянул он. — Эми пыталась снять оненджу, но они выстрелили по нам. Ей нужно набрать больше сил.

— Естественно, — рявкнул он. — Я так и говорил. Почему ты позволил ей попробовать?

Он пожал плечами. Эми вздрогнула. Может, стоило послушать Широ.

— Это еда? — спросил Широ, указывая на большой бумажный пакет в руке Юмея.

Эми моргнула.

— Это пакет на вынос? Как ты его заказал?

— Украл. Не знаю, что внутри.

— Пахнет неплохо, — сказал бодро Широ. Он пересек комнату, коснулся ее руки, послав теплую дрожь. Забрав у Юмея пакет, он опустил его на стол и убрал разбитую чашку.

Юмей зло зашипел.

— Всего лишь чашка. У тебя слишком много мусора. Ты ворон или сорока?

Вороны опустились на стол, когда Широ открыл пакет, чтобы рассмотреть содержимое. Эми старалась не думать о бедняге, который лишился ужина. Юмей принялся собирать обломки чашки, его лицо было мрачным.

Эми замерла и смотрела на них, странное чувство появилось в груди, сжало приятно легкие. Было странно чувствовать себя сейчас довольной.

Она понимала, что сейчас не время радоваться. Если не думать о ее судьбе, которая казалась еще неприятнее после того, как ее занимала Аматаэрасу, ей нужно было исполнить обещание, данное Широ. Он все еще был под проклятием бус, и теперь было еще важнее освободить его.

Приказ Аматаэрасу зазвенел в ее голове. Найти Кунитсуками и освободить их...

Эми едва могла понять, как Изанами пленила Кунитсуками, не хотелось думать о том, зачем она сделала это. Изанами хотела разрушить мир? То, что она хотела смерти Эми и уничтожения Широ уже пугало, и хотя они смогли прогнать ее, Эми знала, что не стоило надеяться, что Изанами ее оставит.

Найти Кунитсуками. Широ и Кунитсуками были как-то связаны, и теперь, через Аматаэрасу, Эми была связана с судьбами сильных правителей ёкаев.

Ее взгляд поднялся на Широ и Юмея. Они склонились над пакетом и обсуждали съедобность еды людей, их головы почти соприкасались, белые волосы контрастировали с черными. Они помогут ей. Она поможет им. И вместе они смогут это сделать.

Хотя ей оставалось мало дней, это ее тревожило уже не так сильно. Она ощущала дух Аматаэрасу, чувствовала сострадание и веру Аматаэрасу. Она чувствовала, что Аматаэрасу

любит и уважает ее. Хотя Аматэрасу скоро уничтожит ее, ками не отнесется к жертве Эми с легкостью.

Ее путешествие в мир ёкаев началось так неожиданно. Она зашла далеко с момента, когда узнала правду о своей судьбе, и раскрыла ужасающую правду об Изанами и пропавших Кунитсуками.

Бой внутри нее между требованием подчиниться долгу и необходимостью бороться за выживание потряс ее душу. Но она понимала, что выживание сделает ее жизнь лишь пустым существованием. Некоторые вещи были важнее жизни, важнее одной жизни. Как она могла жалеть о потере своей жизни, когда судьба мира была на кону?

Широ повернулся, в его рубиновых глазах горел вопрос. Ее сердце стало теплее, она улыбнулась и подошла к нему. Некоторые вещи были важнее ее жизни, но это не означало, что ее жизнь бессмысленна.

И пока она не покинула мир на благо ему, она поможет ками спасти его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ГЛОССАРИЙ

Акио — сохэй, охраняющий Эми в предыдущем храме.

Аматэрасу — Аматсуками ветра, сестра Тсукиёми.

Аматсуками — четыре самых сильных ками, правящих Такамахара, небесным царством. Сюда входят Изанаги неба, Изанами земли, Аматэрасу ветра и Тсукиёми воды.

Амэонна — ёкай воды и ветра, самопровозглашенная хозяйка дождя.

Аякаши — ёкай, которого люди видят как маленькие огоньки у воды.

Даймёдзин — титул Кунитсуками Сарутахико, означающий «великий добродетельный бог».

Фуджимото Хидеёши — каннуши храма Шираёри (фамилия записана первой).

Гуджи — священник высшего ранга, управляет каннуши своего храма и всех храмов своего ками.

Хакама — традиционный японские широкие штаны в складку. Мужские хакама завязываются на бедрах, а женские — на талии.

Хана — мико-ученица из храма Шион (мертва).

Хаори — традиционная японская накидка, похожая на кимоно длиной до середины бедра, не запахнутое спереди.

Инари — Кунитсуками огня.

Инугами — ёкай-пес.

Ишида — гуджи храма Шион, глава всех храмов Аматэрасу.

Изанаги — Аматсуками неба, правитель ками, брат Изанами.

Изанами — Аматсуками земли, сестра Изанаги.

Кагура — вид церемониального танца, порой игра, исполняемая мико.

Ками — духи, появившиеся из Такамахара, небесного царства, они посещают земное царство через камигакари.

Камигакари — дословно «одержимый ками», это человек, внутри которого дух ками. В зависимости от обстоятельств, камигакари может выбираться добровольно или захватываться насильно.

Каннуши — священник, управляющий храмом, церемониями в храме и организовывающий (или выступающий) фестивали и прочие мероприятия в храме.

Каппа — ёкай, похожий на чертенка, обитает у рек и прудов, заманивает людей в воду и топит их.

Карасу — ёкай-ворона.

Катана — традиционный японский меч с изогнутым тонким лезвием, заточенным с одной стороны.

Катсуо — сохэй, назначенный защищать Эми в храме Шираюри.

Ки — «духовная энергия жизненной силы», внутренняя сила, используемая ками и ёкаями и, в меньшей степени, людьми. Чистая ки идет от равновесия разума и души, и она сильнее, чем нечистая ки.

Кигику — город в 25 милях (40 км) на юго-запад от Кироибара и храма Шираюри.

Кимоно — традиционная японская одежда, похожая на халат с длинными широкими рукавами, перевязанный оби.

Кимура Эми — нынешняя камигакари Аматаэрасу.

Кироибара — маленький городок в 0.5 милях (1 км) от храма Шираюри.

Кицунэ — ёкай-лис. Чем старше и сильнее кицунэ, тем больше у него хвостов, их максимум — девять.

Кицунэби — сферы лисьего огня, используемого кицунэ.

Кома-ину — парные статуи в облике существ, похожих на львов, охраняющие храм, отгоняющие злых духов.

Косодэ — традиционная японская одежда, похожая на кимоно, но менее официальная, рукава этой накидки короче, длина самой одежды варьируется.

Коянэ — ками, служащий Изанами.

Кунитсуками — четверо самых сильных ёкаев, правящих Тсучи, земным царством духов: Сарутахико гор, Узумэ леса, Сусаноо бури и Инари огня.

Кьюби но кицунэ — девятихвостый лис-ёкай, самая сильная форма кицунэ.

Макото но кокоро — «чистота сердца», состояние духовного равновесия и чистоты, которое стараются достигнуть люди, поклоняющиеся ками.

Маругата — круг экзорциста, созданный особыми нарисованными символами по кругу, они меняются в зависимости от силы и цели.

Мико — жрица храма, помогающая каннуши, выступающая на фестивалях, церемониях и других мероприятиях и выполняющая административные обязанности.

Минору — сохэй, назначенный защищать Эми в храме Шираюри.

Мисо — традиционная японская приправа, часто используется для соусов и супа.

Мияко — девушка из Кироибара.

Нанако — мико в храме Шираюри.

Оби — пояс, которым завязывают кимоно и косодэ, может быть разной ширины и длины, в зависимости от костюма и пола.

Офуда — талисман, сделанный из прямоугольного листка бумаги с написанным заклинанием.

Омамори — талисман защиты, похожий на офуда. Его носят на шее в маленьком шелковом мешочке.

Оненджу — четки, бусы для молитвы.

Они — ёкай, похожий на огра.

Онмё — философия, основанная на инь и ян, на равновесии стихий.

Орочи — восьмиглавый дракон-ёкай.

Рина — мико-ученица из храма Шираюри.

Сарутахико — Кунитсуками гор, правитель ёкаев, муж Узумэ.

Секишо но сейшин — заклинание для создания защитного барьера, дословно «барьер духа».

Шименава — канат, использующийся для очищения храма.

Шинтай — предмет, служащий временным проводником силы и духа ками.

Шион — город в 30 милях (50 км) на северо-восток от Кириобара и храма Шираюри.

Храм Шираюри — маленький храм, посвященный Аматаэрасу, рядом с Кириобара.

Широ — кицунэ-ёкай.

Шукусэй но тама — заклинание очищения ки, дословно «очищение души».

Сохэй — воин-священник, обученный сражениям, защищающий храм и изгоняющий ёкаев.

Сотэй но шинкетсу — заклинание, сковывающее врага, дословно «привязывание к крови сердца».

Сунэкосури — инугами, служащий ёкаю Амэонне. Похож на собаку породы Кай-ину.

Сусаноо — Кунитсуками бури.

Такамахара — «небесная долина», царство ками.

Тануки — ёкай, похожий на японскую енотовидную собаку, известен любовью к обманам и умением менять облик.

Татами — настил из рисовой соломы, покрывающий пол в японских традиционных комнатах.

Тэнгу — ёкай-ворон, известный как повелитель ворон, страж гор и лесов, вестник войны.

Тории — традиционные ворота, что отмечают вход в храм, границу между обычным миром и священными землями. Чаще всего сделаны из камня или дерева, выкрашены в красный.

Тсучи — земное царство духов, где живут ёкаи, отражающее мир людей.

Тсукиёми — Аматасуками воды, брат Аматаэрасу.

Узумэ — Кунитсуками дерева, жена Сарутахико.

Ёкай — духовные существа, которые появляются в Тсучи и связаны с природой. Порой их считают противоположностями ками, часто их называют монстрами или демонами.

Юи — мико-ученица храма Шираюри.

Юмей — ворон-ёкай, известный как Тэнгу.